

МАЛАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н.К.Рерих
ЧЕЛОВЕК
И ПРИРОДА

Международный Центр Рерихов
Мастер-Банк
Москва, 2005

ББК 87.3(2)6

Р 42

Рерих Н.К.

Человек и природа: [Сб. ст.]. — 2-е изд., исправ. —
М.: Международный Центр Рерихов, 2005. — 140 с.

Очерки Н.К.Рериха, собранные в данной книге, — это размышления о духовном познании Космоса, Земли и самого человека. Трагедия природы в нашем веке предопределена уничтожением духовности. Никто, может быть, не доносит до нас эту истину, это предупреждение в такой ясной и неопровержимой форме, как Н.К.Рерих.

Рерих «слит душой с природой, а природа знает больше нас, природа и есть жизнь, жизнь — есть путь», — писал Вс.Н.Иванов.

На 1-й стр. обложки:

Н.К.Рерих. Язык птиц. 1920

На 4-й стр. обложки:

Н.К.Рерих. Кулу, [1940-е]

Второе издание, исправленное

ISBN 5-86988-134-X

© Международный Центр Рерихов, 1994, 2005

© К.Н.Смирнов, предисловие, 1994, 2005

© Е.Б.Дементьева, составление, 1994, 2005

ЗАКОН ЗВЕЗДЫ И ФОРМУЛА ЦВЕТКА

Впервые открыв для себя полотна Николая Рериха (было это около четырех десятилетий назад), я поразился, прежде всего, непривычному и, в то же время, неотразимо убедительно-му видению им природы, восприятию ее как вместительного чело-вечества. Понятно, когда дело касалось гималайских вершин, уходящих в бесконечность пространства и времени. Но отчего и в «Сергии-строителе», где горизонт перегораживают леса сре-динной Руси, и в «Заморских гостях» — то же самое ощущение вселенского пейзажа?

Конечно, не в безвоздушном пространстве складывалось отношение Рериха к окружающей природе. К его часу в отече-ственной живописи и словесности уже явственно обозначился этот вселенский взгляд. Вспомним «Ветку» Александра Иванова в Третьяковской галерее — этюд к «Явлению Христа народу». Это ведь сознательные поиски пейзажа, соответствующего все-человеческой значимости действия. Вспомним левитановское «Над вечным покоем». И Лермонтова, сумевшего в «Демоне» охватить единым взглядом весь Кавказ, что доступно стало человеку лишь в прошлом веке, да и то с борта космического корабля. И философские постулаты русского космизма на грани XIX и XX веков...

Но все же нечто иное, неповторимо индивидуальное увиде-лось мне тогда в диалоге Рериха с природой России и Индии, в пересвечивании между собой далеких ночных созвездий и лампадных огоньков, плывущих по водам Ганга. Парадоксальное соединение несоединимого: конечности единичной жизни света лампы, цветка, бабочки, человека и бесконечности мерцаю-щих в ночи звездных миров. Некая всеобщая связь, которую его современница Марина Цветаева определила емким пятисловием: «закон звезды и формула цветка»¹.

---

¹ *Цветаева М.* Через сотни разъединяющих лет... Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989. С. 134.

Сам же Рерих скажет об этом в «Наставлении ловцу, входящему в лес» так:

*Я привел тебя к широким
рекам и к необъятным
озерам. И я тебе показал
океан. Видевший бесконечное
не потеряется в конечном.
Ибо нет бесконечного леса.
И каждую топь можно обойти¹.*

Не так все буквально в этом утверждении. Вглядываясь, вдумываясь в картины Рериха, я все больше понимал: и лес, и каждый его лист, каждая хвоинка и травинка, и каждая жизнь в этом мире тоже могут стать бесконечными. И искал разрешение противоречия между буквальным ответом и его философско-поэтическим подтекстом, за разъяснениями обратившись к самому Рериху, к тому, что он думал и писал о союзе и противостоянии человека и природы. С тех пор и иду по этому удивительному, этому неисчерпаемому пути.

И тебя приглашаю, читатель, в отрадное для души путешествие в мир природы, каким он виделся великому художнику и мыслителю России. А в путеводители можешь взять эту книгу, в которой собрано под одной обложкой немало жемчужин, так щедро разбросанных в письменах, статьях, этюдах Рериха.

(Прошу читателя об одном: не воспринимай мои страницы, предваряющие знакомство с мыслями самого Николая Константиновича, как некий философский трактат или как очередной экологический манифест, приспособливающий известное имя к «горячим точкам» нынешнего бытия. Это всего лишь заметки, сделанные в размышлениях над страницами Рериха. И буду рад, если разбуду в тебе, читатель, желание углубиться в неповторимый рериховский мир, открыть его для себя.)

В статье «Радость искусству» Николай Рерих выделяет примечательную черту первобытного художника, который, сделав всего один шаг от природы, еще не знал шаблонов, штампов. Именно это обеспечивало первое условие искусства — искренность и неповторимость: «В многотысячных собраниях предыдущих эпох вы не найдете ни одного точного повторения вещи»².

---

¹ Рерих Н.К. Письмена. М.: Современник, 1974. С. 143.

² Рерих Н.К. Человек и природа. М.: МЦР, 2005. С. 23. Здесь и далее цитируется по настоящему сборнику.

Только с пришествием бронзы и железа древнее человечество впервые открывает для себя диктат стандарта, шаблона: «...в эпоху, переходную к металлу, вас поразит однообразие форм, их неподвижность; чувствуется обесценивание ювелирных каменных вещей — перед неуклюжим куском металла. Энергия творчества обращена на иные стороны жизни. Гончарство также теряет свое разнообразие, и орнаменты иногда нисходят до фабричного штампования тканями и плетениями. Время штампования человеческой души»¹.

С одной стороны, это был гигантский шаг вперед, к «ноу хау» первобытной цивилизации. С другой — это был и первый шаг к отрыву человека от Праматери-Природы. Сейчас отрыв зашел очень далеко. Не только в материальных, но и в духовных ипостасях жизни. И, говоря словами Рериха, «сердце человеческое болезненно корчится от всего неестественного»².

Нет, Николай Константинович не отрицал за рукотворной «второй природой» права на своеобразную красоту, но понимал, что она никогда не заменит красоты естественной, первозданной. «Город, выросший из природы, угрожает теперь природе; город, созданный человеком, властвует над человеком. Город в его теперешнем развитии уже прямая противоположность природе; пусть же он и живет красотой прямо противоположную, без всяких обобщительных попыток согласить несогласимое. В городских нагромождениях, в новейших линиях архитектурных, в стройности машин, в жерле плавильной печи, в клубах дыма, наконец, в приемах научного оздоровления этих, по существу, ядовитых начал — тоже своего рода поэзия, но никак не поэзия природы. <...> ...Красота города и природы в своей противоположности идут рука об руку и, обостряя обоюдное впечатление, дают сильную терцию, третьей нотой которой звучит красота “неведомого”»³.

Великий защитник и создатель красоты, Рерих предчувствовал эстетику XX века на самой его заре как сопряжение несопрягаемого. Гармонично погружены в природу Парфенон и Покров на Нерли, деревянные елки Кижей и валаамские скиты. И кажется: просто было это делать древним мастерам, ведь в природную среду была погружена и вся жизнь тогдашнего человека. На самом деле простота любых гениальных, точно вписанных в природные окрестности творений наших предков —

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 23.

² Рерих Н.К. Врата в Будущее. Рига: Угунс, 1936. С. 235.

³ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 40.

простота кажущаяся. Но наш век всей античеловечной, противостественной громадой своей индустрии, своих безликих небоскребов, трущоб и «хрущоб», на первый взгляд, сделал такое соединение действительно невозможным.

И тем не менее Николаю Константиновичу, хотя он и предостерегал от «обобщительных попыток согласить несогласимое», провиделось, что люди найдут сопряжение несопрягаемого. Век оправдал провидение — в смелых проектах Ле Корбюзье и Бурова, в хельсинкском дворце «Финляндия», в вильнюсском жилом массиве Лаздинай. Как бы далеко ни разошлись по разным полюсам естественная и рукотворная «вторая» природа, человек всегда будет находить соединяющие их световые лучи и путеводные нити.

Но само расхождение это не бесконечно. Человек-то безграничен в гениальных сопряжениях с природой. Но он может так оторвать себя от Матери-Земли, что поставит планетарную жизнь на край гибели. И такой предел близок. Дальше взаимодействовать некуда, кроме как в пропасть.

Одна из устойчивых нынешних иллюзий заключена в том, что духовность непременно связана с крайним усложнением внутреннего мира личности, а согласие с природой есть нечто животное-травоядное, патриархальное, духовно обесточенное. Отпуск на даче, экскурсии по грибы, на охоту, на рыбалку — это так, для отдыха, для снятия городских стрессов. Но жить так все время?!

Рерих разрушает эту иллюзию. Именно — жить. Чем сложнее технократический мир человека, тем глубже должен погружаться в природу его духовный мир, «в каждом обиталище среди природы вопрос духовности тем сильнее должен войти во всю жизнь. Весь обиход бытия в природе не может ограничиваться какой-то технократией. <...>

...Никакие городские нагромождения, никакие башни вавилонские не заслонят путей к процветшему саду природы»¹.

Осознание этого приходит к человечеству с трудом. Не случайно первый экологический манифест, провозглашенный Рерихом еще в 1901 году в статье «К природе», потребовал, спустя треть века, не просто повтора, но и новых, трагических по сути постулатов. И назывался этот новый манифест уже «Боль планеты». После смерти Николая Константиновича боль успела превратиться в нестерпимую. Многие народы уже даже прибегают к сильным «анестезирующим средствам». Но окончательно

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 65–66.

преодолеть эту боль и эту болезнь в силах лишь все человечество общими, согласными деяниями.

Саморазрушение рода человеческого при разрушении им природы так очевидно в наши дни, что часто кажется исторически predetermined, фатальным. Но Рерих не принимал этой фатальности. Не беспочвенной мечтой — реальной перспективой видится ему превращение планеты в сад будущего: «Если посадка каждого дерева заключает в себе уже мысль о будущем, то мысль об оживлении целых пространств есть уже настоящее устремление к светлому будущему. <...> Познание, оживление, процветание — всегда будут неотложным заданием человечества»¹.

Все идет к тому, что свершится возвращение одумавшегося блудного сына — человечества — к отчому дому, к первоистокам природы. Когда это произойдет? Надежда у всех на XXI столетие. Дай-то Бог! Но, когда бы ни началось это всепланетное сближение, его непременно будет сопровождать одна характерная примета. Провидцы, пророки воскрешения природного естества в человеке, такие, как Вернадский, Швейцер, Пришвин, Рерих, станут грядущим поколениям куда более близкими, понятными, созвучными, чем своим современникам и даже нам, отдаленным от них полувековым временным пространством и уже осторожно вводящим в научный обиход (и безудержно — в моду) понятия: экология культуры, ноосфера, Живая Этика.

И еще один непреходящий спутник будет сопровождать наше возвращение к естеству: новейшее знание, восходящее к высоким абстракциям и высоким технологиям, все ближе будет соприкасаться и соединяться с живым знанием — многовековым народным опытом. Рационализм, господствующий в науке, по крайней мере, последние три столетия, обычно относится к этому опыту с недоверием, а то и с пренебрежением.

Конечно, в минувшем веке никто уже не сжигал целителей-знахарей «за колдовство». Но еще в последней его трети их поголовно объявляли шарлатанами. По крайней мере, в нашей атеистической державе лечение травами по народной рецептуре считалось если не вредительством, то уж определенно антинаучным.

Парадокс тут — в своеобразном невежестве научно-технической революции. Она нередко от порога отвергала свое генетическое родство с народным знанием о мире. Последнее, кстати, часто переплетено с древними поверьями, мифами, религиоз-

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 81–82.

ными текстами и апокрифами. А «чистая», «аристократическая» наука не снисходила до того, чтобы отделять здесь зерна от плевел, металл знаний от пустой породы суеверий.

Лишь в конце XX века, споткнувшись о барьер в виде сложнейших проблем наследственности, мозга, человеческой личности и человеческих сообществ, их психологии, их многомерности, когда вдруг стали отказывать такие, казалось бы, универсальные орудия познания, как физико-математические методы, наука поубавила самоуверенности. И теперь все чаще ее великие революционеры открывают для себя то, о чем еще в 30-е годы XX века предупреждал Н.К.Рерих: духовное оскопление подстерегает людей, если они самоограничатся только новейшими знаниями, утилитарно необходимыми сегодня и в ближайшей перспективе, если за архаичными формами не сумеют разгадать великий потенциал якобы «устаревшей» народной мудрости.

В 1935 году, когда человеческая мысль готовилась сорвать запретные печати со страшной энергии, таящейся в атомном ядре, Николай Константинович написал коротенькую статью «Флора». О том, что нередко считают народные способы лечиться травами признаком глупости народа (по докладу одного исправника одному губернатору: «...иногда глупый народ лечится всякими растениями»¹). Конечно, «каждая малейшая травка — на пользу»², и только ограниченный ум (если даже это ум человека с академическими званиями), не приемля все, что не входит в его представления об истине и пользе, объявляет ложными и бесполезными многие сокровища окружающего мира. Но дело даже не в этом. Ложна сама ориентация на сиюминутные, утилитарно-полезные ценности. На поверку и временем и практикой этот отсортированный узкий ценностный круг нередко заводит в тупики, быстро теряет свою кажущуюся неоспоримость и приоритетность.

Но как тут отличить истинное от ложного? Никак, если пренебречь всей совокупностью знаний, накопленных до нас, — и «полезных» и «бесполезных»: «Пусть из этих знаний не все приложимы сейчас, но для каждого полезного растения вы должны пройти весь луг, чтобы убедиться, где, что и как существует. <...> ...Заблуждение, что в старинной мудрости нужно изучать лишь кое-что, ибо остальное неприменимо. Но как же вы найдете это “кое-что”, если не ознакомитесь со всем?»³

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 45.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 46.

Речь, как видим, идет о более общем явлении, чем опыт народной медицины, — о некоем всеобъемлющем методологическом принципе, который обеспечивает приращение новых знаний и умений от века к веку. В отторжении «архаичного» опыта минувших поколений Рерих видит «иллюзию технократии с ее специализацией» и даже «безумные формулы о мечтании уравнять все человеческие мозги»¹.

В равнении под одно, в стандартизации умов и душ, нараставшей в XX веке от десятилетия к десятилетию и принявшей особо опасные размеры после великой информационной революции, впечатляющих успехов кибернетики и электроники, — во всем этом уже на заре открытий, преобразивших к нашим дням лик планетарной цивилизации, предчувствовал Николай Константинович великую опасность для духовности человечества. Опасность эта — в союзе невежества и новейших достижений науки.

Такой союз может совершить любое насилие над естеством жизни. Причем гораздо более губительное, чем можно ожидать от самой тоталитарной, самой тиранической власти: «Это чудовище гнездится в гораздо более многочисленных ущельях, нежели предполагается. Самая опасная жестокость, как ужасная форма невежества, живет не в каких-то судах или около тронов и кафедр, нет, она притаилась в множайших очагах семейной и общественной жизни»².

Не растерять по пути в будущее, не упустить через дырявые руки те драгоценности, что кристаллизовались в опыте предков, важно не только из утилитарной выгоды (как не использовать то, что может дать огромные дивиденды?!), а важно еще и потому, что в противном случае распадается связь времен, нарушается природный закон смены жизненных поколений, естественного прорастания новых почек на многовековом древе познания. Гидропоника, выращивание гомункулов в колбах, целых растений из изолированных клеток — все это хорошо для лабораторных экспериментов. Но историческая гидропоника никогда еще ни к чему доброму не приводила. Не потому ли таким тревожным сигналом стало для Николая Константиновича, казалось бы, частное, единичное сообщение о том, что «в некоторых школах предполагается исключить изучение классиков»: «...какой это будет ужас, если всюду и во всем воцарится ограниченный техникум со всеми ужасами условной специализации»³.

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 46.

² Там же.

³ Там же.

Это еще не костры из книг. Но это уже первый шаг к кострам. К сожалению, рукописи не горят лишь в философско-поэтическом смысле. В жестокой реальности они — ох как еще горят! И книги горят. И библиотеки. И выжигаются дотла накопленные людьми за целые столетия знания и опыт. Кропотливое их наращивание незаменимо никакими блистательными «прорывами» мысли и интуиции в будущее. Да и сами эти прорывы невозможны без опоры на древнейшую, накопленную за тысячелетия мудрость. Обращаясь к опыту Китая, Рерих замечает, что «тома китайской медицинской литературы заключают в себе все исследование китайской естественной истории — замечательное собрание наблюдений за тысячелетия»¹.

За тысячелетия — вот что важно. На протяжении многих веков крутые повороты истории и природные катастрофы не раз ставили под угрозу это эволюционное накопление опыта. Но у великого народа хватило мудрости не перечеркнуть его с каким-либо очередным революционным поворотом. Хватило осознания того, что «в каких бы не понятных для поверхностного наблюдателя формулах ни сообщалась истина — она все же останется таковою при глубоком, а главное, непредубежденном изучении этого иероглифа»².

Рерих, может быть, первым отказался от такого распространенного отождествления сомнения и отрицания. Древний философский принцип «Подвергай все сомнению», сомнение в истинности своих знаний («Я знаю то, что я ничего не знаю») — это одно. И совсем другое — бездушное, разрушительное отрицание, не несущее в себе ни поиска истины, ни освобождения от отживших свой век догм. В последнем случае за утверждение новых истин выдается насаждение власти тьмы и невежества. По мнению Николая Константиновича, «путь отрицаний уже давно сопрячислился к путям невежественным. Новейшие открытия лишь подтверждают глубокую связь человеческого мышления во всех веках и народах. Непонятные нам формулы происходили или от особенности языков, или от сознательного желания сберечь лишь в определенных руках ценные знания»³.

И — главное — Николай Рерих был первооткрывателем того природного, естественного закона, по которому выживают или, наоборот, рушатся и гибнут человеческие цивилизации. Непременным условием их жизнеобеспечения и внутренней устойчи-

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 57.

² Там же. С. 58.

³ Там же.

ности является непрерывное наращивание вековых колец древа культуры, исторического опыта, знаний, мудрая мера между новаторством и традицией.

Да, внешне все может выглядеть как и в неодолимой природе: великие державы и империи гибнут под ударами вселенских катастроф или иноземных нашествий. Но все же человеческие сообщества — не популяции динозавров. Даже самые страшные войны, внешние катастрофы, смены цивилизаций не в силах уничтожить эти сообщества, если сами они не нарушают великий закон саморазвития культуры.

История Китая — тому пример. Но и история России тоже. Нашествие Батюга не оборвало золотые века древнерусской культуры, хотя в огне этого нашествия погибло столько ее великих памятников. Уже ко временам Сергия Радонежского и Дмитрия Донского отечественное искусство, как Феникс из пепла, блистательно возродилось во фресках и иконах Рублева и Дионисия и потом уже — через храмы Василия Блаженного и Вознесения в Коломенском, через московское барокко, через плеяду великих художников и поэтов петровской и екатерининской эпох — неизменно поднималось до вершин своих золотого и серебряного веков, до лучших творений XX столетия.

Но как раз XX век небывало обострил противоречия между цивилизацией и культурой и в России, и в Китае, да и во всем мире. Одним из первых отметил это Николай Рерих, предупредив нас всех о великой сейсмической опасности уже не для отдельных народов и государств, а для всего человечества. Внешне это воспринимается сегодня как реальная возможность экологического «конца света». И люди срочно начинают искать пути спасения в принятии экстренных мер, которые опираются на достижения нынешней цивилизации — от безотходных технологий до строгих природозащитных законов.

Все это, конечно, необходимо. Но при этом главные пути спасения надо искать глубже, в сохранении, защите вековых корней древа культуры, включающей в себя и опыт мудрого, духовного отношения человека к среде своего обитания, будь то лес и река рядом с первобытной стоянкой или все околосемное пространство, «малая родина» — провинциальная глубинка или бескрайние просторы огромного государства, которое мы зовем Отечеством. Трагедия природы в нашем веке предопределена трагедией духовности, ее тоталитарным уничтожением. Никто, может быть, не доносит до нас эту истину, это предупреждение, открывающее, кстати, и путь к спасению, в такой ясной, такой неопровержимой форме, как это делает в своих произведениях

Николай Рерих, провозглашающий единение людей под Знаменем Мира, знаменем Культуры.

Мы привыкли отождествлять понятие «родина» с природой отчего края, неотделимой от бытия своего народа. Не драгоценный орнамент этого бытия — само оно, естественно продолженное и воплощенное в дыхании весен и зим, в плавном или, наоборот, бурном течении рек.

Отсчет такого понимания идет от Библии, от Екклезиаста. Помните? «Род проходит и род приходит, а земля пребывает веками»¹. Или от более позднего, уже в XX веке, отождествления у многих прозаиков и поэтов (у Хемингуэя, например, в «И восходит солнце») — в полемике с Екклезиастом — земли и рода, народа: род бессмертен, пока его земля пребывает веками.

Но вот Николай Рерих напоминает, что, оказывается, и то и другое мировосприятие свойственно было людям задолго до нас и даже до Библии: «Мудрые древние майи оставили надпись. Ей три тысячи лет:

“Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум понимает, ты спросишь, кто мы? — Кто мы? Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страдания и землю любимую! Кто мы? — Мы земля”»².

И как продолжение того же гимна: «Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа нетронута, там и народ тверд без смятения»³. Но молвлено это Рерихом не вообще о земле, а о новгородских и псковских краях. При этом речь идет не столько об исторических местах и памятниках древности. Речь — о природе первородно русских мест. От общей панорамы пролегает тропинка к единичному, конкретному роднику, что бьет из-под земли в селе Мшенцах. А от него — назад, к панорамному видению всей родной земли: «Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша — полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждет»⁴.

Впрочем, Рерих прозорливо предупреждает: «Указание на многие девственные места Руси вовсе не следует понимать в том смысле, что вопрос экономии природой у нас находится в бла-

---

¹ Книга Екклесиаста, 1:5.

² *Рерих Н.К.* Человек и природа. С. 29.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 31.

гополучном состоянии. Конечно, у всех бездна разбросанных по всей будничной жизни примеров холодной жестокости при обращении с природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелепости. <...>

Скажут: «Об этом ли еще заботиться? На соображения ли с характером природы тратить время, да времени-то и без того мало, да средств-то и без того не хватает»¹.

Не правда ли, знакомая ситуация по последним десятилетиям? И особенно по последним годам, когда за разрушительное разбазаривание природных ресурсов России вслед за государственными монстрами типа Минводхоза застойных времен принялись предприниматели-натуроворы и местные удельные князья, один за другим объявляющие свой «суверенитет» над общенациональными богатствами. Все это наносит сокрушительный удар не только по образу жизни народа, но и в самое его сердце.

«Вспомним озерную область — губернии Псковскую, Новгородскую, Тверскую с их окрестностями Валдая, с их Порховскими Вышгородами, с их привольными холмами и зарослями, смотрящими в причудливые воды озерные, речные. Как много в них грустной мелодии русской, но не только грустной и величавой, а и звонкой плясовой, что гремит в здоровом рудовом бору и переливается в золотых жнивьях»².

Вот что рушим.

Выше говорилось, что Рерих обращается к этим местам не только в силу их исторической значимости, подчеркивая природную их самоценность и очарование. Но и история тут, конечно, не сама по себе.

Не так еще давно у нас замалчивались взаимозависимость и взаимовлияние друг на друга природы, характера и истории народа, так глубоко проанализированные в свое время Ключевским. Сейчас, слава Богу, сия полоса миновала. Но можем ли мы сказать, что в нашем отношении к природе и особенно в воздействии на нее мы стали дальновиднее, мудрее? Заботимся ли, говоря словами Николая Константиновича, «о сохранении мест, уже освященных природою, о сохранении исторических пейзажей и ансамблей»³?

У одного литературоведа вычитал я такую мысль. Горько, конечно, что не сохранились усадебные здания в блоковском Шахматове. Но не все еще потеряно, пока вокруг сохранились

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 36.

² Там же. С. 38.

³ Там же.

речки, поля, леса, окружавшие Блока. Катастрофа произойдет, если утратим обычную подмосковную природу этих мест. Вот тогда кончится блоковское родовое гнездо.

Мало кто понимал это в XX веке — разве что поддерживали на приличном уровне клумбы и парки усадеб-музеев, да и то не везде. Чего стоит кощунственное возведение химзавода рядом с Ясной Поляной! Рерих понимал. «О сохранении исторических памятников, — писал он, — теперь, слава Богу, скоро можно уже не говорить, на страже их скоро станут многолюдные организации с лицами просвещенными во главе. Но мало охранить и восстановить самый памятник, очень важно, насколько это в пределах возможного, не искажать впечатления его окружающим»¹. Другими словами: не губить окружающую памятник родную природу до такой степени, что она начинает искажать впечатления и от самих духовных наших святынь.

Солнечно-земные связи, играющие доминантную роль в возникновении и развитии всего живого на Земле, в том числе и рода человеческого, нашли адекватное уровню нынешних знаний выражение в работах Вернадского, Чижевского, Циолковского, в строгих математических формулах и символах. Человек ранее, хотя и находился в полной зависимости от заатмосферных сил и энергий, практической возможности влиять на эти силы и энергии не имел. Выход его в космическое пространство в корне меняет ситуацию.

И потому так актуально ныне еще одно мудрое, суровое предупреждение: «Кто-то пытается схватить за горло само пространство... <...> И трудно себе представить, что может произойти, если человечество вступит и на такой путь насилия. <...> Одно ясно, что люди в обоюдной ненависти способны вызвать к действию самые страшные разрушительные энергии. Если в данную минуту еще не происходит какого-то потрясающего взрыва или каких-то губительных эпидемий, то это еще не значит, что их вообще не может быть. Люди опять-таки обвиняют далекие солнечные пятна во всех своих безумиях. <...> Наука уже вступила в океан новых энергетических опасностей, а люди легкомысленно пытаются изнасиловать и отравить само жизнедающее пространство. Куда же приведет такой “прогресс”?»².

Теперь неосторожное, недальновидное приведение в действие мощных сил и энергий в масштабах всей Земли и околоземного космоса может губительно сказаться на судьбе плане-

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 38–39.

² Там же. С. 93.

тарной жизни. И если для людей во все века важно было осознавать и беречь свое духовное родство с окрестной средой, то ныне с не меньшей остротой обозначилась его духовная связь с природой, простирающейся за околицей планеты, «связь человеческого духа с космическими явлениями».

Если в человеческое бытие входят космические расстояния и энергии, то значит — в него входят и отдаленные последствия: «Мы вызываем к усиленному напряжению неизученные силы и при этом поразительно мало озабочиваемся изучением этих космических воздействий. <...> Мы также легкомысленно готовы признать <...> случайные аспекты могущественных энергий, не задумываясь о том, на какие именно расстояния и с какими именно последствиями происходят эти, казалось бы, простые вызывания»¹.

Ускорения научно-технического прогресса деформировали естественный, веками складывавшийся уклад и темп жизни. Деяния человека не успевают нынче пройти должную проверку прежде, чем он переступит Рубикон теоретических моделей, сомнений, экспериментальных изысканий.

Если в минувшие столетия скорости, технологические процессы, применяемые материалы создавали естественное растяжение событий во времени, предоставляли людям возможность подготовиться к этим событиям, обдумать разные варианты решений, то в XX веке над ними все время нависают следующие один за другим цейтноты. И когда эти цейтноты люди пытаются снимать с помощью быстродействующей электронной техники, она на самом деле не обеспечивает им победу над временем.

Конечно, Николаю Константиновичу неведомы были сегодняшние компьютеры. Но ему введома была, может быть, самая опасная болезнь компьютерной революции — слепая вера в то, что любые сценарии грядущего прочитываются, проигрываются на ЭВМ: «Все человеческое мышление сейчас очень виновато в том, что уклонилось в сторону условной механизации, не производя длительных предварительных испытаний»².

Не таким-то безвредным для самого человека оказывался переход от патриархальной медлительности к космическим скоростям. Сейчас, например, дома сходят с промышленных конвейеров и нередко очень скоро приходят в аварийное состояние. А «когда-то соборы и храмы строились веками»³.

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 112.

² Там же.

³ Там же. С. 113.

В прошлые столетия и в возведении храмов, дворцов, и в других долговременных творениях рук человеческих «духовное горение не потухало и не искривлялось. Теперь же <...> люди далеки от многолетних, даже вековых задач»¹.

Между тем для человека естественно вписываться в эти многолетние, вековые задачи, которые наполняют его конечный срок пребывания на Земле великим смыслом, раздвигают границы этого срока и в прошлое, и в будущее. И наоборот — противоестественно вести мимолетное, бездумное и бездушное существование бабочки-однодневки. Противоестественен отказ от высокого предназначения жизни, от наполнения отпущенного на нее времени достойными человека духовными порывами, мыслями, делами: «Достойны ли люди летать, если полеты будут связываться или с мыслями об убийстве и отравлении, или ограничатся гонкой на скорость? Ограничительность доходит до того, что назначаются премии за красоту одного члена тела, или руки, или ноги. При этом мысль о целом и о том, что движет этой рукою или ногою, считается совершенно излишней.

При всяких состязаниях на механическую скорость, при всяких премиях и бессмысленных изобретениях однодневных королей и королев совершенно отодвигается на второй план примитивное соображение об искусстве мышления, которое дало столько непрезойденных, замечательных школ древности.

Именно искусство мышления позволило бы вспомнить и о том, что перегрузение пространства и хищническое овладение основными энергиями должно привести к необходимости заботливого отношения к этим космическим проблемам. <...>

Человечество должно и дерзать и преуспевать, но причины и следствия прежде всего»².

Когда люди об этом забывают и ускоренными темпами «собираются строить небоскреб всех наций — трагическое напоминание о Вавилонской башне»³, их ждет не только катастрофическое крушение все новых и новых Вавилонских башен, но и невосполнимые потери первооснов их духовной и материальной жизни.

Когда же люди соизмеряют деяния и помыслы свои с естественными законами, охватывающими бытие от мимолетного подснежника до вечно пульсирующих созвездий, «когда предлагается мыслить о дальних мирах, ведь не только об астрономи-

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 113.

² Там же. С. 113–114.

³ Там же. С. 114.

ческих проблемах предполагается. Какие великие расширения сознания зазвучат и засияют! <...>

Не простое накопление сведений, но расширение мирозерцания и устремление к наивысшему выведет людей из бездны быта. <...>

Все это — и высокое, и безбрежное, и неисчислимое удержит человечество от постыдных отрицаний и приведет к высокому созданию благоволения»¹.

Вот такими видел взаимоотношения человека и природы Николай Константинович Рерих. И само это видение я уподобил бы зрению человека, который в спектре радуги различает гораздо больше цветов, переходов, оттенков, чем простые смертные, со школьных уроков усвоившие простенькую «запоминалку»: «Каждый охотник желает знать, где сидят фазаны» (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый). Он не ограничивается только видимым светом, сердцем чувствуя и невидимые инфракрасные лучи низких частот, и палящий ультрафиолет частот высоких. Словом, живет по принципу: стремись осмыслить Космос — поймешь, что делается на Земле.

Рерих говорит не просто о познании мира с помощью моделей, формул, законов. Его дума — о духовном познании и Космоса, и Земли, и самого человека. Под этим углом зрения видится ему сыновняя связь человека с природой.

Мотыльковый образ жизни, быстрое физическое и психическое старение и одновременно — детская незрелость, недалекость во взаимоотношениях с окружающей средой. Этот причудливый, противоречивый симбиоз человек XX века демонстрировал неоднократно. Но тем самым он не освобождался от влияния природы, а все больше и больше детерминировал собственную жизнь.

Вчитаемся в строки Рериха. Прислушаемся к ним. Постараемся понять главное: когда человек поднимется до духовной свободы и ответственности в самом себе, тогда он, не отказавшись ни от одного из завоеваний нынешней цивилизации, вернется и к первородному единству с природой.

Ким Смирнов

---

¹ Рерих Н.К. Человек и природа. С. 131.

Возлюбивший природу не отломит
без нужды ветки куста, и человека ли
сметет он с пути?

Н.К.Рерих. Детская сказка

Многие прекрасные и жизненные
мысли будут навеяны ближайшим при-
касанием к природе, в каждодневных
благословенных трудах.

Н.К.Рерих. Урбанизм

К ПРИРОДЕ

РАДОСТЬ ИСКУССТВУ

II

<...> Радость жизни разлита в свободном каменном веке. Не голодные, жадные волки последующих времен, но царь лесов — медведь, бережливый в семействе, довольный обилием пищи, могучий и добродушный, быстрый и тяжелый, свирепый и благостный, достигающий и уступчивый — таков тип человека каменного века.

Многие народы чтут в медведе человеческого оборотня и окружают его особым культом. В этом звере оценили народы черты первой человеческой жизни. Семья и род, конечно, — основы древнейшего человека. Он одножен. Ради труда и роста семьи только снисходит он до многоженства. Он ценит детей — продолжателей его творческой жизни. Он живет сам по себе; ради себя творит и украшает. Мена, шегольство, боязнь одиночества, уже присущие позднему времени камня, не тронули древнего. Общинные начала проникают в быт лишь в неизбежных, свободных действиях охоты, рыбной ловли, постройки.

Нам не нужны сейчас наслоения геологии. Не тронем две первичные эпохи, хотя оставленное ими — кости их страшных обитателей и окаменелости — составляют огромный скелет сказочного для нас мира; он так же близок душе художника, как и изделия рук человека. Допустим условные научные распределения.

Минуем третичный плиоцен¹ с его таинственным предшественником человека. Царство догадок и измышлений! Царапины на костях и удары на кремневых осколках далеки от художественных obsуждений.

Древнейшие эпохи доледниковые — палеолит (шельская, ашельская, мустьерская)² — уже близки искусству. Человек уже

---

¹ Плиоцен — последняя эпоха третичного периода геологической истории, начавшаяся около 5 млн. лет назад и завершившаяся около 2 млн. лет назад.

² Шельская (по названию г. Шель около Парижа) и ашельская (по названию предместья г. Ашён (Франция) — Сент-Ашель) культуры относятся к нижнему палеолиту — первому периоду древнекаменного века, начавшемуся свыше 1 млн. лет назад. Их возникновение связано с появлением на Земле человека прямоходящего (*Homo erectus*). Для этих культур характерны грубые каменные рубила. Мустьерская культура (по названию пещеры Ле-Мустье во Франции), носителем которой стал человек неандертальского типа, соответствует среднему палеолиту и характеризуется более совершенными каменными орудиями и появлением пещерных стоянок.

стал царем природы. В чудесных единоборствах меряется он с чудовищами. Уверенными, победоносными ударами высекает он первое свое орудие — клин, заостренный, оббитый с двух сторон. В широких ударах поделки человек символизирует победу свою; мамонты, носороги, слоны, медведи, гигантские олени несут человеку свои шкуры. Каменным скребком (мустье) обрабатывает человек мохнатую добычу свою. Со львом и медведем меняется человек жилищем — пещерою; он смело соседствует с теми, от кого в период «отступлений» он защищается уже сваями. Приходит на ум еще одна победа — приручение животных. Веселое время! — Время бесчисленных побед.

Движимый чудесными инстинктами гармонии и ритма, человек, наконец, вполне вступает в искусство. В двух последних эпохах палеолита (солютрейская и мадленская)¹ блестящий победитель совершенствует жилище свое и весь свой обиход. Все наиболее замечательное в жизни одинокого творца принадлежит этому времени.

Множество оленей доставило новый отличный рабочий материал. Из рога изготовлены прекрасные гарпуны, стрелы, иглы, привески, ручки кинжалов... Находим изображения: рисунки и скульптуру из кости. Знаменитая женская фигурка из кости. Каменная Венера Брассемпуи. Пещеры носят следы разнообразных украшений. Плафоны разрисованы изображениями животных. В рисунках поражают наблюдательность и верная передача движений. Свободные линии обобщения приближают пещерные рисунки к лучшим рисункам Японии.

Пещеры южной Франции, Испании, Бельгии, Германии (Мадленская, Брассемпуйская, Мас-д'Азильская — с древнейшей попыткой живописи минеральными красками, Альтамирская — с необычайно сложным плафоном грота, Таингенская и др.) доставили прекраснейшие образцы несомненной художественности стремлений древнего человека. Чувствуется, что пещеры должны были как-то освещаться; предполагаются подвесные светильники с горящим жиром. Каменные поделки восходят на степень ювелирности. Тончайшие стрелы требуют удивительной точной техники. Собака становится другом человека; на рисунках оленей — одеты недоуздки. Украшения достигают замечательного разнообразия; отделка зубов животных, просверленные

---

¹ Солютрейская (по названию стоянки Солютре (Франция)) и мадленская (по названию пещеры Ла-Мадлен (Франция)) культуры относятся к финальной части верхнего палеолита Европы. Кремневые орудия этих культур достигают высокой степени совершенства; появляются наскальная живопись, резьба по кости.

камни, раковины. Конечно, мена естественными продуктами постепенно изощряет результаты творчества человека.

Остатки лакомых и нам раковин, кости птиц и рыб, кости крупных животных с вынутым мозгом — все это остатки очень разнообразной и вкусной еды обитателей изукрашенных пещер.

Между временем палеолита и неолита часто ощущается что-то неведомое. Влияли ли только климатические условия, сменялись ли неведомые племена, завершила ли свой круг известная многовековая культура, но в жизни народа выступают новые основания. Очарование одиночества кончилось; люди познали прелесть общности. Интересы творчества делаются разнообразнее; богатства духовной крепости, накопленные одиночками предшественниками, ведут к новым достижениям. Новые препятствия отбрасываются новыми средствами; среди черепов многие оказываются раздробленными ударами тяжелых орудий.

Так вступают в борьбу жизни послеледниковые эпохи. Неолит.

Материки уже не отличаются в очертаниях от нынешних, с тем же климатом. Мамонты вымерли; северные олени перешли к полярному кругу. Скотоводство, земледелие, охота отличают эпохи неолита. Выдвигается новое искусство — гончарство, богато украшенное. Каменные вещи так же дороги, как и в прежние эпохи.

Работая с огнем, человечество натолкнулось на металлы. Неолит может гордиться этим открытием.

Последнее время неолита (эпоха Робенгаузенская)¹; кончина «каменной красоты». Эпоха полированных орудий, время свайных построек, время неолитических городов (Санторин, Мелос, Гиссарлик, старая Троя)...

В многотысячных собраниях предыдущих эпох вы не найдете ни одного точного повторения вещи. Все разделено личным умением и потребностями, качеством и количеством материала; в эпоху, переходную к металлу, вас поразит однообразие форм, их недвижность; чувствуется обесценивание ювелирных каменных вещей — перед неуклюжим куском металла. Энергия творчества обращена на иные стороны жизни. Гончарство также теряет свое разнообразие, и орнаменты иногда нисходят до фабричного штампования тканями и плетениями. Время штампования человеческой души.

Неолит для России особенно интересен. Палеолит (Днепровский и Донской районы) пока не дал чего-нибудь необычного.

---

¹ К этому времени относятся остатки неолитического свайного поселения около г. Цюрих (Швейцария), называемого Робенгаузен, где были найдены каменные, деревянные, костяные и роговые орудия, оружие, керамика, сети.

Неолит же русский и богатством своим, и разнообразием ведет свою особую дорогу; может быть, именно ему суждено сказать новое слово среди принятых условностей. В русском неолите находим все лучшие типы орудий.

Не будем строить предположений о времени каменных периодов. К чему повторять чужие слова о том, что неопределимо? За 4500 лет до Р.Х. уже расцвела культура Вавилона, но в России остатки каменного века имеются даже во времена Ананьинского могильника¹, после нашей эры.

Балтийские янтари, находимые у нас с кремневыми вещами, не моложе 2000 лет до Р.Х. Площадки богатого таинственного культа в Киевской губернии, где находятся и полированные орудия, по женским статуэткам обращают нас к Астарте Малоазийской, в XVI и XVII века до Р.Х.

При Марафоне некоторые отряды еще стреляли кремневыми стрелами! Так переплетались культуры.

Русский неолит дал груды орудий и обломков гончарства.

С трепетом перебираем звонко звенящие кремни и складываем разбитые узоры сосудов. Лучшие силы творчества отдал человек, чтобы создать подавляющее разнообразие вещей.

Особо заметим осколки гончарства. В них — все будущее распознавание племен и типов работы; только на них дошли до нас орнаменты. Те же украшения богато украшали и одежду, и тело, и разные части деревянных построек, все то, что время истребило.

Те же орнаменты вошли в эпохи металла. Смотря на родные узоры, вспомним о первобытной древности. Если в искусстве народа мы узнаем остро стилизованную природу, то знаем, что основа пользования кристаллами природы выходит чаще всего из древнейших времен, из времен до обособления племен. Сравнения орнаментов легко дают примеры. На вышивках тверских мы знаем мотивы стилизованных оленей; не к подражанию северу, а к древнему распространению оленя, кости которого находим с кремнями, ведет этот узор. На орнаменте из Коломцев (Новгород) человекообразные фигуры явно напоминают ритуальные фигуры вышивок новгородских и тверских. На гончарной бусе каменного века найдено изображение змеи, подобное древнейшему микенскому слою; змеи народных вышивок — древни.

---

¹ Ананьинский могильник — первый исследованный памятник ананьинской культуры раннего железного века Прикамья и Среднего Поволжья, открытый в 1858 г. на левом берегу р. Тоймы (приток р. Камы). Современная датировка могильника: VI—IV вв. до н.э.

Труден вопрос орнамента. Все доводы против инстинкта, хотя бы они дошли до ясности галлюцинаций, разбивает сама природа. Разве не поразительно, что сущность украшений одинакова у самых разъединенных существ? Но не гипотезы нам нужны, а факты.

Две основы орнамента — ямка и черта. Чтобы украсить — надо прикоснуться; всякое прикосновение украшателя оставляет то или другое. Соединение этих основ дает всякие фигуры; от их качества зависит самый характер узора. Из хрупкой глины лепит человек огромные котлы с круглым дном; те же руки дают крошечную чашечку, полную тонких узоров. Работают пальцы, ногти; идет в дело орнамента все окружающее: перья, белемниты (чертовы пальцы)¹, веревки, плетенья, наконец, выбиваются из камня особые штампы для узоров. Всякий стремится украсить сосуды свои чем-то особенным, сделать их более ценными, более красивыми, более нужными. И трогательно изучать первые славословия древних красоте. Составьте из осколков разные формы сосудов. Изумляйтесь пропорциям их. Смотрите — вся поверхность котла залита ямочками или разбита чертами и всякими фигурами. Человек не знает, чем бы украсить, отметить сделанное; из плетений и шнуров он дает новые узоры. В последнее время каменного века, торопясь производством, он печатает на поверхности сосуда ткань одежды своей.

Но человеку мало разнообразия узоров. Он находит растительные краски, чтобы дать еще более особенности своему изделию. Целый набор тонов: черных, красных, серых и желтых. Сосуды красятся сплошь и узорами. Можно представить себе, сколько стремлений древнего разрушено временем, стерто землею, смыто водами. Та же спокойная палитра красок цветилась и на одежде, и на волосах, может быть, на татуировке, так как мы знаем, что идея татуировки вовсе не принадлежит только дикарям. Стыдно для нашего времени: в древности ни одного предмета без украшений. Невозможно даже сравнить народный обиход современности нашей с тем, что так настойчиво стремились иметь около себя старые обитатели тех же мест.

К любимым прекрасным вещам приложите каменное орудие — и оно не нарушит общего впечатления. Оно принесет с собой ноту покоя и благородства. Многие не так думают о древних камнях; не так думают те, кто предвзято не хочет знать достижений первых людей. Снимки в черном с каменных орудий

---

¹ Белемниты — отряд вымерших морских головоногих моллюсков. Хорошо сохранившаяся часть раковины известна под названием «чертов палец».

ничего не говорят о них, кроме величины; такие снимки мертвят целесообразность предмета; именно они виновны, если нам часто недоступен первый период человечества. Черный снимок напоминает о предмете, но слишком редко может дать истинное о нем представление. Почти невозможно изучать камни и в музеях, за двумя запорами витрин. Кроме бедных узников, отягощенных путами, серых от пыли, вы ничего в музее не узнаете.

Если хотите прикоснуться к душе камня — найдите его сами на стоянке; на берегу озера подымите его своею рукою. Камень сам ответит на ваши вопросы, расскажет о длинной жизни своей. Остатки леса, кора древности, почтенною сединою покрывают камни. Вы не замечаете бывшего их применения: перевертываете его в руке безуспешно — но идет на лицо улыбка, вам удалось захватить камень именно так, как приспособил его древний владелец. Именно теми пальцами попадаете вы во все продуманные впадины и бугорки. В руках ваших оживает нужное орудие; вы понимаете всю тонкость, всю скульптурность отделки его. Из-под седины налетов начинает сквозить чудесный тон яшмы или ядеита. В ваших руках кусок красоты!

Чудесные тона красок украшали древки первых людей: кварцы, агаты, яшмы, обсидианы, хлоромеланиты, нефриты; от темно-зеленого ядеита до сверкающего горного хрусталя отсвечивало древнее оружие. Прежде всего говорим об оружии; в нем — все соревнование, в нем — все щегольство; на него — вся надежда. Пропорции копий, дротиков, стрел равны лучшим пропорциям листьев. Тяжелое копьё, приличное медведю, маленькая стрелка, пригодная перепелке, — в бесконечном разнообразии выходили из-под рук человека.

Мы плохо различаем орудия. Для нас целая бездна орудий — все так называемые скребки. Но для древнего ясно различались среди них массы орудий самых различных назначений. Во всех домашних работах скребок — ближайший помощник. Из скребка часто выходят пила и навертыш. Острый скребок близок и ножу. Так же как копыя, нож часто вырабатывали с заостренным загнутым концом.

Кроме всего острого и колющего, каменный век сохранил и груды тяжелых ударных орудий. Клин, долото, топор, молот; где битва и где хозяйство — здесь различить невозможно.

Набор орудий древнего человека обширнее, чем это предполагается. Крючки для ловли, круглые камни, может быть, для метанья; круглые булавы с отверстием; человеко- и животногообразные поделки, быть может, священные. Подвески из зубов,

раковин, гончарные бусы, янтарные ожерелья. Костяные иглы, дудки и стрелы. На дне озерном и речном еще лежат темные стволы дубов; между ними, может быть, найдутся древнейшие лодки. Уже хорошо знали люди водные пути; на челноках с тою же смелостью переносились на далекие пространства, как и скандинавы на ладьях одолевали океан.

Достоинство отделки русского неолита очень высоко. Особенно радуется, что можно спокойно сказать: эта оценка не есть «домашнее» восхищение. На последнем доисторическом конгрессе 1905 года в Периге (деп[артамент] Дордонь) лучшие знатоки французы: Мортилье, Ривьер де Прекур, Картальяк и Капитан — приветствовали образцы русского неолита восторженными отзывами, поставив его наряду с лучшими классическими поделками Египта. Вообще, если мы хотим с чем-нибудь сравнить форму и пропорции каменных вещей, то лучше всего обратиться к законченностям классического мира.

Смутно представляем себе жилище древнего.

Мы видим древнего не ходульным героем с чреслами, задрапированными обрывками шкур. Мы ощущаем в изделиях его не грубость и неотесанность, а тонкую ювелирность. Мы чувствуем, что обычный «печеный» колорит обстановки должен замениться в представлении нашем прекрасными красками. Мы ясно предчувствуем, что весь обиход и жилище древнего человека не могут быть полужверинными логовищами и восходят уже к порядкам стройной жизни.

Пещеры исследовались в России, особенно в Польше¹, но пока никакого особенного устройства в них не найдено. Украшения и рисунки еще не открыты. В неолите еще нам известны какие-то неопределенные основания прежних жилищ с ямами очагов. *Fonds des cabanes*. Были ли это простые конические шалаши? Подобия юрт, крытые шкурами, тростниками и мехами? Или устройство их было более основательным? Пока нет утверждения. Но вспомним, что и после обширного дома иногда остается только груда печного кирпича. Разве основание очага может сказать о прочих размерах жилья?

Остатки свайных жилищ указывают на развитую хозяйственность. Были ли у нас свайные постройки? Пока неизвестно, но они были, конечно. Идея сваи, идея искусственного изолирования жилья над землею в пределах России существует издавна.

---

¹ По решению Венского конгресса 1814–1815 гг. часть территории современной Польши отошла к России и оставалась в этих границах почти до Октябрьской революции 1917 г.

Много веков прожили сибирские и уральские «сайвы» — домики на столбах, где охотники скрывают шкуры. В меновой древнейшей торговле такие склады играли большую роль. Здесь мы у большой древности. Погребение, по Нестору, «на столбах при путях» — избы смерти славянской старины; сказочные избушки на курьих ножках — все это вращается около идеи свайной постройки. Многочисленные острова на озерах и реках, конечно, только упрощали устройство изолированных деревень. Жалко, что мы не можем сюда же включить и городища, окопанные валами, расположенные по прекрасным холмам, облюбованным с великим чутьем. Правда, в них находятся и каменные орудия, но ясно, что человек уже владел металлом, а камни — уже случайные «последыши» дедовской жизни.

Еще нельзя рассказать картину древнейших периодов камня. Палеолит в художественном представлении пока бесформен. Искры его высокого развития пока еще не связаны с остальными деталями жизни. Но русский неолит уже входит в картины осязательные.

В последний раз обернемся на пространство жизни с камнями.

Озеро. При устье реки стоит ряд домов. По утонченной изукрашенности домики не напоминают ли вам жилища Японии, Индии? Прекрасными тонами переливаются жилища, кремни, меха, плетенье, сосуды, темноватое тело. Крыши с высоким «дымом» покрыты желтеющими тростниками, шкурами, мехами, переплетены какими-то изумительными плетеньями. Верхи закреплены деревянными, резанными узором пластинами. Память о лучших охотах воткнута на края крыш. Белый череп бережет от дурного глаза.

Стены домов расписаны орнаментом в желтых, красных, белых и черных тонах. Очаги внутри и снаружи; над очагами сосуды, прекрасные узорчатые сосуды, коричневые и серо-черные. На берегу — челны и сети. Сети сплетали долго и тонко. На сушильнях шкуры: медведи, волки, рыси, лисицы, бобры, соболя, горностаи...

Праздник. Пусть будет это тот праздник, которым всегда праздновали победу весеннего солнца. Когда надолго выходили в леса; любовались цветом деревьев; когда из первых трав делали пахучие венки и украшали ими себя. Когда плясали быстрые пляски, когда хотели нравиться. Когда играли в костяные и деревянные рожки-дудки. В толпе мешались одежды, полные пушных оторочек и плетешек цветных. Переступала красиво убранный плетеная и шкурная обувь. В хороводах мелькали

янтарные привески, нашивки, каменные бусы и белые талисманы зубов.

Люди радовались. Среди них начиналось искусство. Они были нам близки. Они, наверное, пели. И песни их были слышны за озером и по всем островам. И желтыми пятнами колыхались огромные огни. Около них двигались темные точки толпы. Воды, бурные днем, делались тихими и лилово-стальными. И в ночном празднике быстро носились по озеру силуэты челнов.

Еще недавно вымирающие якуты костенеющим языком своим пели о весеннем празднике.

«Эгей! Сочно-зеленый холм! Зной весенний взыграл! Березовый лист развернулся! Шелковистая хвоя зазеленела! Трава в ложбине густеет! Веселая очередь игр, веселья пора!

Закуковала кукушка! Горлица заворковала, орел заклекотал, взлетел жаворонок! Гуси полетели попарно! У кого пестрые перья — те возвратились; у кого чубы тычинами — те стали в кучу!

Те, для кого базаром служит густой лес! Городом — сухой лес! Улицею — вода! Князем — дятел! Старшиною — дрозд! — Все громкую речь заведите!

Верните молодость, пойте без устали!»

Так дословно певали бедные якуты свою весеннюю песнь.

О каменном веке когда-нибудь мы узнаем еще многое. Мы поймем и оценим справедливо это время. И узанный каменный век скажет нам многое. Скажет то, что только иногда еще помнит индийская и шаманская мудрость!

Природа подскажет нам многие тайны первоначалья. Еще многие остатки красоты мы узнаем. Но все будет молчаливо. Язык не остался. Ни находки, ни фантазия подсказать его не могут. Мы никогда не узнаем, как звучала песнь древнего. Как говорил он о подвиге своем? Каков был клич гнева, охоты, победы? Какими словами радовался древний искусству? Слово умерло навсегда.

Мудрые древние майи оставили надпись. Ей три тысячи лет:

«Ты, который позднее явишь здесь свое лицо! Если твой ум разумеет, ты спросишь, кто мы? — Кто мы? — Спроси зарю, спроси лес, спроси волну, спроси бурю, спроси любовь! Спроси землю, землю страдания и землю любимую! Кто мы? — Мы земля».

Когда чувствовал древний приближение смерти, он думал с великим спокойствием: «Отдыхать иду».

Не знаем, как говорили, но так красиво мыслили древние.

1908

*Рерих Н.К. Собрание сочинений. Т. I.
М.: Изд-во И.Д.Сытина, 1914*

ЧАША НЕОТПИТАЯ

«Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая еще милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает ее не только потому, что она своя, но потому, что она и красива, и превосходна, и, поистине, полна скрытых значений.

Велика красота русская, у нас бесконечно много того, что еще недавно считалось неценным. Чего не видно из окон вагона, когда, бывало, ездили “куда следует”. Чего мы не хотели знать. Как вообще не хотели знать свою собственную землю.

Когда после простудной напасти меня стали в Крым отправлять, вопреки всему потянуло меня опять в любимый Новгородский край. Коли пройдет, то и здесь пройдет.

За пределами оконного кругозора сколько изумительных красот и в Псковской области, и в Новгородской земле. Так близких и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Но теперь как-то не нужно мыслить о былом. Теперь — настоящее, которое — для будущего.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа нетронута, там и народ тверд без смятения. Новгородцы бодры.

Бодры так же, как бодры озера. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как остры голубые глаза рыбаков озерных.

Степенны и суровы так же, как непроходны леса, которыми край еще полон. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новгородских пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озер. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменистые. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинута. Белые с зеленым, лиловые, красные, оранжевые, черные с желтым... Любой выбирай. Все нетронута. Ждет.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками-храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюжевскому пути. Мста и Шелонь, Шерегород, Пирос, Шлино, Бронница и Валдай, Иверский монастырь, Нил Столбенский. Возвышенности Валдайские. Все это красота. Красота бодрая.

Жальники — к Новгороду. Дивинцы — к Твери, эти места называются. Дивинец — диво-город, с восхищением. Но того милее — Жальник. В нем много жаленья, покоя, слов вечных.

А вот и чудо. Не то чудо, что еще живы русалки. Жив еще “честной лес”. По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время еще. А вот чудо.

Среди зеленого мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина, неотпитая чаша. Яма — сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям все заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьет мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна железом, и пить трудно. Сильно бьет родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Еще известны ключи в Варницах. Там и грязи такие же, как в Старой Руссе. Варницы — старое место, при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же слышал я и о каких-то теплых ключах.

Живая вода по полю, по озерам разбегается. И страшно, и больно, но и приятно знать, что в четырех верстах от большого пути еще лежат такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдет испытание. Всенародная, крепкая доверием и делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша — полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждет».

А давно ли писано? Да вот четверть века прибежит. А стоят ли Новгородские дивинцы да жальники? Превосходно высятся.

А ходит ли на поиск Новгородская вольница, ушкуйники неумные? Не то, что по Обонежской Пятине, да по Бежецкому Концу, а за пуп земли, за полуночные страны перелетели в поиске мирном.

А копают ли золото и самоцветы на Керженце, на Урале? Какое там Урал, а за самый Алдан забрались.

А ходят ли гусяры, сказители? Уже и по Смоленщине да по Киевщине, а и во Франкскую землю с песнями приехали.

Вася Буслаев уцелел ли? Не то что жив, но и на камнях начертания вычитал.

Дивинцы Новугородские! Чудо чудное! Диво дивное! Чаша неотпитая! Опять написан — Микула Селянинович. Великий пахарь выорывает¹ красоту всенародную. Открылись исстари захороненные стенописи Софийского Собора в Киеве. В чудесном живописном обрамлении Палеховского мастера издано в Москве «Слово о Полку Игореве». Закреплены в заботливом изложении мастера Суриков, Репин, Юон, Петров-Водкин... Помянуты всенародно Пушкин, Ломоносов, Горький, Менделеев, Павлов и другие герои. По Бородинскому полю веяли знамена. Голенищев-Кутузов, Суворов встали в памяти...

Отовсюду пишут: строится Академия Наук, возводится величественный Институт познания человека — экспериментальной медицины.

Народ хочет знать, молодежь всей земли хочет учиться.

Не сказка, но явь. Кто же восстанет против знания!

В «Литературной газете» № 56 говорится: «Надо воскресить и воспеть дела Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Москвы. Надо заново перечитать всю историю, не доверяясь материалам XIX века, критически относясь к спору славянофилов и западников, проверяя археологию, историографию.

Надо преодолевать традицию Карамзина, давление школы Покровского. Надо проделать заново огромнейшую работу. Надо двинуться в архивы, надо пойти на Чудское озеро, на Куликово поле, к Бородину, Смоленску, Березине, на Волгу, по сибирским тропам и рекам, на Украину, на Черное море, на Кавказ. Надо исходить по всем маршрутам, по которым проходили дружины и полки народа. Собрать малейшие следы, внимательно работать с этнографами, в музеях, записывать песни, сказания».

На эти правильные слова мы отвечали еще в 1898–1903 гг. в статьях «О Старине Моления», «На Кургане», «По Старине», «По Пути из Варяг в Греки», «Радость Искусству»² и в других зовах и молениях о познании русских всенародных сокровищ. «Всенародное» — так мы пытались обратить внимание народа на истинные пути познания, на которых куется народная крепость и непобедимость.

В прошлом году мы утверждали: «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю

---

¹ Выорывать — то же, что выпахать; взорать, вспахать известное пространство.

² См.: *Рерих Н.К.* Собрание сочинений. Т. I. М., 1914.

твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах — мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях».

Не устанем твердить об обороне всех сокровищ всенародных.

Пусть в обновленной кузнице мужественно куется меч обороны и плуг труда!

Привет!

25 Октября 1937 г. *Рерих Н.К. Из Литературного наследия.*
Гималаи *М.: Изобразительное искусство, 1974*

К ПРИРОДЕ

Не так давно в печати были приведены правдивые слова де Буалье о новом направлении искусства к жизни, к природе.

«Нас утомил культ нереального, абстрактного, искусственного... И мы вырвались на открытый воздух... И у нас из груди исторглись крики восторга и упоения: как хороша природа! Как красива жизнь!» — говорил де Буалье.

Действительно, теперь везде, то там, то тут, раздается этот возглас: «Как хороша природа!..»

Мы отбрасываем всякие условности, забываем недавнюю необходимость смотреть на все чужими глазами и хотим стать к природе лицом к лицу, в этом индивидуальном стремлении приближая наше время, вернее сказать, близкое будущее к одной из хороших прошлых эпох — к эпохе возрождения.

Художники настоящего времени горячо стремятся к передаче природы; стараются они взглянуть на природу, на жизнь глазом индивидуальным, и в разнообразии их воззрений передаваемая природа начинает жить. Истинное упрощение формы (без символического шаблона и академической утрировки), восхищение перед легким решением задачи приближения к впечатлению природы, прозрачность фактуры, — именно высокая техника, даже незаметная в своей высоте, — все эти основания лежат в корне новейших художественных стремлений всех родов искусства.

Этим стремлением к природе, конечно, не исключается творчество историческое, ибо мы любим его не постольку, поскольку оно является приятным патриотическому чувству, поучительным или же иллюстрацией исторического источника, а оно дорого нам и ценно также потому, что дает нам художественную концепцию несравненно самобытной былой природы и восстановление человеческой личности, несмотря даже на сильную неуравновешенность многих сторон ее, все же может быть полнейшей при большей простоте.

Стремление к природе, натурализм, само собой разумеется, понимается не только в широком значении, в смысле стремления вообще к жизни, но и в буквальном, являющимся непременно следствием первого понимания, то есть в смысле стремления к самой канве жизни, стремления в природу. Беру первый попавшийся пример. На недавней Парижской выставке

одним из любопытных уголков ее была швейцарская деревня. Интересно было наблюдать впечатление, производимое ею на большинство публики: лица как-то успокаивались, улыбки делались менее искусственными и напряженными, и часто тянулась рука снять шляпу, — это хороший жест! Искренно является он только перед величавым, — снимем ли мы шляпу перед стариком, в храме ли или перед морской тишиной. Раздавались голоса: «И не подумаешь, что в центре Парижа!» «Даже воздух словно бы чище кажется», — слышалось на различных наречиях, а ведь это была лишь грубая подделка, так что подобные отзывы можно было объяснить лишь чрезмерно окружающей суетою и усиленным над природой насилием.

Сильно в человеке безотчетное стремление к природе (единственной дороге его жизни); до того сильно это стремление, что человек не гнушается пользоваться жалкими пародиями на природу — садами и даже комнатными растениями, забывая, что подчас он бывает так же смешон, как кто-нибудь, носящий волос любимого человека.

Все нас гонит в природу: и духовное сознание, и эстетические требования, и тело наше — и то ополчилось и толкает к природе нас, измочалившихся суетою и изверившихся. Конечно, как перед всем естественным и простым, часто мы неожиданно упряимся; вместо шагов к настоящей природе стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сделанными ее подобиями, но жизнь в своей спирали культуры неукоснительно сближает нас с первоисточником всего, и никогда еще, как теперь, не раздавалось столько разнообразных призывов к природе.

Парадоксально должна представляться пресловутая нелюбовь Джона Рескина к железным дорогам. Его требование сообразоваться при всяких сооружениях с окружающим пейзажем могло казаться странным, но в этом последнем желании нет ничего излишнего; наоборот, теперь оно должно считаться практически необходимым и неперемным условием во всех проявлениях созидательной работы.

Различные заботы о здоровье природы уже давно признаются насущными: мы разводим леса, углубляем реки, удобряем землю, предотвращаем обвалы — все это требует усиленной работы и затрат. Но целесообразное пользование пейзажем, природою тоже ведь одно из существеннейших условий ее здоровья, и притом для выполнения этого условия ничего не надо тратить, не надо трудиться, не надо «делать», надо только наблюдать, чтобы и без того делаемое совершалось разумно. И для осуществления этой задачи прежде всего необходимо сознание, что

самый тщательный кусок натурального пейзажа все же лучше даже вовсе не самого плохого создания рук человека. Всякий клочок природы, впервые подвергающийся обработке рукою человека, непременно должен вызвать чувство, похожее на впечатление потери чего-то невозвратимого.

И надо сказать, что требование заботливого отношения к природе и сохранения ее характерности нигде не применимо так легко, как у нас. Какой свой характер могут иметь многие европейские области? Придать характер тому, что его утратило, уже невозможно. А между тем что же, как не своеобразие и характерность, ценно всегда и во всем? Не затронем принципа национальности, но все же скажем, что производства народные ценятся не столько по своей исключительной целесообразности, сколько по их характерности.

Русь только начинает застраиваться. Русь начинает менять первобытное хозяйство на новейшее. Русь теперь вводит разные важные статьи благоустройства; многочисленные ее пункты еще, по счастью, сохранились девственными и характерными. Ничего там не нужно ни сносить, ни переделывать, но лишь наносить и делать, имея в виду никаких ни трудов, ни денег, — нестоящее соображение экономии природой.

Указание на многие девственные места Руси вовсе не следует понимать в том смысле, что вопрос экономии природой у нас находится в благополучном состоянии. Конечно, у всех бездна разбросанных по всей будничной жизни примеров холодной жестокости при обращении с природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелепости.

К сожалению, соображения бережливого отношения к природе нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно может незаметно войти в обиход каждого и стать никому снаружи не заметным, но неизменным стимулом создателя.

Скажут: «Об этом ли еще заботиться? На соображения ли с характером природы тратить время, да времени-то и без того мало, да средств-то и без того не хватает».

Но опять же и в третий раз скажу, ибо вопрос о расходах настолько всегда красугольный, что даже призрак его нагоняет страх, средств это никаких не стоит, а разговор о времени и лишнем деле напоминает человека, не полощущего рта после еды по недостатку времени. Вот если будут отговариваться прямым нежеланием, стремлением жить, как деды жили (причем сейчас же учинят что-либо такое, о чем деды и не помышляли), тогда другое дело. Тогда давайте рубить леса, класть шпалы по нарочито лучшим местам, тогда как так же удобно в смысле

практическом было бы их положить в соседнем направлении; давайте в Архангельске ставить колоннаду, а в Крыму — тесовые срубы; тогда... мало ли что еще можно придумать подходящего для последнего образа мысли.

В то время, когда усиленно начинают искать орнамент и настоящий стиль, когда, вдумавшись в памятники древности, поиски за орнаментом обращают к той же окружающей природе; когда своеобразность в человеке начинает цениться несравненно, тогда не заботиться о природе, факторе этой своеобразности, грешно.

Чтобы заботиться о чем бы то ни было, надо, конечно, прежде всего знать этот предмет заботы. Знаем ли мы, русские, нашу природу? Возьмем среднее, и принуждены будем сказать:

«Не знаем».

«Хотим ли мы знать нашу природу?»

«Этого не заметно».

«Принято ли у нас знакомиться с нашей природой?»

«Нет, не принято».

После всех этих неблагоприятных заключений попробуем найти смягчающее вину обстоятельство.

«Возможно ли у нас ознакомление с природой?» Ответ: «С трудом». Правда, последний ответ умаляет тяжесть указанных признаний, но, с другой стороны, ведь только спрос создает предложение.

«Почему у вас такая неприспособленность ко всему?» — спрашиваете вы при случайной остановке на захолустном постоялом дворе, раскинутом в превосходнейшей местности. «Кормилец, да нешто с нас спрашивает кто-нибудь? Нешто кому это надобно? Вот ты проехал, да недели две назад приказчик из экономии со станowymi останавливались, а теперь и неведомо, когда гостя дождешься». — «Почему вы не хотите ознакомиться с внутренними областями?» — спрашиваете любителя путевой жизни. «Да что вы, хотите что ли меня клопам на растерзание отдать? Или чтобы цинга у меня сделалась?»

Всегда жалуются обе стороны друг на друга. И теперь, когда всмотритесь во все эти строго организованные поездки под всеми углами и по всем радиусам Европы, то прямо смешными станут наши два-три общепринятых маршрута, от них же первые «по Волге» и «по Черному морю», и полное пренебрежение ко многим остальным, в самом деле прекрасным.

И хоть бы что ни говорилось, за исключением одного процента, все все-таки поедут по избитым путям; никаких приспособлений для более разнообразных поездок все-таки сделано

не будет; никто на пешеходные путешествия (столь принятые по Европе) не дерзнет, и все-таки мы будем ощущать слишком мало стыда, слыша, что некоторые иностранцы видели Россию лучше, нежели исконные ее жители, имеющие при том возможность такого ознакомления.

Правда, от всякого смельчака, отважившегося отступить от традиции и пробраться куда-нибудь в укромный, обойденный железными путями уголок, вы наслышитесь всегда прямо невероятных рассказов о трудностях пути его (и мне лично приходилось испытывать немало курьезов даже при следовании довольно обыденным маршрутом), но почти без исключений вторая часть рассказа — впечатления природы, быта и древности, с избытком покрывает первую. И не мудрено! Возьмите любую область. Возьмите суровую Финляндию с ее тихими озерами, с ее гранитами, молчаливыми соснами. Возьмете ли Кивач и бодрый Северный край. Возьмете ли поэтичную Литву или недавние твердыни замков балтийских — сколько везде своеобразного! А Урал-то! А протяжные степи с отзвуками кочевников! А Кавказ с милою патриархальностью еще многих племен! Да что говорить о таких заведомо красивых местах, когда наши средние губернии подчас неожиданно дают места красоты и характера чрезвычайного. Вспомним озерную область — губернии Псковскую, Новгородскую, Тверскую с их окрестностями Валдая, с их Порховскими Вышгородами, с их привольными холмами и зарослями, смотрящими в причудливые воды озерные, речные. Как много в них грустной мелодии русской, но не только грустной и величавой, а и звонкой плясовой, что гремит в здоровом рудовом бору и переливается в золотых жнивьях.

О бок с природой стоит любопытная жизнь ее обитателей. Сбилась уже эта жизнь; разобраться в ней уже трудно без книжных указаний, но все же для пытливого уха среди нее всегда зазвучат новые струны, и дальнзоркий глаз всегда усмотрит новые тона.

Много на Руси истинной природы; надо беречь ее.

«У вас много своеобразного и ваш долг — сохранить это», — твердил мне на днях один из первых художников Франции.

Говоря о заботливом отношении к природе, попутно нельзя не сказать тут же двух слов о сохранении мест, уже освященных природою, о сохранении исторических пейзажей и ансамблей.

О сохранении исторических памятников теперь, слава Богу, скоро можно уже не говорить, на страже их скоро станут многолюдные организации с лицами просвещенными во главе. Но мало охранить и восстановить самый памятник, очень важно,

насколько это в пределах возможного, не искажать впечатления его окружающим.

Не буду говорить о таких мелочах, как надстройка над древней крепостной башней белой отштукатуренной колокольни (кажется, в Порхове), но, например, сооружение Больших Гостиных Рядов в Москве — дело прекрасное, но отступи оно еще дальше от Кремля, и Лобное место не стало бы казаться плевательницей, а Василий Блаженный стоял бы много свободнее. И поэтому каждый раз, проезжая мимо Рядов, невольно бросаешь недовольный взгляд на них.

Всякое общение с природой как-то освящает человека, даже если оно выражается в такой грубой форме, как охота. Охотникам знакомо тягостное чувство при отъезде из природы; охотник скорей других прислушается в городе к далекому свистку паровоза и вздохнет не о том, что лишняя птица остается живою, а почему не он уезжает в природу.

Всегда особенно много ожидаешь и притом редко в этом ошибаешься, когда встречаешься с человеком, имевшим в юности много настоящего общения с природой, с человеком, так сказать, вышедшим из природы и под старость возвращающимся к ней же.

«Из земли вышел, в землю уйду».

Слыша о таком начале и конце, всегда предполагаешь интересную и содержательную середину и редко, как я сказал, в этом обманываешься.

Иногда бывает и так, что под конец жизни человек, не имеющий возможности уйти в природу физически, по крайней мере, уходит в нее духовно; конечно, это менее полно, но все же хорошо заключает прожитую жизнь.

Люди, вышедшие из природы, как-то инстинктивно чище, и притом уж не знаю, нашептывает ли это мне всегда целесообразная природа, или потому, что они здоровее духовно, но они обыкновенно лучше распределяют свои силы, и реже придется вам спросить вышедшего из природы: зачем он это делает, тогда как период данной деятельности для него уже миновал?

«Бросьте все, уезжайте в природу», — говорят человеку, потерявшему равновесие, физическое или нравственное; но от одного его телесного присутствия в природе толк получится еще очень малый, и хороший результат будет, лишь если ему удастся слиться с природой духовно, впитать духовно красоты ее, только тогда природа даст просителю силы и здоровую, спокойную энергию.

Тем и важно, что искусство теперь направляется усиленным ходом в жизнь, в природу, и толкует зрителям и слушателям разнообразными наречиями красоту ее.

Но нельзя исключить из красоты и жизнь вне природы.

Пусть города громоздятся друг на друга, пусть они закуты-ваются пологом проволочной паутины, пусть на разных глубинах шныряют змеи поездов и к небу вавилонскими башнями несутся стоэтажные дома. Город, выросший из природы, угрожает теперь природе; город, созданный человеком, властвует над человеком. Город в его теперешнем развитии уже прямая противоположность природе; пусть же он и живет красотой прямо противоположно, без всяких обобщительных попыток согласить несогласимое. В городских нагромождениях, в новейших линиях архитектурных, в стройности машин, в жерле плавильной печи, в клубах дыма, наконец, в приемах научного оздоровления этих, по существу, ядовитых начал — тоже своего рода поэзия, но никак не поэзия природы.

И ничего устрашающего нет в контрасте красоты городской и красоты природы. Как красивые контрастные тона вовсе не убивают один другого, а дают сильный аккорд, так красота города и природы в своей противоположности идут рука об руку и, обостряя обоюдное впечатление, дают сильную терцию, третьей нотой которой звучит красота «неведомого».

ОХОТА

Уже со школьных лет обнаружились всякие легочные неполадки. Затем они перешли в тягостные долгие бронхиты, в ползучие пневмонии, и эти невзгоды мешали посещению школы. Как только осенью мы возвращались из Извары в Питерские болота, так сейчас же начинались нескончаемые простуды, и уберечься от них было почти невозможно. Наконец, после третьего класса гимназии домашний доктор серьезно призадумался и решил радикальный исход. «Нужно и зимою ездить в деревню, пусть приучается к охоте. В снегах и простуду как рукой снимет». По счастью, этот врачебный совет был исполнен. В это время управляющим в Изваре был Михайло Иванович Соколов, почти что Топтыгин по виду и по своей любви к охоте и лесу. Открылась совершенно новая страница радости. На лыжах ходили за лисицами, «тропили» рысей, посылали лесничих выведать медвежьи берлоги — много увлекательных радостей. А уже когда настанет весна с глухариными и тетеревиными токами и с тягую вальдшнепов, тут уже всякие простуды должны уйти. Потом и без ружья можно бы провести ночь в лесу или на лыжах пробираться по сугробам. Но вначале, особенно же под руководством занятого Михайло Ивановича, вся обстановка охотничья казалась какою-то сказкою. Убийственная часть этого занятия скоро отпала, просто сама собой отмерла, стала несовместимой. Но впечатления весенних ночей и восходов, гомон птичьего базара, длинные хождения по зимним лесам — все это навсегда вносит особый склад жизни. Недаром охотничьи команды являются самыми зоркими и подвижными воинскими частями — они больше всего соприкасаются с природою.

Бывало, мы уходили в лес на несколько дней. Не однажды подолгу плутали. В то время уезды, смежные с Псковскою областью, были очень лесисты. Так, один раз мы проплутали целых три дня, пока выяснилось, что подошли к самой станции Дивенской. Это блуждание по разнородному лесу, по обширным моховым болотам с опасными бездонными «окнищами» потом долго вспоминалось. Местный проводник в каждой опушке и роше признавал давно знакомые места, но, приближаясь, мы оказывались где-то очень далеко от дома. Но никто не сетовал, и новые впечатления лесного царства навсегда отразились. Курганы — летом, охота — зимою и весною дали настоящие радости.

[1937]

*Рерих Н.К. Из литературного наследия.
М.: Изобразительное искусство, 1974*

ЗВЕРЬЕ

В Китае считалось особенным счастьем быть съеденным тигром.

Рассказывают очень знаменательный способ охоты на льва в Африке. Выходят на выслеженного царя пустыни даже без ружья, но с большою сворою маленьких, яростно лающих собачек.

Лев, укрывшийся в кустарнике, долго выносит облаивание, но наконец среди веток начинает появляться его грозная лапа. Опытный охотник говорит: «Сейчас будет скачок»; и действительно, грозный зверь высоко взвизгивается и падает в следующий кустарник.

Тогда к своре добавляется новая, свежая стая. Собачий лай усиливается. Опытные охотники говорят: «Теперь уже недолго, теперь он не выдержит». Затем наступает странный момент, когда собаки в охватившей их ярости устремляются в кусты. Ловцы говорят: «Идемте, он уже кончился». Царь пустыни не выносит облаивания, он кончается от разрыва сердца.

Приходилось наблюдать в Индии суд обезьян. На высоком утесе сидит кругом целый ареопаг старейших седобородых судей. В середине круга помещается обвиняемый. Он очень встревожен, очевидно, старается что-то доказать и жестами, и криками, но ареопаг неумолим. Происходит какое-то решение, и осужденный, поджав хвост, с жалобным писком подбирается к обрыву утеса и бросается в гремучий поток. Так бывает в предгорьях Гималаев.

Конечно, если послушаем рассказы про больших обезьян, живущих около снегов, то тут можно собрать целые книги. Приходилось видеть этих горных обитателей, чинно сидящих в семейном кругу на площадке около пещеры. Зрители говорили: «Нет ли у них еще и кремневых орудий?» В них очень много человекообразности.

А вот и еще животное чувство, близкое человеку. В студеную зимнюю пору на Тибетских нагорьях под снегом пропал подножный корм. Верблюды посылаются за три или четыре дня пути, где предполагалась трава. Оказалась и эта надежда тщетной, и там выпал глубокий снег, и корму не нашлось. В течение двух недель погибли все верблюды. Помним в нашем стане яркое зимнее утро, по блистающему снежному нагорью издалека движется какое-то животное. Верблюд! Без человека.

Медленно и величаво приближается к шатрам одинокий, отошальный верблюд. Уверенна его поступь. Из последних сил он спешит туда, где его раньше кормили. Он признал стан своим домом и не ошибся. Конечно, из последних остатков зерна он был накормлен. Были распороты выючные седла, чтобы достать клоч соломы. И все-таки он выжил, этот единственный и верный верблюд. Он выжил и потом дошел с нами через все перевалы по узким карнизам до Сиккима. Мы подарили его сиккимскому магарадже, и, может быть, еще и сейчас он живет на его землях. Это был первый двугорбый верблюд, пришедший в Индию от Тибета. Все окрестные жители сбежались глазеть на него, а он спокойно помотал головою, и, как темный агат, были глубоки и блестящи умные глаза его.

Вероятно, тоже полны выражения затуманенные слезою глаза косули, когда охотник спешит заколоть ее, подстреленную. Более чуткие сердца, однажды взглянув в эти глаза, увидав эти слезы, более не заносят нож над зверьем.

Если бы люди решались на убийства животных лишь тогда, когда наступает крайняя необходимость, пищевая необходимость. Всякое вождение убийства когда-то должно быть оставлено. Врачебные записи о распространении рака показывают, что этот бич человечества особенно развит там, где усилена мясная пища. Опытный врач всегда предупредит, что рано или поздно от мяса придется отказаться, если нежелательны камни в печени или подобные неприятности. А со стороны питательности почти постоянно в научных журналах пишутся убедительные статьи о витаминах, далеко превышающих мясную необходимость. Надо надеяться, что прошли те времена, когда звероподобные врачи прописывали сырое мясо и кровь. Какой это ужас, даже прописывалось кровопийство.

Если же даже вопрос сохранения здоровья, если научные опыты и советы врачей не убеждают, то не убедит ли, наконец, если заглянуть в глаза животных?

Друг дома — собака. Одни глаза верного пса могут рассказать так много, кроме того и видят они больше обычных людей. Сколько раз можно было наблюдать, что собака чувствует что-то незримое и видит, и щетинится, и предупреждает рычанием. Можно припомнить очень многие рассказы о таких чувствованиях животных. Нам кажется, что собаки чувствуют больше других животных, но, может быть, это нам только кажется — мы наблюдаем собак больше других зверей. И собака больше вошла в наш обиход, и люди привыкли к собачьим выражениям.

Одна овчарка требовала монеты, собирала их за щеку, а затем, придя в булочную, выбрасывала их и лаем требовала булку. В Париже мы знали собаку, ходившую за газетой. Помимо всяких обиходных проявлений, сколько известно самоотверженных поступков собачьих, когда они готовы были замерзнуть сами, отдавая тепло своим хозяевам.

Много звериных глаз можно бы припомнить. Многому могли бы опять у зверей поучиться люди.

Сегодня у нас появился новый пес — Нохор. По-монгольски — друг.

9 Марта 1935 г.

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

ФЛОРА

Кто не знает Святых Флора и Лавра, так красиво изображаемых в зеленых куцах с белыми конями? Известно, как почитают этих Святых русские крестьяне за их попечение о конях, о коровах и о прочем домашнем имении.

Рассказывается, как некий губернатор, любитель ботаники, пожелал ознакомиться с флорой вверенной ему губернии и приказал представить ему все образцы ее. Приказ попал в руки местных полицейских чинов и произвел переполох немалый.

Что бы такое было «флора»? Чем таким обеспокоился начальник? Недоумение росло, пока, наконец, дьячок не надумил, что, должно быть, губернатору потребовались все Флоры. Так и решили. Собрали всех Флоров, а кстати и всех Лавров, ибо Святые эти изображаются вместе, да и отправили недоуменных и огорченных мужичков в губернию к еще более недоуменному сановному ботанику.

Мало в каких других областях столько анекдотов, как около народной медицины и ботаники. Трудно поверить, чтобы каждая травка была на пользу. Даже очень рассудительные люди внутренне недоумевают, когда им рассказывают, что тот самый репейник, который они только что уничтожали, является благотворным лекарством или что морковь или земляника, искони потребные для стола, могут быть полезны в очень серьезных случаях.

Все помнят обратный анекдот, когда губернатор запросил местные власти о кустарных промыслах. Местный исправник доносил, что кусты действительно имеются, но какое употребление из них делают крестьяне, ему неизвестно, ибо иногда глупый народ лечится всякими растениями. И в этом случае народ заподозривался в глупости, ибо лечился растениями.

Как и во всем, мало знающая середина готова отвергать и отрицать. В то время, когда уже просвещенные верхи очень бережливо относятся к каждому народному преданию, и вполне оценили значение фольклора, и найдут лучший язык с оставшимися носителями этой народной мудрости, тогда же будут существовать и зубры, иногда даже модернизованные, выросшие лишь на отрицании.

По счастью, знакомясь с народами, вы видите, как нередко еще осталась трогательная чуткость, которая живет как наследие многих веков.

Вчера приходили старые буряты. Принесли они единственный сохранившийся экземпляр бурятского словаря, который является необходимым и в смысле медицинском. Надо было видеть, как трогательно они хотят переиздать тот ксилограф. Говорят: «Ведь без этой книги молодым не на чем учиться, здесь столько полезных сведений». Так в далеких юртах заботятся о знании. Там ничего не имеют против новейших форм современности, но в то же время со всею сердечною преданностью берегут остатки старых знаний. Пусть из этих знаний не все приложимы сейчас, но для каждого полезного растения вы должны пройти весь луг, чтобы убедиться, где, что и как существует.

Наверное, врач, вновь открывший целебное свойство эфедры от астмы, не только о ней прочел в старых китайских фармакопеях. Конечно, он изучал очень многое для того, чтобы во благо человечества вновь воспользоваться лишь некоторыми. Записываю это и повторяю упорно, ибо все-таки существует такое заблуждение, что в старинной мудрости нужно изучать лишь кое-что, ибо остальное неприменимо. Но как же вы найдете это «кое-что», если не ознакомитесь со всем?

В некоторых новых школах предполагается исключить изучение классиков. Как много прекрасного, вдохновительного и вечно руководящего будет исключено таким запрещением. И какой это будет ужас, если всюду и во всем воцарится ограниченный техникум со всеми ужасами условной специализации.

Именно теперь, когда всевозможные новые открытия говорят о расширении горизонта, именно теперь так несовременно все еще думать об иллюзиях технократии с ее специализациями. Тогда, когда даже малыши познают соотношения макро- и микрокосма, тогда, казалось бы, совестно устремляться к какому-то заведомому самоослепению. Человек, сказавший себе: я не хочу знать ничего, кроме винта, перед которым я случайно оказался; в каком же истинном строительстве может существовать такое самоограничение? Тот, кто во многом приложился, тот оценит и высокое качество каждой части.

Когда-то произносили безумные формулы о мечтании уравнять все человеческие мозги. Какой жестокий, тиранический дух мог подсказывать такое насилие? Вообще условие жестокости должно быть очень пересмотрено. Это чудовище гнездится в гораздо более многочисленных ущельях, нежели предполагается. Самая опасная жестокость, как ужасная форма невежества, живет не в каких-то судах или около тронов и кафедр, нет, она притаилась во множайших очагах семейной и общественной жизни. Она является одним из самых пресекающих все живое

начало. И там, где притаился элемент жестокости, там стеснено и всякое познание. Ведь истинное познание не для самости, оно, конечно, прежде всего самоотверженно. В этом самоотвержении и красота, и величие, и беспредельность.

Разные травы внимательно собирал благой Чарака; ему посвящена картина в Бенаресе.

«Каждая малейшая травка — на пользу».

«Всяк злак — на пользу человекoв».

17 Января 1935 г.
Пекин

*Рерих Н.К. Врата в Будущее.
Рига: Угунс, 1936*

ПИТАНИЕ

В описании флоры Дальнего Востока читаем:

«Кроме огородных овощей, китайцы, корейцы и инородцы употребляют в пищу многие дикие растения, заменяющие им культурные овощи. В этом нужно видеть приспособляемость населения к местным условиям жизни, где часто неожиданные наводнения затопляют поля и огороды, где охотничьим племенам нет времени заниматься огородной культурой, а в деревне весной не хватает зелени. Местное население, почти не употребляя в пищу мяса, должно разнообразить свой стол, но и беднейшие из него, благодаря знакомству с дикими овощами, никогда не сидят без пищи. Рано весной, когда обычно отсутствуют дожди и в огородах нет зелени, они заменяют культурные овощи молодыми листьями папоротника, побегами калужницы, стеблями белоцветного пиона, употребляют в пищу белую марь, дикий щавель, молодые стебли полыни, весенние листья одуванчика, листья осота и многие другие.

Население, живущее среди болот, по долинам рек, ест молодые ростки рогаза, клубни стрелолиста, листья нимфейника.

Из известных ныне диких овощей наиболее питательными следует признать луковицы различных видов лилий, дикий чеснок, черемшу, цветы лилейника, луковицы сароны и листья папоротника.

Из папоротников употребляют в пищу молодые листья Аспидиум Феликс. У лилейников обычно снимают цветы, сушат на солнце и заготавливают на зиму. Лепестки лилейника содержат в себе крахмал и оказываются питательными.

Молодые зеленые крылатые семена мелколистного вяза, всюду растущего, идут в пищу в сыром или в вареном виде. Интересно отметить, что цветы чакомки в вареном виде употребляются в пищу».

Затем идут описания съедобных орехов и грибов, а также всяких питательных водорослей, сорта бобовых растений, кориандра, колоказия, батата, иньяма, дикого ямса, съедобного лопуха (гобо), периллы, долихоса и других полезных, питательных и давно оцененных местным населением растений. Если же к этому огромному списку прибавить еще всякие земляничные, липовые, малинные и прочие местные чаи и растительные напитки и вспомнить, что даже обыкновенный пырей дает пи-

тательный отвар, то получается целый инвентарь полезнейших естественных растений.

При этом невольно бросается в глаза, что инородцы действительно мало едят мяса, а вековой опыт научил их находить естественную замену этого общепринятого питания. Сравнительно с длинным списком диких, годных для питания растений окажется сравнительно коротким перечень культурных огородных овощей.

Народы, часто испытывавшие голод и суровые условия природы, конечно, начали искать всякие возможности пропитания. Для них слишком обычным является стремительный, неожиданный потоп, когда поля и огороды в течение нескольких часов превращаются в песчаные бугры. Они знают ранние и поздние морозы и веками ощутили уничтожающую мощь вихрей. Конечно, всякие такие необходимости издавна обратили внимание на возможность найти питательное, подкрепляющее питание в растительном мире.

Когда происходит голод, то прежде всего поступают жалобы об отсутствии общепринятого зерна и мяса. На многие другие возможности вообще не обращается внимание. О них просто упускается из виду, ибо никто никогда не напоминал о естественных дарах природы.

Наука достигла многого в изучении витаминов. Наука установила, что в этом отношении овощи питательнее мяса. Именно наука еще раз подсказала ту древнюю истину, что мясная пища вовсе не нужна, разве кроме случаев неизбежной необходимости. В изучении овощных витаминов наука обычно занималась культурными огородными растениями. Теперь для таких же исследований следовало бы обратиться ко всем растениям, растущим в диком виде и тем самым так легко достижимым.

И тропические и арктические климаты дают множество питательных диких растений. Как полезно и необходимо было бы обратить исследование на этих питательных помощников в жизни человека. Ведь кроме несомненной питательности, о которой могут свидетельствовать многочисленные народы, эти растения, несомненно, имеют и лекарственные свойства, которые помогли бы соединить питательность с прямым оздоровлением.

Даже среди культурных огородных овощей их лекарственность далеко не всегда исследуется и применяется. Так легко могла бы быть соединена и питательная и лекарственная диета. Впрочем, в стариннейших советах мы видим, как предлагалась смена пищи по понедельно, чем предусматривалась не только питательность, но и лекарственность. Вместо множества патенто-

ванных суррогатов, в природе предоставлены людям самые естественные решения многих проблем.

Если не хватило бы воображения о путях, по которым искать решения таких проблем, то опять-таки следует обратиться к истории, этнографии, к изучению быта во всех его, казалось бы, даже странных на первый взгляд подробностях. Деревенские лекари и знахари для лечения животных прежде всего подмечают, какие травы поедаются ими во время их заболевания. Таким естественным, опытным путем были найдены многие полезные лекарства.

У многих народов мы уже научились не только полезным, но и изысканнейшим кушаньям, как-то: молодые бамбуки, лепестки роз и другие неожиданные, но питательные применения из окружающей природы. Не собираемся составлять вегетарианскую кулинарную книгу, но при многих странствованиях, несомненно, каждому бросается в глаза потребление дикорастущих растений. Каждый ознакомившийся с широким их употреблением невольно задается вопросом, были ли они, то есть такие растения, исследованы научно со всех точек их полезности.

Видим, что и до сих пор постоянно открываются новые виды флоры. Даже с этой стороны исследования планетной растительности далеко не закончены. Нечего и говорить, что в смысле изучения питательности и лекарственности вопрос также далеко, далеко не выяснен. Но для каждого зрячего очевидно, что вековые опыты многих народов могут быть широко и полезно применены.

24 Июня 1935 г.
Цаган Куре

*Рерих Н.К. Врата в Будущее.
Рига: Угунс, 1936*

ФАН МЕМОРИАЛ

Конфуций заповедал своим ученикам — «изучить как можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев».

В Пекине недалеко от поэтичного Северного озера, где высятся прекрасный белый субурган¹, на горе, рядом с Пекинской библиотекой, можно видеть новое просторное здание института биологии в память Фана, китайского деятеля, неоднократно занимавшего министерские посты и покровительствовавшего наукам. Фан всегда очень интересовался естественной историей и организовал музей естественной истории в Пекине. Пишут, что он интересовался судьбой этого учреждения даже во время болезни. Потому общество «Чанг-Ши» и «Чайна фондейшен» назвали институт в память этого большого деятеля Китая. Институт существует с 1928 года, и с тех пор в нем произведены очень значительные научные работы. Прежде всего институт посвящал свои занятия китайской флоре и фауне. При образовании института он имел сравнительно небольшой ежегодный бюджет в 30 000 мексиканских долларов и помещался вначале в старой резиденции самого Фана. Доктор Пинг был назначен первым директором при одном профессоре, двух ассистентах профессоров, двух ассистентах и одном художнике. Теперь же бюджет его вырос до 66 000 местных долларов, кроме директора и профессора в состав института входят 5 ассистентов профессоров, 12 ассистентов, 3 художника и два препаратора.

Институт предполагает через своих членов произвести работу по составлению национального гербария и особенно сосредоточиться на флоре и фауне Хопейской провинции. Кроме этой провинции, ботанические и зоологические собрания поступают из Чехвана, Юнана, Квантунга и других местностей. Гербарий включает уже более 38 500 названий, не считая многих необходимых дубликатов. В технологической лаборатории имеется более 3000 дендрологических образцов, из которых 1826 относятся к Китаю. В зоологическом отделе более 105 000 номеров. Кроме того, в ботаническом отделе имеется коллекция из более чем 17 000 фотографий растений Китая.

---

¹ Субурган (ступа) — культовое сооружение, предназначенное для хранения религиозных реликвий или воздвигнутое в честь лиц или событий, чтимых буддистами.

Издание института заключается в 4 сериях — бюллетень института, китайские растения, китайская фауна и китайские кустарники. Кроме того, печатается серия популярных справочников на китайском языке. Институт работает в ближайшей кооперации с агрокультурным институтом Киангцзе и с ботаническим садом Кулинга. Этот ботанический сад озабочивается разведением огромного числа китайских растений экономического значения, чтобы культивировать для употребления большое число знаменитых китайских цветов, которые очень ценятся за границей, но сравнительно мало культивируются в самом Китае. Этот же сад обращает большое внимание и на древесные насаждения, чтобы и в этом направлении способствовать лесоводству Юго-Восточного Китая. В задачу входит также культура скрещивания китайских цветов — это огромное поле для исследования с большим экономическим значением.

В ближайшую программу института Фана, таким образом, входит: 1) собрать богатейший гербарий Китая, посвященный, главным образом, самым значительным провинциям; 2) произвести полнейшее исследование китайской дендрологии, издавая иллюстрированные книги о лесах Китая; 3) сделать лишанский ботанический сад центром садоводства и лесоводства; 4) поднять технологическую лабораторию как центр дендрологических изысканий в Китае; 5) обогатить собрание птиц, рыб и моллюсков; 6) производить исследование биологии морских и пресных вод и способствовать рыбным промыслам.

Институт Фана за свое краткое шестилетнее существование при малом бюджете и малочисленном научном составе, конечно, не может сравниться с такими многолетними учреждениями, как, например, Королевский Ботанический сад в Кью около Лондона или биологическое бюро в Америке, но приятно видеть, что и за несколько лет своего существования институт Фана представляет из себя уже большое национально обоснованное учреждение со всеми задатками быстрого и мощного развития.

Каждое учреждение прежде всего выражает в себе способности и энтузиазм своего руководителя. «Каков пастырь, таково и стадо». В этом смысле институту Фана посчастливилось: директором его состоит Хсен-Су-Ху, выдающийся ученый Китая, который вносит в учреждение свое тот истинный патриотизм, который является верным залогом преуспевания.

В «Естественно-историческом бюллетене» доктор Хсен-Су-Ху пишет: «Живя в стране, богатой флорой и фауной, мы, китайцы, являемся прирожденными естествоиспытателями; наши

праотцы задолго до эры Конфуция уже изучали и применяли к употреблению растения и животных нашей страны. Кроме легендарного мудреца, императора Шен-Нунга, отца китайской фармакопеи, который в своих необыкновенных способностях испытал сотни лекарств, мы находим между тринадцатью классиками доконфуцианского словаря “Эрх-Ия” множество названий растений и животных, записанных и объясненных. Конфуций сам заповедовал своим ученикам — “изучать как можно больше видов птиц, животных, трав и деревьев”. Великий словотолкователь династии Хан-Шу-Шен в своем большом словаре “Свех Вен” включил многие имена растений и животных. Первый травник “Пен-Цзао” относится к Тао-Хун-Чин-Таойской ученой династии Чин. С тех пор много изданий травников были написаны вместе с трактатами о горных пионах, апельсинах, чае, травах и деревьях Южного Китая, включая грибы и мхи. Великий исследователь трав династии Минга Ли-Ши-Цзин пересмотрел старинные травники и составил из них свою знаменитую книгу “Пен-Цзао-Кхунг-Му”. Наконец, ученый государственный муж, губернатор Ву-Чин-Чун, живший в ранний период маньчжурской династии, закончил свою большую работу “Чи-Ву-Минг-Ших-Ту-Кого” — первый чисто ботанический трактат, в котором он описал несколько тысяч видов растений, сопровождаемых многими тонко исполненными иллюстрациями. Эти иллюстрации были так прекрасно исполнены, что многие из них могут быть вполне употреблены для определения видов и даже в таких технически трудных растениях, как орхидеи. Итак, прилежными трудами наших знаменитых праотцев мы, китайцы, теперь располагаем ботаническими источниками более, нежели какой-либо народ в целом свете...

Прогресс ботанических наук в Китае, имея в основе блестящие достижения наших праотцев, внушает блестящие надежды. Как вы знаете, биологическая наука в современном ее понимании установилась в Китае лишь недавно. Ботанические исследования еще 15 лет тому назад были почти не известны. Но сейчас мы имеем уже 23 университета и высших школ по всему Китаю, как правительственных, так и частных. Каждый из них имеет отдел биологии с сильным персоналом, достаточным бюджетом и с современно поставленными лабораториями. Кроме того, имеется 6 исследовательских институтов, в которых изучение ботаники поставлено вполне хорошо». Затем следует описание задач и достижений упомянутых научных учреждений, в котором вы чувствуете неподдельный оптимизм, основанный на современных патриотических чувствах, проявляющихся в современ-

ном Китае. В конце доклада автор сообщает о ботаническом обществе, организованном последним летом. В обществе участвует до 70 испытанных ботаников, известных по своим исследованиям в разных отраслях этой науки. Будет издаваться популярный журнал. В каждом номере журнала предполагается ботанико-садоводственная статья, знакомящая читателей с бесценным сокровищем прекрасных китайских орнаментальных растений, повсюду так ценимых, но, странно сказать, — довольно мало культивируемых самими китайцами. Деятельность этого общества должна пропагандировать ботанические сведения между любителями этого дела во всей стране.

«Рассматривая последний прогресс ботаники в крае, я очень радуюсь усиленным темпам достижений профессоров-ботаников; но до известной степени я недоволен сравнительно малой кооперацией любителей. Мы должны понять, что в Европе прогресс в ботанических и зоологических науках в значительной степени поддержан усилиями любителей.

Китайские ученые знамениты в своих исследованиях по археологии; конечно, они могут достичь и в естественной истории столько же, если их сердца обратятся к ней. Я верю, что прогресс ботанических и зоологических наук будет в этой стране несравненно быстрее, если он будет поддержан не одними профессорами-биологами».

Нужно вполне согласиться с выводами почтенного автора. Именно наука должна приглашать в свои заповедные поля всех любителей. Именно любовь и сердечная заботливость создают те блестящие заповедники, которые двинут по пути культуры будущие поколения. Вывод истинного ученого показывает, насколько можно радоваться последним устремлениям китайских обществ. Вместо холодного затворничества мы видим в словах его широкий доброжелательный призыв к сотрудничеству. Истинный патриотизм строится на широком сердечном сотрудничестве. Приятно видеть, как древние храмы и прекрасные, тончайшие создания творчества не оторвутся как нечто далекое, но послужат основой нового живого сотрудничества.

3 Января 1935 г.
Пекин

*Рерих Н.К. Врата в Будущее.
Рига: Угунс, 1936*

СТАРИННЫЕ ЛЕКАРСТВА

Д-р Бернارد Рид творит благое дело. С пожелтевших, забытых и часто осмеянных листов старых китайских фармакопей он вновь открывает для ученого мира многие соображения, заслуживающие большого внимания современной науки. Нам особенно драгоценны труды этого английского ученого. Много раз уже мы указывали на необходимость изучения старинных фармакопей и всяких народных средств, среди которых, несомненно, находятся результаты вековых опытных наблюдений.

За такие утверждения много раз мы подвергались насмешкам. Многие современные ученые ведь так боятся, чтобы не показаться устарелыми и чтобы не утратить листок из венка модернизма. Еще не так давно мне ставилось на вид, что мои соображения могут поддерживать ретроградных ученых, вместо того чтобы в хоре модернистов грубо отвергнуть все сделанное ранее. При этом мне приходилось утверждать, что мы никогда не говорили о том, что все древнейшие фармакопеи вполне применимы. Мы утверждали, что старинные фармакопеи должны быть изучаемы как еще один источник, полезный для некоторых самоновейших заключений.

О почтенных трудах д-ра Бернарда Рида мы знали давно. Наш друг Чарльз Крэн уже несколько лет тому назад рекомендовал этого отличного ученого для сотрудничества с нашими учреждениями — так оно и состоялось. Теперь же с особенным интересом мы следим, как ежедневные местные газеты с полным вниманием посвящают целые столбцы исследованиям д-ра Рида. Звучит парадоксально: самоновейшие исследования по стародавнейшим источникам. А между тем иначе и не выразиться, ведь д-р Рид познанием стариннейших источников подтверждает самоновейшие «открытия» современной науки. Для историка особенно поучительны эти строго научные выводы, ибо ими еще раз подтверждается, насколько бережливо мы должны подходить к истокам человеческой жизни, со всею ее наблюдательностью. Ведь в таких случаях мы имеем дело не только с какою-то цивилизацией, но с культурой во всем ее своеобразии.

«Для многих показалось бы странным применять лечение посредством кожи осла, глаз овцы, рога оленя, собачьих мозгов, всевозможных трав — всего, что так связано с фольклором

и могло бы считаться пустым китайским суеверием, и казалось бы недопустимым, чтобы большое доверие оказывалось таким абсурдным лекарствам.

Но длительные изыскания, предпринятые д-ром Бернардом Ридом, главою отдела физиологических наук, и его сотрудниками в Лестеровском институте медицинских исследований, значительно уменьшают такой популярный скептицизм. Лестеровский институт занят тем, чтобы в глазах современной медицинской науки Запада было введено справедливое отношение к эмпирическим наблюдениям Китая, которые составляют основу старой китайской медицинской практики. Известно, что терапевтическая практика не только в Китае, но и в Индии существовала многими столетиями, имея связь с еще более древними цивилизациями, — что выясняется по старинным манускриптам.

Работа д-ра Бернарда Рида и его сотрудников заключается в том, чтобы поставить подобные эмпирические применения на рациональный базис, употребляя при этом высокую технику новейших исследователей и более основательные познания входящих принципов, и, таким путем, новыми возможностями оценить старое и проложить новые пути для исследований, которые окажутся ценными для самой современной медицины. Д-р Рид работал на этом поприще в Китае более тридцати лет и уже давно был вознагражден успехами в открытии вновь применения эфедрина и масла чолмогры в древности. Теперь, работая среди превосходных возможностей Лестеровского института в Шанхае, будут даны новые ценные соображения по китайской Материя-медика. Теперь производится исследование витаминов, содержащихся среди разнообразнейших местных китайских лекарств и пищевых продуктов. В Ханьчоу¹ последний год было продано на четверть миллиона долларов ослиных шкур лишь в одной аптеке. Такая шкура, называемая “ах-чиао”, называлась восстановителем крови и общепитательным веществом для слабых людей, особенно же страдающих от туберкулеза. При исследовании было найдено, что действительно она содержит многие полезные вещества.

Также было замечено, что многие симптомы скорбута, слабость колен и общая пониженность требуют лекарств, заключающих в себе определенный витамин. При этом после изысканий было установлено, что в некоторых китайских фруктах и травах, предлагаемых с этой целью, заключается этот витамин в гораздо сильнейшей степени, нежели в “греп фрюйт”

---

¹ Ханьчоу — город в Китае. Современное название Ханчжоу.

и в различных апельсинах. Так же точно и вспомогательный порошок бобовый служит заместителем молока при всей своей дешевизне.

Д-р Рид утверждает, что старинная китайская медицина нуждается в глубочайшем изучении, прежде чем смотрящие назад или вперед ученые могли бы произнести о ней свое суждение. Как исторический источник — она драгоценна и для антрополога, и для натуралиста, и для физиолога. Освобожденная от фольклора, примитивной религии и изжитых философских теорий — она дает огромный запас честных наблюдений о китайской фауне и флоре, употребляемых как пища и лекарство, и тем предлагает ценные пути для исследований. Тома китайской медицинской литературы заключают в себе все исследование китайской естественной истории — замечательное собрание наблюдений за тысячелетия.

Д-р Рид чувствует, что, кроме приложимой ценности, китайская медицина нуждается в интеллигентном и сочувственном понимании со стороны современной медицины. В Азии замечается большая нужда для широкого применения научных методов, которые бы научили народ ценить древнюю медицину в ее истинном понимании и тем подняли бы понимание новейших идей в медицине во всем ее приложении.

Употребление животных веществ показывает, что именно среди них за самое последнее время найдены нужнейшие витамины. Например, употребление мозга бешеной собаки при лечении причиненной ею раны напоминает современный пастеровский способ. Д-р Рид дает таблицу, показывающую 26 частей от шести домашних животных, применявшихся в домашней медицине. Эти животные: корова, лошадь, свинья, курица, овца и собака. Рог марала очень ценится в Китае, а новейшие исследования показали, что он заключает мужской гормон. Глаза овцы, глаза сокола, попугая и некоторых рыб так же точно в последних исследованиях показали присутствие витамина А. В старых китайских фармакопеех печень свиньи рекомендовалась от слепоты, бери-бери, а теперь недавно было найдено, что она изобилует всеми пятью витаминами. Много подобных примеров может быть приведено.

Вовсе не в магии, но в действительном применении содержания древние лекарства могут быть вновь переоценены и применимы. То же самое можно сказать и о людях, страдающих отсутствием йода. Многие столетия тому назад в Китае применялись морские растения для лечения зоба, а теперь оказывается, что эти старинные лекарства оказались вполне действи-

тельными. В Китае более чем за 50 веков сохраняются сведения о всевозможных наблюдениях в областях медицины. Эти наблюдения вовсе не представляют божественную интуицию, но эмпирические находения, которые были лишь затемнены неверным направлением науки прошлого столетия».

Таким путем, ничего не нарушая, без всяких несправедливых обвинений можно изыскивать новые, всем доступные полезные возможности. Многолетний опыт д-ра Рида лишь подтверждает, что когда ученые направляются путем добросовестного благожелательства, они открывают многое такое, что осталось бы затемненным для сомневающегося злого глаза. Одно дело честное изыскание, а другое — самомнительный скепсис, который попросту можно называть просто сомнением, пути которого всегда очень темны и извилисты.

Такие же старинные лекарства, заслуживающие глубокого изучения, можно находить во всех древних наблюдениях. Части истины остаются всюду неизбывными и непререкаемыми. В каких бы не понятных для поверхностного наблюдателя формулах ни сообщалась истина — она все же останется таковою при глубоком, а главное, непредубежденном изучении этого иероглифа.

Путь отрицаний уже давно сопричислился к путям невежественным. Новейшие открытия лишь подтверждают глубокую связь человеческого мышления во всех веках и народах. Непонятные нам формулы происходили или от особенности языков, или от сознательного желания сберечь лишь в определенных руках ценные знания. Такая бережливость тоже не должна быть осуждаема. «Не мечите бисер перед свиньями». Этот завет во многих формулах был повторен не без основания. «Не бывает пророка в своем отечестве». И этот скорбный завет был подчеркнут для поучения будущего человечества не без глубокой причины.

Будет время, когда невежественное, самодовольное отрицание во всех областях заменится светлым, непредубежденным изысканием. Нужно особенно радоваться каждому доброжелательному изысканию — в нем заключено истинное добротворчество.

1 Августа 1935 г.
Тимур Хада

Рерих Н.К. Врата в Будущее.
Рига: Угунс, 1936

ЯГИЛЬ

Корень ягиль отмечен во многих преданиях, сказках и песнях. Он защищает от ведьм и бесов. Он очищает преступные места, он врачует израненное сердце. Много имен у корня.

Он и лесной ладан. Он и чемер. Он и катыр. И мариань, и белголовник, и бедрец, и кошачья радость, и балдриан, и мяун, и лихорадочный корень, и одолень, и серьпий глухой, и уразница, и сорокоприточник, и одеян, и домобыльник, и балдырь, и варагуша, и козиолкы, и переполох, и очный корень, и ходрейник, и глесник, и семьяшник, и грудовка, и веснушка, и балдырьян, и катनावика, и пятношник, и рябинка, и копровник, и оверьян, и стоян, и ладоница... Невесть как зовут в разных местах корень целительный.

Все тот же валерьян — валерьяна официналис, свойства которого широко знают народы. В разных странах много сортов его: и узколистый, и серединный, и очереднолистный, и бузинолистный, и высокостройный, и мутовчатый, и сибирский маун, и многие другие разновидности, свойства которых еще исследованы очень мало.

В большом разнообразии названий видно и многообразное применение корня. В различных местах на него возлагают надежды частичных исцелений. Где лечат сердце, где грудь, где глаза, а в сущности корень оздоравливает всю нервную систему.

«В народной медицине корнями валерьяны пользуются от лихорадки, отваром поят детей от крика или от весновки, от худобища, от сердечной болезни, от пропасницы и порухи. В ветеринарии валериановый корень служит как болеутоляющее и противосудорожное средство.

Какие из разновидностей наиболее пригодны для лекарств, не имеется никаких исследований, и наша фармакопия их совсем не отличает. О различии корней валерьяны имеются противоречивые сведения. Проф[ессор] В.Тихомиров в курсе фармакогнозии говорит, что главное достоинство этого товара определяется содержанием эфирного масла, которое весьма непостоянно: чем суше и возвышеннее почва, тем его больше, а чем влажнее и низменнее, тем меньше.

Так как в России корни валерьяны собираются дикорастущими на низменных местах, а в Германии это растение культивируется на возвышенных, то следовало бы, что русская валерья-

яна по достоинству ниже немецкой. Между тем представитель крупнейшей фирмы Р.Келлер на междуведомственном совещании сообщил, что русская валерьяна содержит больше жирного масла и дает настой (тинктуру) зеленого цвета, германская же валерьяна содержит меньше жирного масла, но более экстрактивных веществ и дает настой буро-желтого цвета. Разница в содержании масла и в цвете настоя, по мнению этого представителя, происходит от роста на мокрых и сухих местах: во-первых, растения имеют меньше экстрактивных веществ, но больше эфирного масла. Если это верно, то дикорастущая русская валерьяна заслуживает предпочтение, и разводить валерьяну нет надобности. Между тем тот же представитель утверждает, что для экстракта из корней растений, выросших на сырых местах, обработка невыгодна, так как экстракта получается очень мало. Необходимо для разрешения этих противоречий точное исследование, очень важное для установления характера культур.

Несмотря на то, что в диком состоянии валерьяна растет на низменных местах, в Западной Европе культуру ее ведут на местах возвышенных, с сухой каменистой почвою, на которой она получается низкорослою, около трех четвертей аршина вышины. Такая валерьяна называется горною или малою. В небольшом количестве ее можно возделывать в огородах с суглинистою почвою, где она развивается роскошно, без удобрения. Корни выкапываются на третий год поздно осенью или следующей весной.

У нас предлагают возделывать валерьяну на тощей почве бесплодных полей, выбирая открытые и сухие места; неизвестно только, какого достоинства получатся тогда корни валерьяны. В сахарном районе ее предлагают ввести в свекловичные поля, в междурядьях свекловицы, что составляет уже полную противоположность первому совету, так как свекловица для своего роста требует питательной почвы».

Эти указания, относящиеся к 1918 году, очень характерны, ибо еще раз показывают, насколько мало мы умеем обходиться даже с издревле известными лекарственными растениями. Вместо того, чтобы очень бережно и заботливо исследовать лучшие условия культуры этих растений и познавать их отличительные качества, часто предпочитают попросту отказываться от этих высокополезных лекарств. Так, мы слышали, что валерьяна исключена из некоторых фармакопей. Можно только подивиться такому нелепому решению, ибо целебные свойства валерьяны засвидетельствованы многими веками. Ведь издревле валерьяна входила в состав двенадцати так называемых основных лекарств.

Конечно, с валерьяной иногда обращались совершенно нелепо и противоестественно. Так, ее предлагали в соединении с эфиром, с аммиаком или в виде спиртовой тинктуры, между тем как все эти ингредиенты должны действовать как раз обратному основному качеству валерьяны. При дознании уточнятся и качества.

Наиболее опытные врачи предлагают валерьяну в виде настоя, или так называемого валерьянового чая, который готовится очень просто, подобно всем прочим чаям. Так же точно существовало большое недоразумение относительно самого способа приема валерьяны. Откуда-то произошло предположение, что валерьяна может действовать скоропостижно. Потому ее давали в случаях нервного потрясения и ожидали немедленного эффекта. В этих случаях эффект мог быть скорее от самоушущения.

Валерьяна как восстановитель нервной системы требует очень продолжительного приема в течение не менее полугода — регулярно по чашке валерьянового чая перед сном. Мы уже имеем перед глазами множество прекраснейших последствий такого продолжительного лечения. Конечно, еще полезнее вообще не прерывать подобный прием валерьянового чая и ввести его как предохранительное, укрепляющее средство. Такая профилактика тоже испытана многими и в течение целого ряда лет.

Вполне естественно, что в народном понимании валерьяне приписывали такие разнообразные целительные свойства. Получая облегчения в различных болезнях, люди упускали из виду, что воздействия на общую нервную систему, конечно, благотворно влияли и на весь организм.

Как и во многих других лекарственных растениях, так и в отношении валерьяны следует применить очень вдумчивые и бережные изыскания. Даже на глаз и на вкус можно утверждать, что валерьяна германская весьма отличается и от русской, и от индусской, и от китайской. Такие явные различия должны отражаться и на степени полезности. Потому так необходимы сравнительные станции культуры лекарственных растений.

Как и во всем, нужен длительный и доброжелательный опыт. Конечно, примитивнее всего идти путем отрицания. Просто исключать все то, что недостаточно понято и дознано. Но такие темные отрицательные пути не приведут ни к чему доброму. Так называемая позитивная наука довольно легко отказывалась от многих полезных наследий. Даже эфедра — кузьмичева трава — исключалась из фармакопеи. Но сейчас, благодаря счастливой находке в китайской старой фармакопее, этот полезный

хвойник оказался лучшим средством против тяжкого бича человечества — астмы. Очевидно, то же самое произойдет и во многих других случаях.

Именно теперь, освободившись от предрассудка отрицания, люди опять заглянут в древние записи и почерпнут полезные соображения из опыта веков.

Один современный философ, очевидно, опасаясь замарать о старину свои модернистические одеяния, осторожно заметил мне: «Ведь не всю старую фармакопею принять можно». Замечание было довольно наивно. Кто же говорит о принятии всех старинных фармакопей. Но прочесть их и извлечь некоторые полезные соображения, конечно, следует. А для того чтобы прочесть, нужно знать языки. В этом-то часто и заключается камень преткновения. Следует пребороть и это затруднение.

Сколько самых обычных растений пренебрежительно попирается ногами, но их древние имена показывают, что когда-то внимательный глаз уже усмотрел их значение. Желтоцвет весенний — адонис, борец — аконит, арника, белладонна, трава богородская, дягиль, наперстянка, полынь — артемизия во всех ее многих разновидностях, разве это не зовет часто заглянуть под ноги, вместо того чтобы высокомерно попирать ее? Разве не замечательно показание Плиния о полыни, что пешеход, который несет это растение с собою или привяжет к ноге — не чувствует усталости. Оттуда и бодрое название — артемизия партенион. Каждый путник, вдыхающий душистую полынь степных и пустынных просторов, в ободрении этим ароматом вполне согласится с замечанием Плиния.

Великими именами отмечены названия полезных растений. Дочь Коцита, прохладная нимфа Минте, дала свое имя успокоительной, свежесть несущей мяте. Недаром и валерьяна от корня «валере» напоминает нам о здоровье.

* * *

На псковских холмах старушка-знахарка выкапывает какие-то корни. «Что ты, бабушка, ищешь?» — «А ягиль-корешок, голубчик, ищу». — «А что же исцелит твой корешок?» — «А залечит он твое сердечко, родимый».

4 Апреля 1935 г.
Цаган Куре

*Рерих Н.К. Врата в Будущее.
Рига: Угунс, 1936*

УРБАНИЗМ

Во всяких переименованиях можно читать историю цивилизаций. Когда-то назывались «бюргеры», то есть те, которые объединялись вокруг бурга — замка. Под защитой его стен и башен происходило нарастание понятия горожан. Горожане, граждане, так же точно связаны с каким-то городом, с местом укрепленным. Постепенно с изжитием феодальных основ изжилося и понятие бюргерства. Долгое время оно оставалось как чисто условное наименование, потерявшее свой внутренний, когда-то очень значительный смысл.

На смену изжитым понятиям и наименованиям вырастают многие новые. Подчас они как бы продолжают и развивают прежнее понятие, но иногда происшедшая изжитость выдвигает определение такое же внешне условное, как и последыши пережитков. Около понятия города в самое последнее время в разных странах употребляется слово «урбанизм». Что-то очень стертое есть в этом производстве от латинского «урбс». Город — латинский «урбс» — является вообще неопределенным понятием. Сходбище людей образует такое населенное место, и вы не поймете, что это — будет ли такое место укрепленным торговым, культурным центром или вообще, главным образом, будет заключать всевозможный базар. Но в то же время что-то своеобразно-определяющее будет и в слове «урбанизм».

Урбанизм чем-то характеризует те холодные городские нагромождения, которые сделали из этих миллионных людских сходбищ отравленно-нездоровые места. Даже в тех городах, где по счастливой случайности еще не произошли нагромождения, — сейчас и там во имя какого-то странного модернизма пытаются нагромождать. Можно назвать целый ряд городов, которые без всякой видимой потребности, убивая весь уже сложный характер этого места, спешат обзавестись какими-то огромнейшими зданиями, точно бы в природе более не было места.

Появились какие-то художники «урбанисты», оказались техники «урбанисты». Во многих применениях понятие урбанизма несколько, подобно недавно выдуманной технократии, проявилось навязчиво. В этой нарочитой навязчивости всегда

оказывается и нечто преднамеренное, какая-то преждевременная дряхлость. Ненадолго расцвела технократия. Не помогли бы ей и вороновские обезьяньи железы. Так же точно урбанизм в своем навязчивом самоутверждении как бы догадывается сам о своей недолговечности в том виде, как он сейчас понят.

Кто же может быть против городского строения? Много мыслей было посвящено разрешению городской проблемы. Города-сады уже не были бы урбанизмом, который точно бы хочет противопоставлять себя житью в природе. Никакое общество не может успешно разрешать свои жизненные задачи на основании обветшалых суеверий и окаменелых ужасов. Так же точно и в проблеме города невозможно мыслить только о стародавних вавилонских башнях. Этот библейский символ, казалось бы, достаточно подчеркнул пределы однообразного мышления. Всякая обветшалость, и материальная и духовная, одинаково непригодна.

Вместо вавилонских башен-нагромождений человечество опять начинает вспоминать о возвращении в природу. Еще недавно легкомысленные меры отрывали земледельцев от их полей и сгоняли голодающие толпы в города на безработицу. Сейчас уже понят ужас этих чрезмерных людских скопищ, кончающих в человеконенавистничестве. Опять встали мысли о природе, о возвращении к естественному труду, который при современных открытиях может быть преобразен в полную и духовную и материальную жизнь.

Всюду появляются отдельные личности, и семьи, и целые людские группы, которые мечтают о жизни в природе. Мыслятся в малых и больших размерах всевозможные кооперативы, которые позволили бы в разнообразном труде получить естественную и заполненную осмысленной работой жизнь. Можно только радоваться, если последние современные открытия и социальные подвижки могут приводить к мыслям о природе, о естественном совершенствовании в различных применениях труда.

Утеря городских символов и дохождение до холодно-условного урбанизма как бы является преддверием новых жизненных трудовых построений. Опять дух человеческий должен устремиться в природу, среди которой так много свободного места и неиспользованных возможностей. К тем же мыслям о природе и ко всевозможному оздоровлению относятся и задания о процветании пустынь. Пусть разумными неотложными мерами и эти запущенные людскою небрежностью пространства сделаются вновь плодоносными и полезными для заселения.

Много мыслей высказывается о лучших методах земледелия, лесоводства и прочих условий, связанных с негородской жизнью. Недавно В.Н.Мехта в индусском журнале справедливо замечал о восстановлении сельской жизни. Он говорит: «...Многие врачи за работою об излечении болезни, приключившейся сельскому жителю. Они нашли, что он задолжал, и задолженность заставляет его находиться как бы в госпитале. Но такое бесконечное задержание в больнице не может быть признано как лекарство в практическом обиходе, и поэтому много рецептов наполняют пространство, как бы скорее освободить такого пациента из госпиталя и доставить ему сносный период для выздоравливания».

Далее автор приходит к заключению: «Не следует с ложки кормить сельского жителя. Пусть ему будет дан внутренний импульс, чтобы оправиться. Не урбанируйте его. Ведь тогда ему предстоит судьба, которую французы прекрасно определяют словом “дерасинэ” — оторванный, без корней, — зрелище, достойное сожаления и требующее особых соображений от каждого реформатора. Можно заметить два потока, устремленных от того же водоема, которые в конце концов должны сойтись в счастливой Санге. Эти струи должны удобрить почву, через которую они проходят в устремлении принести деревне обновление. Пусть в них не будет ошибки. Селянин должен быть перестроен так, чтобы кубически он мог бы умножить экономическую свою высоту и свой духовный рост».

Конечно, индус не мог не закончить свои правильные соображения именно о духовном росте. В каждой новой деревне, в каждом обиталище среди природы вопрос духовности тем сильнее должен войти во всю жизнь. Весь обиход бытия в природе не может ограничиваться какой-то технократией. Многие прекрасные и жизненные мысли будут навеяны ближайшим прикасанием к природе, в каждодневных благословенных трудах. Называя эти труды благословенными, не преувеличим их значения, ибо к ним может быть так легко приложено и все лучшее самообразование. И радио, и телевизия, и все пути облегченного сообщения, ведь не для урбанизма они — все эти благодатные возможности именно требуются в широкой природе, среди вновь зацветших лугов и наполненных житниц.

Определение «урбанизм» в холодности своей, вероятно, предназначено для того, чтобы вовремя пресечь вредность избыточной и отравленной городской жизни. Было бы весьма печально, если не будут сразу противопоставлены этим болезням жилища-сады, в которых будут сочетаемы и лучшие индивиду-

альности с богатыми возможностями сотрудничества—кооперации. Одно кончается, чтобы процвело другое — в вечной жизни. При широком горизонте нет препятствий, и никакие городские нагромождения, никакие башни вавилонские не заслонят путей к процветшему саду природы.

23 Июля 1935 г.
Тимур Хада

Из архива МЦР

Если не всегда способен человек на творчество, то ведь причинить боль он всегда может. И может он сделать боль не только людям, не только животным, но и всей природе и целой планете.

Н.К.Рерих. Боль планеты

БОЛЬ ПЛАНЕТЫ

ЗАСУХА

В дружеской беседе сидели три собеседника. Один вспомнил недавний рассказ очевидца о мгновенной гибели Кветты¹. Как на веранде сидели вернувшиеся из театра, как вдруг послышался какой-то космический гул и рев, и они выскочили на площадку, и тут же, на их глазах, в одно мгновение Кветта была уничтожена. В этой мгновенности разрушения целого города, в пятидесяти шести тысячах жертв, в открытии нового вулкана проявилось еще одно космическое напряжение, предупреждение.

Другой собеседник вспомнил старинные знаки из Пуран², которыми предвещалось, как будут разрушаемы целые города, как иссохнет земля, как будут вымирать целые народы, а другие возвратятся к обожествлению сил природы. Вспоминая эти пророчества о конце Кали Юги³ — темного века, собеседник сказал:

«А разве сейчас мы не должны сознаться, что подобные знаки, еще недавно считавшиеся фантастикой, предстают нашему взору? Разве не вымирают целые народы? Разве число смертей не начинает превышать число рождений, с чем уже борются многие правительства? Разве не возвращаются некоторые народы к обожествлению сил природы? Разве не проявились именно сейчас такие небывалые засухи, сопряженные со всевозможными опустошениями? В журналах мы видели изображение страшных, разрушительных бурь, песчаных заносов и истребляющих смерчей. Ведь недаром более дальнзоркие правительства уже бьют тревогу, пытаясь предотвратить страшные грядущие несчастья. Леса уходят, умирают реки. Травы поглощаются песками. Ужасная картина мертвенной пустыни начинает угрожать. Много где в самомнительном безумии еще не обращают внимания на эту злосчастную очевидность. Но более дальнзоркие уже спешно думают о мерах предотвращения или хотя бы уменьшения несчастий. Вот и скажите после этой очевидности, что предусмотренное когда-то было неверно».

Третий собеседник напомнил и о библейских пророчествах: «Когда гремели устрашающие голоса Амоса и Иезекииля, Исайи и других провидцев, то, наверное, их современники смеялись и

---

¹ Кветта — город в Пакистане.

² Пураны — индийские эпические литературные произведения IV–XIV вв.

³ Кали Юга — эпоха богини Кали, «черная эпоха».

поносили их. Можно представить, в каких гнусных, издевательских ругательствах были оскорбляемы те, слова которых затем исторически были подтверждены. Ведь и теперь мы знаем немало предвидений, которые в своем чувстве знания предвосхищают грядущее. Конечно, безумцы и невежды и сейчас не обращают внимания на все, что выше их понимания, на все, что [не] угрожает их торгашеской выгоде. Но ведь более широкомыслящие, истинные ученые, они уже дошли и до передачи мыслей на расстоянии, они уже благодетельствовали человечество многими прекрасными открытиями. А ведь как глумились невежды над этими, сейчас общепринятыми изобретениями. Ведь Эдисон назывался шарлатаном, отвергалась возможность и польза работы пара, глумились над железными дорогами. И не перечать, над чем только не издевались невежды. По истории можно проследить, насколько эти издевательства являлись не только непременно терновым венцом, но и как бы аттестатом истинного преуспевания».

Собеседники припомнили различные, очень точные определения пророчеств Амоса, еще и еще привели друг другу на память определительные выражения из пуран и других исторических хроник. В это время вошел четвертый собеседник, сперва сидевший молча, а затем воскликнувший: «А вы все каркаете со своими истлевшими предсказаниями. Мое-то предсказание вернее. Говорил вчера, что сегодня биржа поднимется. Так оно и вышло. Когда еще и как исполнятся все ваши предвидения, а мое уже в кармане. Велика важность, какая-то Кветта разрушилась. Может быть, это послужит повышению моих цементных шер. А разве засуха, о которой вы так вопите, не может быть полезна? Чем больше пустынь, тем лучше. Человечество сбегит-ся в города. Мы будем питать его патентованными средствами. Мои паи кинематографического предприятия подымутся. А то, скажите, какие благодетели нашлись! Чего доброго, еще вздумаете оживлять пустыни. Разгоните наших урбанистов. Но вы и сейчас пробавляетесь какой-то минеральной водой, а где же сода-виски, и курева-то нет у вас. Вот несчастные люди, право, и сидеть с вами скучно. Такой простой вещи, что чем больше пустынь, тем выгоднее, вы не понимаете и уже машете руками. Чем больше обезумеет человечество в городах, и этой пользы вы не понимаете. Если даже все ваши предсказания исполнятся, то ведь когда это еще будет. Мне лет не так много, но все же старушки-земли и на мой век хватит. А ведь не кто-нибудь, а сам король сказал: “После нас хоть потоп”. И о ком вы только заботитесь? О каких таких будущих? Да, может быть, они будут

сплошные мерзавцы! И какое вам дело, кто-то где-то начнет пню кланяться. Мы же ему этих пней и наделаем — десять тысяч штук из бронзы, а ежели человечество обопнется или прокурится, то какие подъемы произойдут из этого. Не о ваших подъемах, а о моих, о настоящих я говорю. Несчастные вы люди! Вот у вас стоит виктрола¹, а завести ее нельзя. Ведь такая тягучка у вас в запасе, что никакое мое человеческое ухо ее не выдержит. Считаете себя современными людьми, а ни джаза, ни танго, ни фокстрота, ни кариоки, словом, ничем настоящим не запаслись. С вами сидеть — целый вечер пропадет».

Пришел ли пятый собеседник к этой беседе. Рассказал ли еще, почему засухи или наркотики могут быть полезны, не знаю. Но четвертый скоро убрался, очевидно, боясь, чтобы не упустить время в своих сговорах на завтра. Уходя, он даже рассердился, видя, что трое собеседников не только не возмутились его словами, но даже сделали друг другу какие-то знаки, как бы доказывая, вот вам свидетельство живое. То есть живое не в смысле жизненности, а в смысле ходячей современности.

Разве не бросается в глаза, что вопрос засух за последние годы стал таким неотложным? Начали даже припоминать всякие исторические данные о давно бывших оросительных системах. Совершенно разумно начали включать в естественно-научные экспедиции археологов, которые изучением старинных данных помогают вновь открытиям. Ведь среди открытий вообще есть много таких, которые по справедливости должны быть названы вновь открытиями, ибо уже давно это было известно и в небрежности позабыто. Недавнее газетное сообщение о золотом руне Колхиды или о Соломоновых копиях говорит о том же.

Велика засуха почвенная. Но еще более велика засуха духовная. Будем думать, что в заботах оросительных будут приняты во внимание не только орошения почвы, но и вдохновения духа человеческого. Ведь без этих духовных орошений не состоится ни лесонасаждение, ни травосеяние, ни открытие подлинных источников. Все эти самонужнейшие обстоятельства состоятся лишь тогда, когда люди их действительно осознают, а главное, полюбят. В любви преобразится и качество труда.

В любви процветут пустыни.

10 Июля 1935 г.
Наран Обо

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

---

¹ Виктрола — патефон.

НАСАЖДЕНИЯ

У подножия соседних холмов видны развалины брошенного аила. Говорят, что это жилье было брошено по причине пыли и ветров в том месте. По развалинам видно, что аил строился довольно тщательно — есть остатки развалившихся глинобитных изгородей, такие же сараи и развалины дома. Естественно, является вопрос, был ли этот аил поставлен неразумно, не принимая во внимание условия этого места, или же само место переменилось в течение лет.

Также не遠далеке от этого аила было озерко, сейчас исчезающее, а на холмах были вязовые поросли, теперь уничтоженные. Весьма возможно, что от жестоких небрежностей могли измениться сами условия места.

Вчера читаем в «Норс Чайна Стар» знаменательную статью под заглавием «Песчаные бури приканчивают эру пионеров в Соединенных Штатах». В статье приводятся слова заведующего оросительным отделом департамента внутренних дел. Он указывает на умножающиеся песчаные бури и засухи, препятствующие делу земледелия. При этом замечается, что если в ближайшем же будущем не будут приняты меры для закрепления почвы растительностью, надвигающееся бедствие приблизится с необычайной быстротой.

Поистине, меры, принимаемые Президентом Рузвельтом и министром земледелия Уоллесом, неотложны и своевременны. За время одного поколения уже можно убеждаться, как меняются климатические и прочие условия местности. Даже немногие годы жестокого небрежения уже отзовутся труднопоправимо. Потому-то всякие насаждения так неотложно нужны.

Также еще вчера, когда брались образцы почв, думалось: конечно, почвы должны быть исследованы и сопоставлены. Не только почва, но даже виды насекомых могут способствовать и своеобразному размножению, и питанию растительности. Но, поверх всего, все-таки будут полезны семена тех злаков, которые в течение столетий противостояли суровым условиям.

Несомненно, что условия Монголии на границе степи и барханной пустыни могут давать множество поучительных примеров. Когда из Гоби, из далекого Такла-Макана, приносятся вихрями клубы песка и пыли, иногда можно опасаться, что местная, вообще поздно появляющаяся растительность не выдержит;

но любопытно наблюдать, как, несмотря на всякие затруднения, трава все же начинает пробиваться. Можно наблюдать, что кажущиеся бедными травы очень питательны и жадно поедаются скотом. И скот на глазах оправляется.

Не так много разновидностей этих сухостойких трав и кустарников. Очевидно, в веках произошел отбор. В то время как в соседней Маньчжурии, где условия немногим сравнительно отличаются, имеется более восьмисот видов растений, тогда как в барханной Монголии, по-видимому, их не более трехсот. Но не в том дело. Важно иметь перед собою хотя бы и немногочисленные, но устойчивые и питательные злаки. Они вполне выполняют обе необходимые задачи — и закрепляют почву, и пригодны для питания скота.

Неожиданная разнородность растительности в Маньчжурии вызвала старую легенду. «При сотворении мира все страны получили свою растительность и животный мир, но Маньчжурия почему-то была забыта. Тогда ангел воззвал к Богу об этой забытой стране. А Господь ответил: “Посмотри, что у тебя осталось в мешке, и вытряхни все остатки”. Оттого-то так в Маньчжурии неожиданно разнообразны растительность и животный мир. Странно сочетались образцы и жаркого и северного климата».

Эту легенду рассказывал мне генерал Хорват, много потрудившийся над всякими землеустройствами и в Маньчжурии, и ранее того в Закаспийском крае. Даже среди пустыней насажений генерал Хорват вынес много оптимистических заключений. При проведении железных дорог в Туркестане была спешная необходимость укрепить движущиеся барханы, и в несколько лет эта задача была успешно выполнена. Кроме трав и кустарников, помогали насаждения вяза-карагача, тополя и некоторых пород ивы.

Конечно, местности Маньчжурии, более богатые растительностью, менее подходят для наблюдения, нежели барханные степи Монголии. Если уж противопоставлять нечто неслыханным песчаным бурям и торнадо, то нужно брать нечто самое испытанное, простейшее и полезнейшее. И в самой Монголии уже начинают думать об образцовых хозяйствах, о насаждениях и об улучшении скота.

Из недавних постановлений монгольского правительства можно видеть, что следующие нововведения для устройства страны признаны неотложными: I. Местный автономный институт должен быть учрежден для образования служебных лиц Монголии. II. Монгольские войска должны быть коренным образом преобразованы. III. Госпитали и другие санитарные

учреждения должны быть устроены во Внутренней Монголии для лечения больных и для предотвращения чумы. IV. Основы движения Новой Жизни, установленные маршалом Чан-Кай-Ши, должны быть приняты во Внутренней Монголии, и новые показательные деревни должны быть учреждены. V. Культурные учреждения должны быть учреждены для улучшения образования монголов. VI. Нормальные школы должны быть повсюду открыты для образования учителей Монголии. VII. Производительные, промышленные и кредитные кооперативы должны быть установлены, чтобы развивать природные богатства страны, способствовать торговле и снабжать посредством займов средствами монгольских промышленников. VIII. Должно озаботиться построением путей сообщения во всей Внутренней Монголии. IX. Специальное бюро должно быть устроено для проведения телефона и телеграфа и почтовых учреждений во всех сеймах и знаменах Внутренней Монголии.

Все перечисленное является высокополезными насаждениями, которые, естественно, вызывают сочувствие всех мыслящих о культуре. Итак, мы видим в различных странах, наряду со смятениями дня сегодняшнего, истинную заботу о будущем. Являются как бы два вида работы. Одна, чтобы утихомирить напряжение и смущение дня сегодняшнего, а другая — в благородных устремлениях построения будущего. Эта вторая работа должна наполнять каждого культурного работника радостью. Правда, мы не увидим сегодня следствий этой благородной работы. Только завтра, когда блеснет это светлое завтра, мы увидим и зазеленевшие барханы, и повсеместные школы, и образцовые фермы. Но для того, чтобы их увидеть завтра, нужно сегодня же о них подумать и помочь им.

В одной из моих прошлых книг я упоминал легенду, слышанную в одной части Монголии. «Некогда повернулся подземный огненный змей, и раскололась земля, и разъединились родичи. И теперь ждут братья, когда железные птицы принесут им весть о дальних сородичах». Так тоскует и стремится в будущее душа народов. Она хочет лучшей жизни. Мысль о будущем уже есть наполнение пространства, уже есть приближение к светлому часу народного устремления и просвещения.

Один из самых полезных знаков — трава благая.

16 Июня 1935 г.
Цаган Куре

Из архива МЦР

БОЛЬ ПЛАНЕТЫ

Тридцать два года тому назад была у меня статья «К природе». Третий века только подтвердила все зовы о природе, тогда сказанные. Но все спешит сейчас, потому и зов «к природе» уже успел превратиться в «боль планеты».

В 1901 году после поездок по Европе и России думалось:

«Сильно в человеке безотчетное стремление к природе (единственной дороге его жизни); до того сильно это стремление, что человек не гнушается пользоваться жалкими пародиями на природу — садами и даже комнатными растениями, забывая, что подчас он бывает так же смешон, как кто-нибудь, носящий волос любимого человека.

Все нас гонит в природу: и духовное сознание, и эстетические требования, и тело наше — и то ополчилось и толкает к природе нас, измочалившихся суетою и изверившихся. Конечно, как перед всем естественным и простым, часто мы неожиданно упрямы; вместо шагов к настоящей природе стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сделанными ее подобиями, но жизнь в своей спирали культуры неукоснительно сближает нас с первоисточником всего, и никогда еще, как теперь, не раздавалось столько разнообразных призывов к природе.

И надо сказать, что требование заботливого отношения к природе и сохранения ее характерности нигде не применимо так легко, как у нас. Какой свой характер могут иметь многие европейские области? Придать характер тому, что его утратило, уже невозможно. А между тем что же, как не своеобразие и характерность, ценно всегда и во всем? Не затронем принципа национальности, но все же скажем, что производства народные ценятся не столько по своей исключительной целесообразности, сколько по их характерности.

К сожалению, соображения бережливого отношения к природе нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно может незаметно войти в обиход каждого и стать никому снаружи не заметным, но непременно стимулом создателя.

Скажут: «Об этом ли еще заботиться? На соображения ли с характером природы тратить время, да времени-то и без того мало, да средств-то и без того не хватает».

Но опять же и в третий раз скажу, ибо вопрос о расходах настолько всегда краеугольный, что даже призрак его нагоняет

страх, средств это никаких не стоит, а разговор о времени и лишнем деле напоминает человека, не полошущего рта после еды по недостатку времени. Вот если будут отговариваться прямым нежеланием, стремлением жить, как деды жили (причем сейчас же учинят что-либо такое, о чем деды и не помышляли), тогда другое дело.

Чтобы заботиться о чем бы то ни было, надо, конечно, прежде всего знать этот предмет заботы.

Хотим ли мы знать нашу природу?

Этого не заметно.

Принято ли у нас знакомиться с нашей природой?

Нет, не принято.

Всегда особенно много ожидаешь и притом редко в этом ошибаешься, когда встречаешься с человеком, имевшим в юности много настоящего общения с природой, с человеком, так сказать, вышедшим из природы и под старость возвращающимся к ней же.

“Из земли вышел, в землю уйду”.

Слыша о таком начале и конце, всегда предполагаешь интересную и содержательную середину и редко, как я сказал, в этом обманываешься.

Иногда бывает и так, что под конец жизни человек, не имеющий возможности уйти в природу физически, по крайней мере, уходит в нее духовно; конечно, это менее полно, но все же хорошо заключает прожитую жизнь.

Люди, вышедшие из природы, как-то инстинктивно чище, и притом уж не знаю, нашептывает ли это мне всегда целесообразная природа, или потому, что они здоровее духовно, но они обыкновенно лучше распределяют свои силы, и реже придется вам спросить вышедшего из природы: зачем он это делает, тогда как период данной деятельности для него уже миновал?

“Бросьте все, уезжайте в природу”, — говорят человеку, потерявшему равновесие, физическое или нравственное; но от одного его телесного присутствия в природе толк получится еще очень малый, и хороший результат будет лишь, если ему удастся слиться с природой духовно, впитать духовно красоты ее, только тогда природа даст просителю силы и здоровую, спокойную энергию.

Город, выросший из природы, угрожает теперь природе; город, созданный человеком, властвует над человеком. Город в его теперешнем развитии уже прямая противоположность природе; пусть же он и живет красотой прямо противоположно, без всяких обобщительных попыток согласить несогласимое.

И ничего устрашающего нет в контрасте красоты городской и красоты природы. Как красивые контрастные тона вовсе не убивают один другого, а дают сильный аккорд, так красота города и природы в своей противоположности идут рука об руку и, обостряя обоюдное впечатление, дают сильную терцию, третьей нотой которой звучит красота «неведомого»».

Так думалось тридцать два года назад. С тех пор много где «добрая земля» сделалась «кровою землею». Много урожаев было уничтожено. Пустыни не перестали расти. Фермеры начали бросать родную кормилицу и потянулись в город, чтобы увеличить шестие безработных. А в услугу биржевых цен где-то топились в океане и сжигались гекатомбы зерна, кофе и других ценных продуктов. Где-то произошло падение скотоводства. Где-то еще истреблялись леса, где-то мертвенные пески еще увеличили свое завоевание.

Город, видимо, одолел природу. Город на небе дымно начертал свои заклинания. Мы ошиблись, ожидая стоэтажных домов, — жилища города стремятся стать еще выше, чтобы соблазнить и приютить всех дезертиров природы. Молох — Биржа — не однажды свирепо расправилась со своими почитателями. Но легкая, хотя бы и призрачная нажива все-таки отвлекает смущенный ум человеческий от истинных ценностей. Город завлекает слабых духом и оставляет природе или старомодных староверов, или туристов, надменно толпящихся на избитых путях. Каждый может вспомнить вид леса, посещенного праздничными проезжими. Сор лежит горами, и житель природы уныло шепчет: «Опять насорили!»

Стремительный, почти ослепительный проезд по природе еще не есть сотрудничество с природою. А сейчас, во дни Армагеддона, среди смущений и обуянности злобою, нужно осознать истинные ценности. Казалось бы, неистощима природа, но кастрат духа, робот, механика технократии может засорить даже великие пространства. И никто, срубивший дерево, и не подумает о насаждении нового.

Привлечь фермеров снова к земле, прежде всего, можно лишь общею культурою, которая напомнит об истинных ценностях. Тогда знание, просвещенность, широкая терпимость и примиренность снова напомнят о веселом труде вместо веселого времяпрепровождения.

Чрезмерность городских скопищ станет ясной лишь для мирного духа, и сама машина заговорит под любящею рукою. Всякая несоизмеримость противна Высшему Творчеству. Но что же более несоизмеримо, как не гнойник гиганта-города с пусты-

нею, которая когда-то была цветущими пространствами, опоганенными невежеством.

Если не всегда способен человек на творчество, то ведь причинить боль он всегда может. И может он сделать боль не только людям, не только животным, но и всей природе и целой планете. Велика ответственность человеческая; не гордиться, но священно принять ее должно человечество. Конституция человеческая по сущности своей позитивна, созидательна, и разлагающие элементы ничто иное, как продукты невежества. Ведь оно, это темное невежество, засоряет ум, сушит сердце, засоряет и иссушает всю планету.

«Как прекрасно!» — было последними словами отходившего Коро. Он, возлюбивший природу, в минуту великого перехода удостоился узреть Нечто истинно прекрасное. Говорим о мире, о разоружении, но ведь в духе нужно перековать мечи на плуги.

«Да будет мир с вами, — заповедал нам Христос, — мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам»¹.

«Мир всем существам, мир во всех мирах», — поет перед молитвой подвижник Индии.

«Познав Меня как могущественного Владыку миров и как Возлюбившего все сущее, мудрец обретает мир» (Бхагавад-Гита, пятая беседа).

«Там, где собрались избранные, — говорит Коран, — там раздается только одна песня, это песня мира».

«Пусть живет все живущее», — говорит Буддизм.

Каждая православная обедня начинается возгласом великой ектении²: «О мире всего мира Господу помолимся!»

Все творчески прекрасное, все возвышенное заповедует о мире. Но это успокоение снисходит среди природы. Вот книга Востока «Мир Огненный» заповедует:

«§ 529. Обычная ошибка, что люди перестают учиться после школы. Пифагорейцы и тому подобные философские школы Греции, Индии и Китая дают достаточно примеров постоянного учения. Действительно, ограничение лишь обязательными школами образования показывает явление невежества. Обязательная школа должна быть лишь входом в настоящее познание. Если разделить человечество на три категории, на вообще не знающих школы, на ограниченных обязательным школьным образованием и на продолжающих познание, то последнее число

---

¹ Иоанн, 14:27.

² Ектения — молитвенное прошение в православном богослужении.

окажется удивительно ничтожным. Это показывает, прежде всего, небрежение к будущим существованием. В упадке духа людям нет дела даже до собственного будущего. Пусть останется запись, что в настоящем, столь значительном году приходится напоминать, что пригодно было тысячу лет назад. Кроме начального образования, нужно помогать обучению взрослых. Несколько поколений одновременно существуют на земле и одинаково мало устремляются к будущему, которое им не миновать. Небрежность эта поразительна! Учения сделаны пустыми оболочками; между тем на простой праздник люди стараются приодеться! Неужели для торжественной Обители Огненного Мира не приличествует запастись одеждою Света? Не в ханжестве, не в суеверии, но в просветлении можно радоваться не только детским школам, но и объединению взрослых для постоянного познания.

§ 530. Правильно повторять о болезни планеты. Правильно понять пустыню как позор человечества. Правильно обратить мышление к Природе. Правильно направить мышление к труду сотрудничества с Природою. Правильно признать, что ограбление Природы есть расточение сокровищ народа. Правильно о Природе порадоваться как о пристанище от огненных эпидемий. Кто не мыслит о Природе, тот не знает приюта духа».

Зов о культуре, зов о мире, зов о творчестве и красоте достигнет лишь ухо, укрепленное истинными ценностями. Понимание жизни как самоусовершенствования во благо народное сложится там, где твердо почитание природы. Потому Лига Культуры среди основной просветительной работы должна всеми силами истолковывать разумное отношение к природе как источнику веселого труда, радости мудрой, непрестанного познания и творчества.

24 Марта 1933 г.

Гималаи

Рерих Н.К. Твердыня пламенная.

Нью-Йорк: Всемирная Лига Культуры, [1933]

САД БУДУЩЕГО

В статье «Да процветут пустыни», вошедшей в книгу «Священный Дозор», было сказано о том, что даже мертвые сейчас пустыни Азии могут быть обращены в цветущий сад. Указывалось, что подземные реки шумом своим стучатся наружу и напоминают о близких и блестящих возможностях.

Сейчас мне особенно приятно читать заключение великого путешественника Свен[а] Гедина о том же. Вернувшись из путешествия по Туркестану, он заявляет: «Пустыня Туркестан — это сад будущего. Она может зацвести использованием подземных рек».

Глубокий знаток Азии замечает: «Огромные пустыни Центральной Азии когда-то были обитаемы миллионами людей и могут зацвести опять, вызвав наружу исчезнувшие реки». Так говорит Свен Гедин, называя свое последнее путешествие самым необычным и опасным из всей его жизни. И еще говорит он: «Наши исследования убедили нас еще раз в величайших возможностях Туркестана, где большие реки, не имея выхода, пропадают зря под песками пустынь».

«Во времена Марко Поло Туркестан был цветущей страной, благоденствуя агрикультурой и питая многие города, которые являлись знаменитыми центрами образования. Однако пустыня постепенно сдвинула эту территорию. Реки начали исчезать, обращаясь в подземные потоки, и столетия войн уничтожили обиталища, препятствуя населению сохранить плодородность их земель».

Другой выдающийся французский ученый о[тец] Лиссан убедительно выдвигает соображение о том, что мертвенные пустыни произошли именно по вине их первобытного населения. Еще во времена каменного века, следы которого так многочисленны в среднеазиатских областях, население, естественно, имея обширные стада и не умея урегулировать пастбища, постепенно само уничтожило растительность.

Это соображение чрезвычайно убедительно. Во-первых, потому, что среднеазиатские раскопки безусловно подтверждают наличие растительности в теперешних среднеазиатских пустынях. Во-вторых, как я уже говорил в статье «Да процветут

пустыни», нам приходилось наблюдать подобное же явление в некоторых гималайских областях. Так, например, долина Кангры в Пенджабе еще во времена императора Акбара славилась своей лесистостью. Но сейчас, благодаря вредительству стад, уже потеряла свои лучшие лесные богатства. Эта проблема, знаем, очень беспокоит местное правительство, которое изыскивает ряд полезных мероприятий.

Конечно, легче не допустить первоначальное заболевание местности, нежели потом бороться с мертвенной стихией. Заключение о[тца] Лиссана тем более убедительнее, что оно уже неоднократно ставилось на очередь при изучении проблем каменного века.

Конечно, не скроем от себя, что нечего только винить козлов и баранов, ибо сами двуногие жестоким и часто бессмысленным истреблением лесов действуют с еще большей вредоносностью. Не будем перечислять примеры.

Тем благороднее задача тех правителей, которые стараются предупредить это бедствие человечества и, насколько возможно, залечивать раны, причиненные когда-то чьим-то неведением.

Конечно, окраинные барханы монгольской Гоби являются наилучшей областью для наблюдения над засухостойкими растениями. Те породы трав и прочей растительности, которые удержались, несмотря на соседство страшных песков Такла-Макана, конечно, представляют из себя достойных пионеров для зарождения растительности в оголенных местах. В этом случае чисто ботаническая задача является и делом гуманитарным в полном его значении.

Если посадка каждого дерева заключает в себе уже мысль о будущем, то мысль об оживлении целых пространств есть уже настоящее устремление к светлому будущему. В те дни, когда человечество особенно чувствует отравленность нагроможденных городов, естественно, мышление должно устремляться к запыленным от былой небрежности пространствам. Мы должны пристально и терпеливо наблюдать все окраины, не поддавшиеся омертвлению.

Ведь эти пустыри глубоко в недрах хранят признаки былой жизни. Эти пустыни являются для человечества убедительным предостережением и в то же время своими недрами убеждают, что при любовном, терпеливом отношении и они могут превратиться в сад прекрасный.

Хочется спросить как советы китайских ученых, так и наблюдение опытных скотоводов монгольских, бурятских,

тибетских. Именно слово опытного хозяина всегда дает новое жизненное наблюдение.

Поистине, в самой задаче оживления пустынь есть устремление к прекрасному будущему. Познание, оживление, процветание — всегда будут неотложным заданием человечества.

17 Марта 1935 г.
Пекин

Из архива МЦР

ДОБРО

Четырнадцать лет тому назад мы знакомимся с условиями природы Новой Мексики, Аризоны и Калифорнии. Тогда эти наблюдения имели для нас общепоучительное значение, но сейчас они оказались для нас насущно потребными. Если бы мы не знали точных условий природы этих частей Америки, то сейчас, размышляя над вопросом применения полезных засухоустойких трав Монголии, мы находились бы в гораздо более трудных положениях.

Зная воочию положение природных условий в Америке, можно тем яснее сравнивать аналогии монгольских условий. Зная, как страдают многие штаты Америки от нарастающих засух, вихрей, торнадо и прочих эксцессов, можно тем яснее и глубже оценивать благородную мысль Президента Рузвельта и секретаря¹ земледелия Уоллеса, своевременно думающих о процветании пустынь, вновь зарождаемых движущимися песками. Поистине, прекрасная, своевременная задача. Только такие деятели, смотрящие далеко вперед на благо своей страны, могут принимать меры не только на сегодняшний день, но и на далекое будущее.

Конечно, перенесение монгольских и прочих азиатских пустынных и степных засухоустойких трав — дело, требующее длительного времени. Много опытов должно произойти для приспособления к местным почвам азиатских трав. Но одно остается несомненным. Здешний монгольский ландшафт замечательно напоминает части Новой Мексики и Аризоны. Временами прямо чувствуешь себя в местностях, или примыкающих к Большому Каньону, или на путях в Лос-Анджелес, где «заколдованные мезы» и посейчас хранят свое пустынное очарование.

Именно это сходство ландшафта и суровость природы близки в сравнении с Америкой. Там велика бывает жара, и здесь жгуче солнце. Там налетают бури и вихри, вздымающие пески, — и здесь целыми месяцами иногда свирепствует пронзительный ветер. Там бывает велика засуха — и здесь, когда вы смотрите на сухие русла рек, на желто-красные камни, на разноцветные пески, вы чувствуете, какие суровые условия возникают и здесь. Тем не менее, несмотря на каменистость почвы, вас поражает количество травы. Казалось бы, она должна быть давно вырвана с корнями и унесена вихрями. Казалось бы,

---

¹ В английском языке слово «secretary» переводится как «министр».

как ей удерживаться между острою галькой. Но приспособляемость — великое качество во всякой жизни.

Травы и кустарники Монголии не только существуют, но и противостоят всем крайностям природы. Ни вихри, ни удушающий зной, ни опаляющее солнце, ни зимние, часто бесснежные морозы, ни временные проливные дожди — вернее, отдельные ливни — ничто не заглушает растительность. Мы сами видели, как выброшенный из походной кухни картофель и горох немедленно прорастали в, казалось бы, бесплодном песке. Мы видели, как забор из тоже, казалось бы, уже мертвых, толстых палок ивы весело прорастал на глазах. Все, что хочет жить, непобедимо приспособляется.

Травы, хотя бы уже известных видов, имеют свои отличительные особые качества. Они укреплены корнями более глубокими и длинными. Они более приземисты и тем самым счастливо противостоят суровым условиям природы. Будем надеяться, что семена этих трав и среди американской почвы сохраняют те же свои драгоценные особенности, накопленные долгими веками. Не так много различных видов растительности здесь. Точно бы когда-то произошел отбор естественный, и остались в жизни действительно те, которые проявили особую жизнеспособность и приспособляемость. Кто захотел жить — тот и выжил.

Не буду перечислять здешние травы. Для того будут специальные отчеты и списки. Важнее всего сейчас засвидетельствовать, что аналогия условий в некоторых местностях Америки действительно близка к азиатским равнинам и нагорьям.

Приятно воочию засвидетельствовать необычайную стойкость здешней растительности. Вот, например, эфедра так прилепилась к камню, что даже острым инструментом трудно оторвать ее. Или агропирум вырастил себе такие необычно длинные корни, что нагибается лишь под силою вихря и никуда не улетит. Даже ирисы в нескольких видах своих все сохранили общую всем здешним травам цепкость и устойчивость. Несмотря на близость алашаньских песков, несмотря на клубы пыли, вздымаемые ветрами, все же зеленая задернованность крепка, и барханы не обнажаются.

Не только крепко держится зеленая кора, но и хорошо питает она животных. Лошади, коровы и овцы круглый год находят себе питание. Если за зиму и отощают значительно, то с наступлением лета быстро входят в тело. Сейчас все стада находятся в прекрасном состоянии. Поучительно наблюдать и различные породы скота и коней, сошедшихся на монгольских холмах, особенно за последнее десятилетие. Даже среди наших

коней имеются и сунитские, и халхасские, и чахарские, и бурятские. При малейших желаниях и усилиях можно бы здесь отлично улучшить породы. Да что говорить, любые формы доходного хозяйства возможны здесь. Лишь бы оказались в наличии доброе желание, терпение и готовность к труду.

Семянный сезон начался уже с первых чисел августа и, вероятно, окончится к концу сентября. Уже сейчас начались прохладные утренники и, вероятно, к сентябрю не удивимся и ночным заморозкам. Вязы-карагачи, единственное здесь дерево, еще зелены, без намека на пожелтение. Появились ягоды дикого шиповника и хвойных малорослых кустарников. Высокий колючий чий немного позеленел от основания. Эти целые пространства чия, хотя и мало пригодны для скота, но, может быть, в свою очередь, способствуют удержанию песков.

Хорошо, что семена в пересылках не теряют свою жизнеспособность. В пирамидах они сохранялись даже тысячелетиями. Образцы почвы, идущие в мешках, конечно, тоже помогут опытам на месте. В последнем извещении от департамента говорится о том, что прошлогодние семена трав из Барги уже произрастают в питомниках. Пожелаем и здешним семенам доехать в целости и сохранить всю свою мужественную стойкость, которая так поражает здесь. Особенно, когда вы видите на жгучих каменистых солнцепеках прочно уцепившийся питательный агропирум, удивительным кажется подумать, насколько целесообразна накопленная веками приспособляемость.

Также любопытно наблюдать, как ливни промывают степь острыми каньонами. Также любопытно видеть, как сравнительно быстро эти каньоны теряют свою остроту, превращаются в ложбинки и естественно засеваются. Значит, несмотря на все порывы вихрей, все-таки способность задернования живо сохраняется, и пески вместо опустошительного наступления опять охватываются зеленою корою — бюстительницей жизни.

Местные власти иногда проявляют заботу, чтобы деревья не срубались. Забота насущная, и жаль, что она проявляется лишь спазматически. Частенько можете увидеть нелепо срубленное дерево. Какими же такими уговорами можно расширить сознание обывателя о сохранении деревьев и о бережном отношении к прочей растительности? Также невольно думается, насколько легко в здешних местностях могли бы процветать обширные огороды, а между тем теперь даже картофель приходится привозить из удаленных китайских селений. Странно видеть многое так возможное, так легко улучшаемое и тем не менее все еще не использованное и не приложенное.

Поистине, когда говорится: «Да процветут пустыни», — невольно имеются в виду не только пустыни песчаные, но и пустыни духа человеческого. Полная аналогия. Так же какие-то вихри смели в человеке жизненные покровы, так же оголили и окаменили сердце. Но если даже в природе нашлись засухостойкие, упорно применившие себя травы, то ведь и дух человеческий может проявить то же упорство, то же мужество, которое охранит от постыдного окостенения.

Какими такими словами, какими разъяснениями можно внушить людям бережливость и к природе, и к своим близким? Зачем обнажать природу, когда ей суждены такие прекрасные одежды? Зачем обнажать сердце человеческое злоречием, злоумышлением, когда для самой примитивной постройки требуется совместное усилие? В палеолитических пещерах, и там уже видим признаки совместных работ. Казалось бы, с тех пор в десятках тысячелетий принцип сотрудничества должен обосноваться и возвеличиться, а между тем и пески наступают, и испепеляются сердца человеческие. Благородно помыслили те, которые спешат предупредить еще большее испепеление и окостенение.

Изменяются языки. Нарастают в них новые слова. Умножаются всякие технические уточнения и определения. Умножается ли и словарь добра? Научаемся ли думать о благе в каких-то новых, точнейших выражениях? Если сравнить словарь блага и словарь брани, то не придется ли увидеть, насколько изощренность брани превысила уже давно сказанные слова о добре. Злостные выдумки покрывают страницы ежедневных изданий. Попробуйте подчеркнуть все измышления, преувеличения и клеветнические выходки, и вы с прискорбием заметите, насколько испещрится печатный лист.

Побеседовать о добре — уже значит помыслить о пользе. Ведь не в руках роботов останется истинное преуспевание. О нем, об этом действительно неотложном сотрудничестве, пусть будет дозволено объединяться. Всякие разъединения готовы даже обесплодить планету. Даже рождаемость много где уже уменьшилась. Точно бы произошло какое-то разочарование в радости народонаселения планеты. Нет, пусть, несмотря ни на что, процветут пустыни песчаные и пустыни духа человеческого.

Сейчас пролетел аэроплан. Добрый ли?

12 Августа 1935 г.
Тимур Хада

Из архива МЦР

ДА ПРОЦВЕТУТ ПУСТЫНИ

Листы экспедиции

Справедливо время от времени человечество вспоминает о необходимости заживления пустынь — этих растущих гнезд проказы земной. Правда, эти попытки обычно происходят спорадически. Где-то и что-то делается по древонасаждению, но само население самыми хищническими ухищрениями старается обезлесить, иначе говоря, погубить жизнь на своих же местах. Правда, всеми с радостью вспоминаются насаждения Японии, Англии и Германии. Иногда в школах происходят праздники древонасаждения, но обычно они остаются внешними экскурсиями, и серьезность задачи сравнительно мало ощущается.

Если вопрос древонасаждения и охранения лесов, казалось бы, такой очевидный, и то мало занимает сельское население, то вопросы трав и растений, борющихся с пустынными засухами, еще реже занимают внимание человечества. Нельзя не вспомнить любопытный рассказ нашего ботаника профессора Т.П.Гордеева по поводу травосеяния. Однажды он старался пояснить крестьянину важность задач травосеяния, оплодотворяющего и укрепляющего почву. Собеседник его внимал очень хмуро, наконец ботаник предложил ему вопрос:

— Почему бы вам не начать это полезное дело на своем участке?

Крестьянин спросил сурово:

— Это мне-то?

Ботаник сказал:

— Да, вам-то!

Последовал еще более суровый ответ:

— Бог траву родит.

Ботаник опять пробовал найти еще новое очевидное доказательство, и опять последовал буквально тот же обмен восклицаний. «Это мне-то?» — «Вам-то», и еще громче: «Бог траву родит». И в третий раз ботаник пробовал объяснить пользу травосеяния, но тут уже последовал угрожающий окрик: «Бог траву родит», после которого стало ясно, что лучше разговор прекратить.

В этой фразе «Бог траву родит» обрисовалась сельская психология, почти мировая. Несмотря на все лекции и разъяснения, в массе населения все-таки остается идея, что как дерево, так и трава растут сами собою, а если сам же человек лес вырубит, а траву уничтожит бесхозяйственностью, то будет только

удивляться, с каким же могуществом наступили на него мертвые пески и бедствие личное обратилось в страдание целой земли.

Поучительно видеть при раскопках в Азии среди самой, казалось бы, мертвой песчаной пустыни корни когда-то бывшего могучего леса. Странно видеть, что именно в этих местах было прекрасное жилье, и остатки плетений из злаков показывают, что и здесь процветала жизнь. Старые китайские хроники и точные записи китайских путешественников описывают эти иссохшие места как живописные города и селения, процветавшие и обильные. Не будем относить эти перемены всецело к космическим сдвигам, рука человека поработала больше всего. Например, живописная долина Кангра в Пенджабе даже в недавние сравнительно времена императора Акбара считалась одной из самых лесистых, а сейчас и это место начинает страдать безлесьем. Правда, местное правительство усиленно борется с этим очевидным несчастьем, но если первый момент давно упущен, то и последующие труды делаются особенно тяжелыми. У каждого человека, срубившего дерево, не только не являются мысли о немедленной посадке нового, но даже не придет в голову озаботиться, чтобы безобразно оставленный пень не мешал молодняку. Конечно, не подумают и о том, что столпившийся молодняк следует упорядочить.

В умерших пустынях часто вам приходится слышать журчанье подземных потоков, которые иногда дают повод к поверьям о подземной жизни. Нередко эти потоки загнаны под камни и гальку тоже руками человеческими, которые хищнически уничтожали растительность.

Как безбрежно огромны пески Средней Азии, Литвы¹, Америки, иначе говоря, в самых неожиданных частях мира возникают те же болезни, которые озабочивают заботливых хозяев. Вполне понятно, что президент Рузвельт и министр агрикультуры Уоллес также озабочены прийти на помощь оживлению пустынь не только древонасаждением, но и изысканием лучших по стойкости злаков. В этом смысле степи и гоби Азии дают прекрасные материалы для изучения. На этих песчаных барханах, на бесчисленных холмах еще держится самобытная, устоявшаяся против всех невзгод растительность.

Барханная Барга — часть Монголии, где еще «Бог траву родит», дает возможность различных полезных наблюдений. Там еще сохранились остатки лесов, а различные сорта степного ковыля, востреца и других твердых по стойкости и в то же время

---

¹ Так в тексте. Вероятно, Ливия.

полезных для скота злаков имеются в большом количестве. Прекрасно, что изучение таких стойких против засух и всяких невзгод растений становится в широком масштабе. Ведь такие опыты требуют многолетних работ, и чем скорее обратится внимание на эти неотложные земные нужды, тем лучше и быстрее найдется и панацея.

Люди, которые еще в простоте душевной полагают, что «Бог траву родит», забывают и другую пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай». Когда приходится видеть орошения египетских пустынь, мне всегда приходит на мысль, как сравнительно мало нужно сделать, чтобы, казалось бы, мертвая поверхность опять зацвела. И в этом смысле каждый, как специалист, так и доброжелательный обыватель, одинаково должны сойтись, чтобы помочь целым странам. И в этой помощи для будущих поколений будет одно их тех безымянных благодеяний, которыми держится бытие.

Каждый раз, когда приходится пересекать безбрежные степные пространства, всегда думается, сколько благодетельных возможностей сохранено в этих целинных степях, в богатых глубинах, в просторах, где так легко лучшие породы скота могут быть возвращены для мировой пользы. Уже не говорю об огромном запасе лекарственных растений, розданных, действительно, Божьей Милостью и до сих пор еще так мало осознанных человеком. Ведь только теперь наука опять начинает внимательно вновь находить ценное, что было известно за многие сотни лет и забыто в сумятице жизни. Только теперь начинают люди вполне точно изучать языки, чтобы избежать заблуждений, возникавших так часто от неточных переводов. Сквозь многие условные и символические выражения книг тибетских и аюрведических фармакопей выступает глубокий смысл древнего опыта. Барга и нагорья Хингана и в смысле лекарственном дали хорошие материалы. Рядом с этими находениями, конечно, мы встретились и с мирными монголами, к которым тянется вся душевная симпатия. Опять-таки лишь знание языка может открывать тайники души.

Попутно был посещен один из самых больших монгольских монастырей Ганджур. Само название укрепилось за этим монастырем с XVIII века, когда китайский император пожертвовал туда полное собрание тибетских священных книг «Ганджур»¹.

---

¹ Ганджур — в современной транскрипции «Канджур» (*тиб.* «собрание слов [Шакьямуни]») — один из двух разделов буддийского тибетского канона, насчитывающий 108 томов.

Мы видели эти тома и любовались прекрасным пекинским изданием, доски которого по несчастью были уничтожены во время одного из очередных потрясений.

В Ганджурском монастыре Юрий нашел у старого ламы тибетский лекарственный манускрипт и успел списать его. Хорошо, что Юрий вполне владеет тибетским и монгольским, — это незаменимо. В монастыре много изображений. Ламы говорят о шамбалинской войне, но добавляют: «Для этого нужен человек с большим сердцем». Присутствовали при ученической дискуссии, когда малыши, ударяя в ладоши, задают друг другу неожиданный вопрос. Сколько поучительного в старинных традициях!

Еще и еще раз думалось, как нужно уметь хранить неповторимое сокровище и как часто до сих пор, при всей условной цивилизации, происходят ужасные варварства. Да, нужно уметь беречь не только рукотворные ценности человечества, но и продолжать ту же заботливость и ко всем истинным источникам жизни. Потому оживление пустынь, как в своем буквальном значении, так и в переносном духовном понимании, является благородной задачей человечества. Да цветут все пустыни.

24 Сентября 1934 г.
Харбин

*Рерих Н.К. Священный дозор.
Харбин, 1934*

ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ

Во времена Акбара¹ под строгим наказанием было запрещено продавать непрочные краски. О добром качестве красок говорят и древние шастры². Казалось бы, с тех пор мировая цивилизация должна бы еще более укрепить условия прочности материалов. Но, как видно, цивилизация преследует какие-то другие цели. Она загнала гуманитарные науки и забыла вообще о доброкачественности. Странно подумать, но некоторые выпуски новейших машин отличаются большою непрочностью сравнительно с предыдущими моделями. Что же касается до художественных материалов, то у них явились многие новые враги, порожденные тою же «цивилизацией». Так, например, многие краски не выносят серных паров и других химических испарений, которыми наполнена атмосфера нынешних городов. Вместо здравоохранения получается какая-то непозволительная расточительность. Если на Парижских бульварах от газаolina засохли некоторые породы деревьев, то можно себе представить, как всякие подобные испарения могут разрушать и людей и предметы их творчества. Бессмертная в своем цинизме фраза Людовика «После нас — хоть потоп» приобрела своеобразное применение в разных областях современной жизни. При этом развелось своего рода фарисейство. С ханжеской скромностью вам иногда скажут: «Нам ли озабочиваться о прочности современных творений? Пусть само время явится неумолимым судьей». При этом говорящие отлично понимают, что заведомая непрочность материалов лишает будущее поколение принадлежащих им достояний.

Не из самости, но во имя бережливости никто не может лишать будущее поколение всего того, что ради него же было сделано. Археология дает поразительные примеры прочности разных материалов. И разве мы все не бываем признательны неведомым нам деятелям, благодаря которым мы можем изучать

---

¹ Акбар Джелаль-ад-дин (Акбар Великий) (1542–1605) — третий император из династии Великих Моголов (Индия), превративший Могольскую империю в обширное государство. Покровитель религии, искусств и наук; известен своей веротерпимостью.

² Шастры — произведения древнеиндийской ведической литературы, включающие в себя материальное (мирское), религиозное (ритуалистическое) и духовное (монотеистическое) знание.

и восхищаться предметами, сохранившимися в течение тысяче-
летий? Могут сказать, что неизвестно, долго ли просуществует
и вся планета. Конечно, среди астрономических и космических
соображений не найдется места для обсуждения прочности
земных материалов. Но, пока старая Земля существует, следует
подумать, как упорядочить материалы и избежать всяких отрав-
лений и разрушений.

1939

*Рерих Н.К. Из литературного наследия.
М.: Изобразительное искусство, 1974*

КРИК ПРОСТРАНСТВА

Сообщают, что около Данцига построена такая мощная радиостанция, что она заглушает собой все остальные. С одной стороны, этот факт как будто не содержит в себе ничего особенного, ибо мало ли разного напряжения радиостанций может быть построено, но в существе своем это известие чрезвычайно знаменательно. Очевидно, происходит еще один вид воздушной войны. И без того человечество воспользовалось новейшими открытиями лишь для убийственных целей. Но радиовопли могли греметь по миру и обращать внимание на разные творимые бесчеловечности. Значит, кому-то потребовалось заглушить возможность таких пространственных жалоб. Кто-то пытается схватить за горло само пространство и помешать нежелательным для него оповещениям. Многозначительно такое изнасилование пространства. И трудно себе представить, что может произойти, если человечество вступит и на такой путь насилия. Конечно, неразумие подскажет, что против мощной станции можно построить еще более сильную. Никто не подумает, чем может закончиться такой марафон взаимоудушения.

Наивно предполагается, что пространство может вместить любое количество энергии. Но кто же сказал, что эти дозы энергии могут быть безграничны? Люди уже убеждаются в том, что одними энергиями можно пресекать другие, более слабые. Продолжим то же соображение в прогрессии, и мы получим ужасающую войну в пространстве. Никто не будет знать пределы этой войны. Никому не может быть известно, насколько может быть изнасиловано и отравлено пространство. Одно ясно, что люди в обоюдной ненависти способны вызвать к действию самые страшные разрушительные энергии. Если в данную минуту еще не происходит какого-то потрясающего взрыва или каких-то губительных эпидемий, то это еще не значит, что их вообще не может быть. Люди опять-таки обвиняют далекие солнечные пятна во всех своих безумиях. Наука опередила человеческую психологию. Наука уже вступила в океан новых энергетических опасностей, а люди легкомысленно пытаются изнасиловать и отравить само жизнедательное пространство. Куда же приведет такой «прогресс»?

БИЧИ

За прошлый год в одних только Соединенных Штатах Америки погибло от рака сто тысяч человек. Прибавьте к этой потрясающей цифре еще все жертвы, унесенные раком в Европе и других странах, и получится цифра потерь целой войны. Бедствие раковых заболеваний внешне отличается от прочих эпидемий. Раком ужасаются. Строят еще одну больницу. Объявляют в газетах о средствах, вполне излечивающих рак, а цифры жертв не только не уменьшаются, но, пожалуй, угрожающе возрастают.

Рак не так бурно, как чума или холера, но верно продвигается, пока не будут приняты настоящие профилактические меры и не начнутся внимательные и длительные исследования. Этим мы не хотим обидеть тех самоотверженных врачей, которые неустанно стараются остановить мертвую хватку рака. Известны примеры действительно удивительной самоотверженности врачей.

Дело не во врачах только, но в самих народах, которые ради условных привычек не нарушают вредных сторон своего быта. Уже неоднократно сообщалось, что статистика повсеместно установила мясоедение как одну из причин раковых заболеваний. Так же точно общее потрясение нервной системы в нездоровых современных городских условиях также является способствующим условием для страшной болезни.

Между тем известны местности, где рак неизвестен вообще или проявляется лишь в случаях занесенных. Также известно, что высоты как бы являются началом, охраняющим от рака. Значит, казалось бы, прежде всего нужно начать исследования в местностях, где рак вообще неизвестен, и досмотреть, какие именно местные условия являются отличительными. Также известно, что тибетские ламы излечивают некоторые случаи рака. При этом лечение, свидетелями которого мы были, производится растительными веществами, но при условии пользования ими в определенных горных местностях. Это обстоятельство сразу вызывает необходимость различных исследований и самих лекарств, и особых условий предписанной местности. Может быть, качество минеральных вод или почвы, или близость ледников, изобилующих метеорной пылью, — мало ли какие условия могут влиять и кроме очищенного горного воздуха и солнца.

Казалось бы, эти указанные обстоятельства уже должны побудить кого-то, или заболевшего, или преисполненного филантропическими намерениями, помочь этим исследованиям.

Но на деле выходит совсем не так просто. Люди интересуются, но дальше расспросов и беспредметных желаний дело не подвигается. Допустим даже, что такие исследования потребовали бы значительное время. Допустим, что среди них произошли бы и частичные разочарования. Тем не менее и статистические данные, и уже наблюденная возможность излечения хотя бы некоторых форм рака должны бы являться достаточной причиной для пробуждения сердец к такого рода исследованиям.

Сами потрясающие цифры жертв должны бы заставить подумать о приумножении способов исследования. Одним только городским лабораторным путем не всегда удастся уловить извилистый путь ехидны. Если же является хотя бы предположительная возможность обогатить способы исследования, то ведь ею нужно пользоваться, не упуская ни дня, ни часу. Таким образом, находя профилактические условия выздоровлений самого быта, можно, с другой стороны, указать и те уже существующие естественные условия, которые являются предохранителем от страшного заболевания.

Зачем же терять время там, где уже могла бы идти бодрая поступательная работа. Зачем же отвлеченно ужасаться числам жертв, когда еще что-то и где-то может быть сделано на спасительных путях.

Такие расследования скоро потребуются и не только для рака. Надвигается и другой новый бич, пока носящий название испанской инфлюэнции. Многие врачи считают эту форму чрезвычайно близкой легочной чуме. По некоторым симптомам, это действительно нечто весьма сходное. Каждый год можно видеть волну таких заболеваний, протекающую в разных странах. Во всяком случае, в этом есть какая-то новая форма заболевания. Если когда-то то, что мы называем насморком, было в смертельных формах, то и давно известный грипп, наоборот, возрос до опасных форм испанки.

Только что читаем о том, что сейчас много людей тяжело больны от странной формы воспаления легких, приписываемой недавним неслыханным по силе пыльным ураганам. Даже животные дышат при подобных же симптомах. И здесь, в Китае, прошла тяжелая форма каких-то подобных же заболеваний. Думают, что из долины Ян-Цзе вихри несут какую-то зараженную пыль с определенными бактериями.

Так или иначе, опять мы встречаемся с усиливающейся легочной и гортанной формой заболевания. Если же сообразим все умножившиеся случаи сердечных болезней, странного усиления давления крови, менингита и других нервно-сердечных

форм, то опять можно видеть поднявшийся на человечество бич, который не замечаем в кинема и дансингах, на скачках и в кулачных боях.

«Пир во время чумы» в представлении гениального поэта всегда напоминает те неразумия, которые так легко ведут к малопоправимым последствиям.

Со времени Великой войны среди всех мирных конференций народы истратили шестьдесят миллиардов долларов на вооружение. Сейчас опять гремят войсковые призывы. Возможность войны висит в разных частях мира. Поучительно было бы знать, сколько за это время было затрачено на борьбу с чудовищными бичами человечества, как рак, сердечные болезни, виды инфлюэнций и прочие угрозы. Не будем считать в этой цифре уже существовавших госпиталей и прочих научных медицинских учреждений. Эти достижения уже были кем-то выполнены. Знаменательно было бы посмотреть размеры цифр на новые изыскания и сравнить их с цифрами вооружения. Говорят, что дети до пяти месяцев вырабатывают сами свой витамин, но после четырнадцати месяцев это свойство пропадает. Тогда уже требуется особая профилактика. Почему же не думать о ней, хотя бы в тех пределах, которые легко доступны каждому человеческому мышлению? Конечно, не следует устрашаться заразительностью болезней. Ведь теперь признают, что и рак заразителен, и легочные формы. Было бы одинаково неразумно наполнить сознание боязливостью и тем самым открыть доступ всяким заразам. Думать своевременно о профилактике не должно быть признаком страха. Это должно быть просто бережливостью жизни, чтобы она могла быть выполнена в превосходном и гармоничном напряжении энергии. Там, где можно предусмотреть уменьшение страданий, их и нужно предусмотреть, и нужно достичь этого всеми человеческими мерами.

Нельзя возлагать всю заботу лишь на врачей. Все люди должны быть сотрудниками в деле широко понятого Красного Креста. Так часто принято, собравшись за пресловутой чашкой чая, поболтать и ложками, и языком и разойтись потом без всяких последствий. Необходимо, чтобы каждая беседа вносила бы нечто действенное. Из этих, хотя бы малых зерен сложится самое большое и самое неотложное.

Бич сам не подымается, его подымает рука. Нужно, чтобы эта Рука не подняла бич. Нужно, чтобы бег и преуспевание народов не нуждались в бичах, когда суждено так много прекрасного.

5 Апреля 1935 г.
Цаган Куре

*Рерих Н.К. Врата в Будущее.
Рига: Угунс, 1936*

БОЛЬНОЙ ГОД

Этот год оказался болезненным во всех отношениях. Все мы переболели. Если подсчитать все болезни, то выйдет, что ими была занята большая часть года. И сердце, и невралгия, и гланды, и зубы, и глаза, и всякие раздражения слизистых оболочек, и лихорадки. Удивительно, как все сгустилось и в каких неожиданных формах. Впрочем, и все в мире столкнулось неожиданно. Отовсюду пишут о плохом здоровье. Всюду жалуются. А положение все усложняется.

Конечно, и в прошлом было немало болезней — и печень, и пневмония, и всякие виды инфлюэнцы. Требовался и Кисловодск, и Нейенар. Врачи — Двукраев, Романовский, Цейдлер, Бертенсон иногда даже устрашали. Бодрее всех был Двукраев. Его формула «ближе к земле» запомнилась.

Лучше всего мы чувствовали себя на тибетских нагорьях; казалось, мы были окружены всякими опасностями и невзгодами, но весь путь устояли в палатках, на крепчайшем морозе. Удивительно, как выдержала Е.И. Только раз в Нагчу было у ней такое воспламенение центров, что можно было опасаться — как выдержит. На морозе — огнем горела. Но и это прошло. Вообще Азийские просторы — целительны. Вспоминаем и финские снега 1916—1917-го. Они переломили отвратительную пневмонию. Морозно было в Сердоболе и на Ладожских островах. Пыхало северное сияние, и звенел и благоухал снежный воздух. Не раз на Гималаях вспоминали мы эти снежные сияния.

Здесь превосходен горный воздух. Здесь горные сияния, названные Гималайскими свечениями. Целая сказочная горная страна. Почему же этот год выдался таким болезненным? Люди ли его отравили? Снизились ли потрясающие пространственные токи? Не удивимся, если жесточенная, свирепая мысль человеческого отравляет пространство.

В университетах теперь начали изучать мысль и мозговую деятельность. Наконец-то признали, какую мощную энергией обладает человечество. Уже давно знали, что взрывы могут вызывать дождь. Таким путем познается энергетическая основа. Может быть, скоро поймет человек, что его мысль есть рассадник и вреда и блага.

Весь словарь лукавства и предательства произнесен потрясенным человечеством. Но не в произнесении, а в мысли сказанной главная сила. Кто знает, на какие расстояния действует мегафон мысли? Много новых разновидностей болезней сейчас в мире. Многие не опознаны. Некоторые принимают вид эпидемий. Не мысль ли их творит? Большой нынешний год.

1939

*Рерих Н.К. Из литературного наследия.
М.: Изобразительное искусство, 1974*

СМЕРЧ

На пути от Алжира к Мальте несколько смерчей окружало «Азей-Ле-Ридо». Было красиво наблюдать живые связи земли и неба. На пароходе уже беспокоились. Думали, не пришлось бы разбивать эти колонны из маленькой единственной пушки. Тревожно бегали люди, ожидая, что столб земно-небесный придвинется и натворит беду.

Красиво зарождение смерчей. Вспухнет пучина, а сверху уже тянется облачный палец. Ищет соединения. Ближе и ближе, темнее и явственней. И вдруг строится столб. Чудесно, как в театре, и не приходит на ум, что эта великолепная декорация может опасно обрушиться.

Так же и во время грозы ее опасность не мыслится, вытесненная величием. Помню, в Кулу спешили в грозу на моторе. Вокруг молния била и ломала огромные деревья. Увлекательно чудесно, когда в блеске голубого огня в щепки сметается вековой ствол. Наверно, была опасность, но при величественном зрелище об опасности не думается. Все бичи человечества исчезают.

Бичи — страх, злоба, раздражение, сомнение, уныние — мало ли их? Сколько ядов вырабатывают эти гнусные «домашние» лаборатории! Только теперь наука взялась исследовать такие очаги всяких болезней и бедствий. Теперь уже биологи серьезно заговорили об ядах, творимых человеком в гневе и страхе. Даже слюна, как у бешеной собаки, становится ядовитой. Укус бешеного человека опасен так же, как и бешеного животного. А где пределы «бешенства»? «Раздраженный» человек уже дает признаки аномальных выделений желез, и отравлены его нервы. Тут уж одними каплями не отделаться. Медленно испаряется яд человеческий. Еще не наблюдается, насколько он заражает атмосферу. Увы, велика сила этого яда.

Подобно смерчу, соединяются эманации людские с токами пространства. Подобное и привлекает подобное. Магнит зла тоже немаловажен. Магнитная субстанция делит и питает человечество. Не знают, не помнят, что сущее — мощная лаборатория. Говорят о спектральном анализе, об астрохимии, об энергиях и витаминах, но не хотят запомнить, что микрокосм человека

живет в пространстве. Существо не земное, но пространственное. Неужели оно должно выделять смертельные яды? Стоит ли столько искать витамины, если человек по-прежнему будет вырабатывать морбины¹? Может быть добрым смерчем человек.

13 Апреля 1941 г.   *Рерих Н.К. Из литературного наследия.*
М.: Изобразительное искусство, 1974

---

¹ От *лат.* morbidus — болезненный, вредный для здоровья.

БЕДНАЯ ЗЕМЛЯ

«Два леопарда в саду» — сообщает Кесанг. «Медведь поломал яблони!» «Дикобраз поел кукурузу». «Обезьяны совсем одолели — весь горох вылушили». Наконец, налетели вампиры, гигантские летучие мыши — уничтожают все фрукты. Прямо агрессия какая-то. Никогда столько зверья не посещало. Много не по сезону. Вот леопарды посещают обычно глухую осень и зимою, а ведь сейчас половина Августа!

Точно бы «Дела человеческие» опять вызвали всякие несообразности. Расстреляли бедную землю!

Весна была необычно ранняя. Затем престранный муссон. А теперь во всем признаки несвоевременной осени. Много зацвело ранее времени. На горах уже снег. Каждый день вести все сложнее, все фантастичнее. Кажется, нас уже ничем не удивить, а на деле все оборачивается неожиданно.

События чреваты последствиями. Все случившееся не может окончиться, как предполагают житейские прорицатели. Слышатся робкие прорицания о мире. Но о каком мире? Как утрясется вся взбаламученная муть народов? Какие новые проблемы выступят? Какие новые деятели выявятся? И как быть с разными пережитками и недомолвками? И того и другого предостаточно. Какие-то враги будто бы замирятся, а друзья поссорятся. Какие-то толпы восстанут. Всплывут несказуемые вопросы.

Все, что случилось в мире, приняло стихийные размеры. Такой чреватости еще не бывало. А новое поколение растет с новыми запросами. И готовы ли наставники рассказать о соизмеримости и целесообразности? О значении мысли и сердца могут ли сказать школьные учителя? Не захлестнули ли армагеддонные волны робкое сознание?

Не в пессимизм впадаем. Мы ведь от рождения оптимисты. Но хочется, чтобы миру было хорошо, чтобы ничто кошунственное не грязнило пространство. И земля расстреляна, и небеса расстреляны.

С письмами все хуже. Проще вообще отказаться от сношений. И не только исчезают письма, но, шут его знает, кто непрошенный их читает? Бедная земля! Бедная расстрелянная земля.

21 Августа 1941 г. *Рерих Н.К. Из литературного наследия.
М.: Изобразительное искусство, 1974*

Если люди подумают еще и еще раз о свете и звуке, если они услышат звучания светлые, они подвинутся по пути расширения сознания.

Н.К.Рерих. Свет опознанный

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ

КРЫЛАТАЯ ЧУМА

В Сан-Джеминиано при нас открыли палату при церкви, замурованную после одного из средневековых чумных бедствий. В прекраснобашенном городе ничто не напоминало больше о черной заразе. По вычислениям было известно, что чумная зараза уже иссякла, и палату можно было открывать. Конечно, народ еще боялся, и немногие рисковали входить в эту высокую залу, расписанную фресками Гоццоли. Конечно, замурованность этой палаты прежде всего благотворно отразилась и на сохранности самих фресок. Некому было их перечищать или перебивать и чистить.

Рассказы о чуме особенно всколыхнулись, когда вспомнилась эта замурованная палата. Среди прочих эпитетов чумы ее почему-то называли «крылатой». Очевидно, в этом подчеркивали неожиданность появлений этой эпидемии. Действительно, без всяких, казалось бы, очевидных поводов вдруг вспыхивала страшная черная смерть. Точно истощив гнев свой, она пролетала дальше и опять опускалась в неожиданном месте в неожиданных условиях. В конце концов, и все так называемые эпидемии налетали всегда без каких-либо предварительных местных признаков.

Почему-то особенно сильно вспыхивали они обычно вовсе не там, где их предполагали. И само исчезновение их, хотя и было обусловлено принятыми мерами, но также как бы зависело еще от каких-то незримых условий.

Сейчас, поверх сказок и поверий давнего прошлого: «Американский биолог Бернард Э.Проктор предпринял серию опытов с целью установить, на какой высоте над землей прекращается всякая жизнь. Проктор прибег к помощи летчика американской армии, специализировавшегося на подъемах на большую высоту. К одному из крыльев аэроплана была приделана трубка, перегороденная посреди листом промасленной бумаги. При скорости аэроплана в 250 километров в час встречный воздух с силою врывался в трубку, причем промасленная бумага играла роль фильтра, задерживавшего все микроорганизмы.

После каждого полета бумажный фильтр доставлялся в лабораторию проф[ессора] Проктора, где подвергался тщательно-му бактериологическому исследованию. В результате 40 полетов на высоту 5000 метров установлено, что в этих слоях воздуха

встречается не меньше 29 видов различных видов микроорганизмов — бактерий, дрожжевых грибков и т. д., а также спор и семян растений.

После 5000 метров количество видов уменьшается, но бактерии и грибки попадают в больших количествах до 7000 метров. Далее, между 7–10 км, фильтр задерживает только несколько видов бактерий, которые, однако, отлично выдерживают как разреженность воздуха, так и низкую температуру предстратосферной области. Выше 10 км опыты не производились, но кривая, вычерченная проф[ессором] Проктором на основании добытых материалов, позволяет предполагать, что жизнь продолжается и в самой стратосфере.

Проф[ессор] Проктор вывел из результатов этих опытов любопытное и неожиданное заключение: он указывает на роль, которую могут играть в распространении заразных болезней бури и циклоны. Вихрь, пронесшийся над пораженной эпидемией местностью, способен захватить и унести ввысь мириады микробов, которые могут затем, следуя воздушным течениям верхних слоев атмосферы, передвигаться на сотни и тысячи километров (таким именно образом вулканическая пыль, выброшенная во время извержения Каракатау, была занесена в Европу). Средневековое представление о крылатой чуме приобретает как будто характер научной теории.

Проф[ессор] Проктор считает, что многие эпидемии, вспыхивающие неожиданно на огромной территории, имеют именно такое происхождение».

Таким порядком еще раз подсказывается, насколько космические условия связаны с людскими условиями быта. Еще раз указывается, насколько из неожиданных по человечеству областей прилетают как мрачные, так и целительные вести. Древние, если и не знали более выразительных формул, то по существу характеризовали такие космически человеческие явления достаточно определенно.

Крылатость эпидемий и сейчас остается, как видим, довольно хорошим определительным. На каких-то неведомых крыльях переносятся опасные частицы. На каких-то других крыльях долетают и спасенья. Хотелось бы скорей слышать, как ученые долят и целительные эпидемии.

Приходится слышать о целых, как бы обреченных на опускание островах и частях материков. С точными цифрами в руках ученые доказывают, что или должны быть заполнены какие-то гигантские подводные ущелья, или целые цветущие острова должны сползти в эти бездны. Если крылата чума и прочие ее

мрачные союзники, то и подземная, подводная работа тоже угрожает неисчислимыми последствиями. Конечно, нам разъяснят, что всякие такие опасности выявляются в каких-то миллионах лет. Нам напомним, как один слушатель таких лекций переспросил ученого, предполагался ли конец мира через миллиард или два миллиарда лет, и, услышав предположение о двух миллиардах, вздохнул успокоительно. Такие предположения, конечно, успокоительны для человеческого бытия. Но если мы посмотрим некоторые списки землетрясений, то те же ученые нам скажут, что и миллиардные сроки могут значительно измениться. Таким образом, если даже чума называлась крылатой, то какие же определительные можно приложить и к прочим, не менее потрясающим природным процессам.

Во всяком случае, если крылатость была применима к таким мрачным вестникам, то еще большая подвижность и целительность должна быть выражена в требованиях всяких оздоровлений. Из тех же стародавних времен, когда перечисляются многие несомненно существовавшие, а затем исчезнувшие острова, сообщается в грозных словах и о причинах этих исчезновений. Обычно эти исчезновения приписываются какому-то человеческому нечестию, или гордыне, или излишнему самонению. В этих легендах люди хотели по-своему выразить тоже связь человеческого духа с космическими явлениями. Действительно, сильна эта связь, недаром среди ближайших задач науки есть исследование мысли.

2 Февраля 1935 г.
Пекин

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

ЗДОРОВЬЕ

Некий житейский дядюшка завещал племяннику своему:

«Люби самого себя больше, чем ближнего своего. Не делай сегодня того, что можешь сделать завтра. Никогда не делай сам того, что можешь заставить делать других. Не плати долгов, покуда не наступят на горло. Помни: создан человек, чтобы лежать на мягком, сосать сладкое и слушать приятное. Главное же, помни, что без желудка ты существовать не можешь».

Умудренный своеобразным житейским опытом дядюшка не мог думать выше желудка, и желудок подсказал ему те человеко-ненавистнические формулы, сказанные им в шутливой форме. Но таких дядюшек много, и почитателей чрева Молоха бесконечное количество. А из этого пожирающего чрева возникает и ненавистничество. Все эти почитатели чрева очень много заботятся о здоровье. Обратите внимание, самый близкий им разговор будет о применении каких-то неведомых им самим лекарств. И патентованные лекарства эти, обычно содержа в себе какие-то разновидности наркотиков, ядов, являются тоже своеобразным приношением чреву Молоха.

Но нигде не сказано, что человечество должно презирать здоровье. Наоборот, во всех учениях, в той или иной форме, здравоохранение утверждается очень внушительно. Сказавший — в здоровом теле здоровая мысль — был прав. Но вопрос в том, что есть здоровое тело и что есть здоровая мысль?

Опять же во многих учениях говорится о возможности формации новых болезней, очень губительных для целых множеств. Инфлюэнца, рак, менингит, сонная болезнь, астма, всякие формы гортанных, сердечных, легочных и нервных заболеваний, нервные спазмы, часто принимаемые за аппендицит, действительно принимают размеры, иногда более опасные, чем старые эпидемии, против которых уже найдены и прививки, и профилактика.

Все эти новые болезни обращают наше внимание не к дядюшкиному желудку, а куда-то повыше — в сердце, в гортань, в мозг. Обращая внимание на эти вышние центры, нам представляется иначе и здоровое тело, и здоровая мысль.

Спорт и движение на воздухе, которые в известной мере, конечно, полезны, не могут вполне заменить питание нервной системы человечества. Правда, человечество устало, но устало

оно не от количества работы, ибо разумно распределенная работа утомить не может. Действительный отдых заключается не в бездельи, а в мудром распределении и в смене вида работы.

Оздоровление тела, особенно теперь, когда в обиходе введено такое большое количество вновь открываемых энергий и лучей, требует иного, более заботливого отношения, нежели грубое урегулирование желудка или примитивный и часто однобокий спорт.

Существо человеческое тянется к культуре. Оно страдает от несносного извращения жизни. Если мы не можем уйти от этой искривленной жизни, то, во всяком случае, мы можем вносить в нее признаки внутреннего ее оздоровления. Повелительно вдруг вспомним мы древнюю истину, что звук и цвет (в сущности, одно и то же) имеют на нас огромное влияние. Помню, как в Лондоне д-р Юнг исследовал влияние цвета картин на различные заболевания, а также применение цветных лучей и, конечно, получал очень поучительные наблюдения. Интересно вспомнить брошюру слепой ученицы Института Объединенных Искусств в Нью-Йорке Леониды Хирш, несмотря на полную слепоту, узнававшей тональность картин.

Кроме того, вспомним все изумительные опыты сэра Джагадис Боше и все разнообразные наблюдения воздействия цвета и звука на животных и на растения. Также вспомним, что уже учреждаются целые институты лечения цветом в Америке, Германии, Индии.

Даже простой огородник уже понимает ценность цветных лучей для своего огорода. Неужели же человеческий, чуткий более всего организм не будет самым усиленным образом подвергаться тому, что чувствует даже капуста?

Но, говоря даже о деталях, останемся в размерах культуры. Откуда же придет изысканный звук и утонченный цвет, как не из общекультурного понимания? Потому, если нам скажут, что мы заботимся, говоря о культуре, только о небесном, ответим: «Нет, мы заботимся и о теле, чтобы оно было действительно здоровым, отвечая требованиям истинной культуры. Население планеты со всеми монстрами, чудовищами, великанами, карликами давно закончилось. Человечество понимает, что не только расширение сознания, но именно утончение его сейчас безотлагательно нужно». Без утончения сознания мы никогда не разрешим тех сложных проблем жизни, которые нахлынули на человечество и вызывают разные разрушительные эксцессы. Мысля созидательно, мы неминуемо придем к введению культурных основ в жизнь. Эти основы не будут оставаться в пределах лишь

единично высоких явлений, но должны войти в массы, освещая собою именно ежедневность и одухотворяя смысл каждой работы.

Агни Йога дает настоятельные советы врачу обратить внимание на своеобразные новые заболевания, которые, если не будут предусмотрены, могут залить человечество неслыханными бедствиями.

Парижская радиостанция жалуется, что переполнение атмосферы является прямым препятствием для передачи. В Бельгии туман, полный ядовитых испарений, принес многие смертные случаи. Продолжите этот единичный факт в бесконечность, и вы получите новое бедствие, которое может угрожать населению целых городов. Сердце не выдерживало ядовитых туманов, сердце человеческое ослабевает, и одним поддержанием желудка вы не дадите жизнь сердцу.

Не только нужны жизнеохранители и жизнедатели, но нужно и осознание могущественной психической энергии, так тесно связанной с качеством нашей мысли. Чтобы применить эту благодетельную, если правильно понятую, высокую энергию, нужно осознать и высокие пути овладения ею. Вот мы опять без всяких предвзятостей приходим к той же необходимости проведения принципов высокой культуры во все проявления жизни.

Сэр Джипс через радио в Лондоне оповещает мир, что мы живем «в постоянном взрыве Вселенной»¹. Доктор Мартин Джиль, директор Аргентинской метеорологической обсерватории, по поводу недавнего ядовитого тумана замечает, что такие явления имеют глубокие космические причины. Он напоминает о подобных же проявлениях в Европе, Северной Африке и Боливии, ставя их в связь со звездною пылью и указывая, что, кроме фактического отравления, они способствуют вспышкам различных эпидемий. Синьор Джиль объясняет, что прохождение массы звездной пыли через земную атмосферу безошибочно образует поле интенсивной электромагнитной деятельности, которая вызывает органические и дыхательные нарушения у лиц нервно-чувствительной системы.

Дмитрий Мережковский говорит: «Научные изобретения, чудеса механики могут быть чудесами дьявола. <...> Ученый троглодит с чудесами дьявола — самый дикий из дикарей.

---

¹ Вероятно, Джинс Джеймс Холвуд (1877–1946), английский физик и астроном, популяризатор науки. В 1930 году им была написана книга «Загадочная Вселенная», посвященная открытию расширения Вселенной.

Я очень бы хотел ошибиться, но мне все больше кажется, что <...> всемирный корабль тонет».

Он же приводит слова из «Авесты»: «В последние дни земля будет подобна овце, падающей от страха перед волком».

Всегда чуткий Рабиндранат Тагор в своей последней статье в Америке восклицает: «Знаю, что вопию в пустыне, когда повышаю голос предостережения. В то время когда Запад занят организацией машинно-деланного мира, он продолжает питать своими несправедливостями подземные силы землетрясений».

В своей последней речи Альберт Эйнштейн призывает к усиленному изучению сокровенных сил природы. Туда же направлены пытливые взгляды Милликена и Михельсона. Так, на разных континентах, по различным причинам, лучшие умы обращаются к факторам взаимодействия космических сил с судьбами земных народов. В новом свете вырастает вопрос истинного здоровья далеко за пределами однобокого спорта и непонятого «отдыха».

Лучшие умы многообразно направляют человеческое мышление к расширению сознания, в котором только и заключена истинная профилактика и предвидение возможности светлого строительства. Кончается время мертвой схоластики. Вымирают темные предрассудки. Светлые умы зовут к творческому синтезу, в котором старый завет «*In corpore sano mens sana*»¹ приобретает особое значение, и можно действительно понять, что чистый творческий дух является обитателем чистого здорового организма. И в конечном синтезе при неразделимости духа от материи круг замыкается и в обратном положении: чистый творческий дух оздоровит и тело. Так вопрос о здоровье из врачебного департамента вырастает в сферу истинного народного просвещения и вдохновения.

1931
Гималаи

*Перух Н.К. Держава Света.
Southbury: Alamac, 1931*

---

¹ «*In corpore sano mens sana*» (лат.) — «В здоровом теле здоровый дух».

КАМЕННЫЙ ДОЖДЬ

Некое радио сообщает, что в Ашхабаде вызван искусственный дождь, в котором по исследованию оказалось 5% воды и 95% химических соединений. Оставляю достоверность на совести этого радио, но само по себе это сообщение, посланное по миру, еще раз подчеркивает направление современных механических попыток. В конце концов, если в искусственном дожде оказалось 95% каких-то «химических соединений», то отчего не пойти по той же линии перегрузения высших энергий и не получить каменный дождь?

Погрузившись в условности механические, не так трудно забыть элементарные руководящие соображения. Все последние открытия сводятся к напряжению, а может быть, и к перегрузению неведомых могучих энергий. Мы вызываем к усиленному напряжению неизученные силы и при этом поразительно мало озабочиваемся изучением этих космических воздействий. Чрезвычайно легкомысленно произносимы такие неопределенные наименования, как «электричество», или «радиоволны», или «икс-лучи». Мы также легкомысленно готовы признать все эти случайные аспекты могущественных энергий, не задумываясь о том, на какие именно расстояния и с какими именно последствиями происходят эти, казалось бы, простые вызывания.

Вы можете легко замечать, что преподаватель начинает сердиться, если вы будете настаивать с вопросом на том, что такое электричество. Множество условных наименований вводит учащегося в легкомысленное к ним отношение и совершенно затемняет размышление об истинных причинах и следствиях. Любой зубной врач, предлагающий сделать испытание икс-лучами, также начнет сердиться, если вы его спросите, полезны или вредны эти лучи? Многим приходится слышать по этому поводу ответы, что эти лучи нейтральны и никакого следствия не оказывают.

Но если вы напомним о том, что лучи эти, проникающие через ткани, очень мощны и потому не могут не иметь последствий, то врач, не имея окончательного довода, просто назовет вас трудным больным. Не следует, конечно, упрекать только врачей и преподавателей. Все человеческое мышление сейчас очень виновато в том, что уклонилось в сторону условной механизации, не производя длительных предварительных испытаний.

Когда-то соборы и храмы строились веками, и это духовное горение не потухало и не искривлялось. Теперь же очень часто можно встретиться с ужасом при одном напоминании о длительных, многолетних опытах. Произошло открытие, что посредством лучей можно исследовать наслоения живописи, различая подделки и реставрации. В упоении такой возможности люди бросились испытывать многие, даже очень ценные произведения искусств. При этом совершенно упускалось из виду простейшее соображение о том, не повлияет ли в будущем на краски произведений. Не исключено, что такое воздействие на краски может оказаться даже благотворным. Но слишком много вероятий и в том, что мощный луч может повлиять на изменение или даже распадение веществ. Но настоящее время лишь стремится «на скорость». Люди далеки от многолетних, даже вековых задач. Так же точно, как композитор предпочитает ограничиваться краткой песней или танцем вместо длительного творчества симфонического, а писатели, даже очень даровитые, уклоняются от бремени целой эпопеи.

Перегружение механическое вызывает соображение о том — достойны ли люди этих открытий, если духовное состояние человечества так явно отстало от «физ-механических устремлений»? Достойны ли люди летать, если полеты будут связываться или с мыслями об убийстве и отравлении, или ограничатся гонкой на скорость? Ограничительность доходит до того, что назначаются премии за красоту одного члена тела, или руки, или ноги. При этом мысль о целом и о том, что движет этой рукой или ногою, считается совершенно излишней.

При всяких состязаниях на механическую скорость, при всяких премиях и бессмысленных изобретениях однодневных королей и королев совершенно отодвигается на второй план примитивное соображение об искусстве мышления, которое дало столько непревзойденных, замечательных школ древности.

Именно искусство мышления позволило бы вспомнить и о том, что перегружение пространства и хищническое овладение основными энергиями должно привести к необходимости заботливого отношения к этим космическим проблемам. Электрификация очень модное и технически облегченное занятие. Иногда интенсивность электрификации доходит до того, что люди опасаются подать друг другу руку, ибо получают даже болезненные искры. Какой-то шутник гордился тем, что он соберет в себе такое количество электричества, что собственноручно паразит своего врага. При этом спросим друг друга — не происходят ли от таких перенасыщений и новые виды заболеваний?

Мы начали с полусуточного радио о химических веществах искусственного дождя. Может быть, кто-то подумает, не был ли золотой дождь Данаи таким же продуктом, а кто-то, почесав затылок, вздохнет: «Как бы таким путем не дожить и до каменного дождя». Во многом человечество как бы возвращается к библейским временам. Вот собираются строить небоскребы всех наций — трагическое напоминание о Вавилонской башне. Вот механически вызывают из пространств «химические вещества», пределы которых даже не входят в рассуждение. Как-то мы упоминали об увлечениях роботами, которые при возрастании безработицы должны заменить человечество на многих механических проявлениях. Опять механическое увлечение без мысли о причинах и следствиях. Опять уклонение от долговременных пережитых испытаний. Опять вызывание тех неосознанных, беспредельных энергий, которым в человеческом языке еще нет соответствующего наименования.

Человечество должно и дерзать, и преуспевать, но причины и следствия прежде всего. Какой-то безумец тратил время на вычисление, сколько динамита потребовалось бы и какой глубины должна быть мина, чтобы взрывом расколоть планету. Наверное, в это время он не подумал о возможности каменного дождя, который в значительной мере помог бы тем же «филантропическим намерениям».

Ведь мы еще так мало знаем! Самые обыденные явления ставят специалиста в тупик. Еще недавно на разных континентах — во Франции, в Мексике, в Индии — океаны выбросили каких-то до сих пор невиданных морских чуд. Наличие их несомненно, ибо даже известны фотографические снимки с них. Что же такое, какие же сдвиги в глубинах выбросили этих животных? Многое происходит вне механических формул; призами за быстроту или условную атлетикою и менее всего гольфным шаром можно помочь в этих областях.

«Упаси от дождя каменного!»

10 Июля 1934 г.
Харбин

*Рерих Н.К. Священный дозор.
Харбин, 1934*

ЛЕГКИЕ ТРУДНОСТИ

Особенно трудно бывает людям переменять условия быта. Невольно вспоминается древняя поговорка, что «старую мебель не следует передвигать». Но пословица мудро определяет, что не следует передвигать нечто старое. Значит, всякие трудности относительно лишь нашему сознанию. Действительно, очень часто люди говорят о трудностях, создав их в своем воображении и утвердив их предубежденным сознанием.

Городской житель, обуянный условностями городского комфорта, считает, что жизнь в шатрах или в юртах будет самым ужасным существованием. Если он с таким предрассудком попадет в условия степной жизни, то, конечно, он сам же и надстроит всякие ужасы. Если же он придет во всякие условия с представлением о том, что люди живут везде и условия жизни создают они сами, то и все миражи ужасов рассеются. Недаром дети, пока они еще не заразились условными суевериями, так стремятся к передвижению, к познанию и легко приспосабливаются ко всевозможным условиям.

Кто знает, что, может быть, все переселения народов, созданные последствиями великой войны, не что иное, как урок — испытание для обновления и расширения сознания. Вспоминаю, как одна просветленная высоко духовная женщина когда-то ужасалась, что неужели ей придется пробыть всю жизнь в благополучных городских условиях. Действительно, если представить себе, что все обитатели земли дошли до маленького благополучия, то ведь в этой маленькой ограниченности будет заключаться великая опасность омертвления. И вот великий перст указал народам опять постранствовать, опять встряхнуться для восприятия обновленно углубленных строителей.

За все эти годы всякому, видевшему многих людей, приходилось убеждаться в существовании двух определенных типов. Одни выплывали даже среди неимоверных опасностей. И не только выплывали, но и приносили посильную пользу окружающим. Несмотря на семейные и всякие имущественные положения, они оставались и бодрыми, и светлыми, и дружелюбными. Другой же тип даже и при посторонней помощи все же шел книзу. Не мог примириться с изменением условий и наименований. Не только считал себя несчастным, но и вносил то же серое, скучное несчастье среди окружающих.

Всякое передвижение для этих людей было уже каким-то наказанием свыше. Они не только не познавали новые местные условия, но погрязали лишь в неосновательных осуждениях всего для них непонятного. Одним из главных утешений для них оставалось взаимоосуждение и взаимоумаление, точно бы, умаляя кого-то, они надеялись тем возвыситься сами. Вместо того, чтобы научиться приспособиться, понять, сострадать и продвигаться, они предпочитали медленно погружаться на дно, как в старой украинской пословице: «Не трать, куме, силы напрасно, опускайся прямо на дно».

Такие явления, как мы видели за эти годы, не относились к какой-либо одной народности. Они были чисто международным явлением, из которого живые духом могли научиться в жизни преимуществам действенного оптимизма и ужасам невежественного пессимизма. Конечно, эти два основных типа человечества, один ведущий, преуспевающий, одухотворенный, а другой — омертвленный, невежественный, погрязающий, были всегда. Но годы особого мирового смущения лишь выявили их с особою четкостью.

Опытные воспитатели всегда понимали, что детей нельзя отрывать от природы, ибо лишь в ней они сохранят подвижность, находчивость и решимость. Мудрый врач всегда советовал горожанам держаться ближе к земле, и последствия таких мудрых жизненных советов мы видели часто. Всякие соколы, скауты, разведчики, костряки и другие здоровые сообщества, выводящие горожан в природу, явились одним из самых здоровых явлений последних лет. Все, что призывало к дружественному костру, у которого все должно было быть сделано самим, все это укрепляло дух. И не только все должно было быть сделано самим, но и все должно было быть обдуманно в какой-то новой, а может быть, и лучшей мере.

Изобретательность должна быть упражняема. Кто знает, могли бы образоваться такой великан изобретательности, как Эдисон, если бы он оказался в маленьком городском благополучии. Каждый из нас видел много примеров, когда даже более или менее способные люди были заедаемы обстановкою пошлого благополучия. Помню, как один выдающийся педагог, выпуская в жизнь своих питомцев, говорил некоторым из них: «Жалею, что родители Ваши богаты, как бы Вы не попали в золотую клетку». А другим он говорил: «Не отягощает металл крылья Ваши. Летите высоко и далеко».

Как бы в оправдание этих советов вдруг затряслись условные ценности. Даже такое прибежище, как земельные бумаги, и

те оказались как бы в землетрясении. Некий житель во время землетрясения, выбегая из дома, жаловался: «Вот тебе и недвижимость!»

Много таких максимум предлагает сама жизнь. Одни, предназначенные для ужаса, ими ужасаются, а другие разумно принимают вещи так, как они есть. Одни увлекаются неразумно миражами, а другие отлично разбираются, где мираж, а где действительность. Но ведь для того, чтобы разобраться в миражах и иллюзиях, нужно прежде всего видеть эти миражи. Вспоминается индусская притча о семи слепых, описывавших слона каждый от своего понимания. Так же точно никакими словами вы не расскажете впечатление миража тому, кто его не видел. Но в городе миражи незримы. Чтобы увидеть их, нужно побывать в пустыне и там, на месте, научиться отличать действительность от иллюзий.

Убежденные горожане очень трудно разбираются в истинных впечатлениях. Помню, как один из членов экспедиции, впервые оказавшийся в пустынных условиях, решил отправиться из стана к прекрасному миражному озеру. Все мои убеждения о том, что это озеро не существует, не повели ни к чему. Заблудший путник вызвал двух провожатых и, ко всеобщему изумлению, сказал, что через час он уже будет у этого озера и что он верит своим глазам больше, нежели нашим убеждениям. Через несколько часов бедняга, усталый, вернулся обратно и сердито отказывался далее обсуждать предмет о несуществующем озере.

А ведь нужно было видеть, с каким сомнением он критиковал наш распорядок, когда мы остановились у жалкого колодца вместо того, чтобы пройти еще час до прекрасного, окруженного деревьями озера.

Вопрос о миражах всегда очень поучителен. Отучить от миражной сомнительности может лишь истинный опыт, а опыт жизни лучше всего дается в природе.

Но нельзя выйти в природу, лишь теоретически решив о полезности такого опыта. Толку от такого рассудочного решения будет мало. Надо природу понимать. Надо войти в нее как бы сотрудником ее, не осудительно, но восхищенно.

Все помнят прекрасную легенду о Фалунском руднике, так картинно пересказанную Гофманом. Властительница рудника сурово обходится с рудокопом, который не от любви к самому делу, а из других личных побуждений приходит отнять скрытое сокровище.

Голоса природы звучат для тех, кто вступает в нее с открытым сердцем, доброжелательно. Антей прикасался к земле

для наполнения силою, для обновления мощи духа. Конечно, не в опьянении он падал на землю, но сознательно он прикоснулся к земле, и тогда она сообщала ему здоровое обновление. Антей назывался могучим великаном. Не от целебных ли прикосновений к земле он получил навсегда это мощное наименование?! И разве могли ему казаться тяжкими трудностями те смущения, которые бушуют в закрытых подвалах, под сводами и в тесных стенах?

Вероятно, Антею такие условные трудности казались бы даже просто непонятными. И таким образом от природы «легкие» трудности делаются не парадоксом, но настоящим определением. «Нагружайте полней, когда иду в сад прекрасный»¹. Разве это не есть точное указание о том, где и как преобразуются трудности.

Когда волхвы устремляли взоры свои в бездонное небо, тогда они видели руководящие звезды. Если бы они не смотрели в глубь небосклона, то они бы и не увидели звезду. Благословен тот, кто в свое время вооружил их знанием наблюдений над законами природы и тем пробудил их зоркость, тем насторожил их и сделал вестниками чудными.

О каких же трудностях можно сокрушаться, когда бодрствует звезда руководящая. Тот, кто сказал: «Благословенны препятствия, вами мы растем»², тот знал и руководящую звезду.

2 Апреля 1935 г.
Цаган Кюре

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

---

¹ Мир Огненный, ч. I, 522.

² Аум, 284.

ИСПЫТАНИЯ

Спрашиваете, как примириться с сознанием о постоянности, о бесконечности испытаний? Где найти ту бодрость духа, которая позволила бы принять во всей полноте и повседневности такое сознание?

Между тем сама очевидность и действительность, даже во всех будничных проявлениях, говорит о неизбежности испытаний. Даже любой неодушевленный предмет находится всегда на испытании. При доме всегда стоит наблюдающий архитектор или инженер. Каждый корабль перед новым рейсом должен быть просмотрен обстоятельно. Каждая машина, пускаемая в действие, конечно, обследуется, чтобы избежать опасности от небрежности.

Такие повседневные примеры вполне подтверждают, что и духовное состояние человека не может не быть на постоянном испытании. Физическое состояние испытывается врачом. Семьи имеют своих домашних врачей. Такие врачи разъясняют, что состояние организма должно быть испытуемо не только во время уже проявленной тяжелой болезни, но и во время предполагаемого здоровья. Врачу важно установить предварительные признаки болезни. Врачу важно пресечь возможность болезни или инфекции. Всякие профилактические меры принимаются для избавления от возможности заражений.

«Как на небе, так и на земле». Как в теле, так и в духе. Полнейшая аналогия зараз, воздействий. Так же точно, как истощенное тело особенно легко подвергается заразе, совершенно так же пошатнувшийся дух немедленно подвергается опаснейшему нападению. Тело еще может случайно избежать заражения. Но воздействие на дух, в незримых и неисповедимых мерах, гораздо сложнее.

Каждая грубая, кровавая пища уже облегчает возможность невидимых приближений. Каждое грубое, неистовое слово уже является вратами для темного доступа. Каждое ярое предательство уже есть приглашение наитемнейших сущностей. Если провода добра неизмеримы, то и провода темные, хотя бы и в ограниченности своей, все же очень значительны и протяженны. Ведь не голосом призываем на дальних расстояниях. Волны радио в условном иероглифе создают мосты и притяжения. Так же точно в духовной области незримое радио зовет, и притягивает, и несет свои приказы.

Некто, погруженный во зло, судорожно передернется от благостных остережений, но если он предоставит в себе концессии злу, то, кривляясь и содрогаясь, он все-таки предоставит поле действия темным концессионерам. Мысленные волевые действия совершаются ежеминутно. Не бывает таких часов, в которые человек бездействует. Ошибочно некоторые полагают, что если они молчат или сидят недвижно или даже внешне бормочут неосознанные формулы — то, значит, ничего не совершают. В их духовном мире постоянно происходят всевозможные значительные действия. Игла чувствительного аппарата показала бы постоянное трепетание духа. Всегда можно бы увидеть, как он, по существу своему, порывается кверху, но тяжкие темные гири и всякие когти одергивают и тянут его книзу, во тьму.

Среди самых повседневных действий, среди самых мелких рутинных забот происходит та же несменная работа духа. Если действия духа постоянны, если дух вибрирует и трепещет даже на мельчайшие, по человеческому соображению, обстоятельства, то естественно и испытываемость духа будет постоянной. Когда сказано: «Все миры на испытании»¹, то, конечно, и все части миров, до самых мельчайших, будут в той же степени испытываемости.

Никакого несчастья, никакой тяготы нет и не может быть в сознании постоянной испытываемости. Вот говорят, что 26-го минувшего мая наша планета подвергалась большой опасности, которая для огромной части планетного населения осталась и неосознанной, и вполне неизвестной. В секундной разнице Земля избежала удара мощного метеора. Вообще, может ли быть такое мгновение, когда существо не подвергается какой-либо опасности? Тем не менее люди действуют, работают, горюют и веселятся. В июльском номере «Двадцатого Века» наш друг Джагадисварананда дает прекрасный, хотя и справедливо суровый, очерк современной жизни. Автор указывает, что жизнь современная в огромном большинстве случаев сводится к исканию удовольствий, свойство которых постепенно понижается. Как мы неоднократно отмечали, люди перестают сознательно мыслить и стремятся к тем или иным наркотикам, лишь бы оторваться от мышления об основах жизни.

Там, где жажда наслаждений и золота, там естественны и особые испытания. Если даже такие, казалось бы, грубые принципы, как наслаждение и золото, так легко овладевают челове-

---

¹ Листы Сада Мории. Зов. 2 марта 1922 г.

ческим сознанием, там так же напряженно протекут и испытательные меры. Там, где грубость и сквернословие так обуревают человека, там особенно задрожит игла аппарата, показывающего борьбу духа. Многие люди не любят даже допустить мысли о том, что они находятся на испытании. Немедленно они выскажут соображения о каком-то недопустимом тиранстве. Но ведь испытание-то не что иное, как приложение их собственного духа к мере Истины.

Если дух сам отметит одну из низших ступеней, то ведь это не будет посторонним вторжением или насилием. Совершенно точно и добровольно дух отметит ту меру, которой он в данный момент отвечает. Не раз сказано, что каждый сам себе судья. Много раз повторено о том, какими путями человек слагает судьбу свою. Повторено и об Иерархии, и о строительстве, и о соизмеримости.

На всем решительно происходят самоиспытания. Нормальный человек знает меру потребной ему пищи, но болеющий ожорством не знает этой меры и причиняет себе явный вред. Нечувствительно производит здоровый организм свою сложнейшую работу. Но как только равновесие нарушается — люди получают чувствительные предостережения. Совершенно так же и в испытаниях духа. Каждый, кто не заслонил, не отверг возможность духовных выявлений, он почувствует и услышит звончок своего сердца. Человек-то будет предупрежден — лишь бы он услышал и допустил в сознание такое предупреждение. Сердце-то застонет, но не всякий поймет этот спешный зов.

В тяжелой степени невежества человек даже ожесточится от этого сердечного зова. Насильственно он попытается заставить сердце свое замолчать. От такого насилия многие сердечные болезни. Не забудем, что всякими духовными насилиями люди вредят и своим близким, излучения которых уже сродственны. Если человек не имеет права вредить своей сущности, если осуждено всякое самоубийство, то также осуждено и убийство других, наносимое злоумышленным сознанием.

Если существует так называемый смертный глаз, уже настолько обостренная воля, то сколько же несознательных и тем не менее вредительствующих взглядов-стрел рассеяно в пространстве. Зная о них, конечно, не впадем в уныние; наоборот, и это сознание лишь укрепит щит и создаст новый источник мужества и бодрости. Не убоимся, но даже возлюбим испытания. Ведь ими мы крепнем. Ведь благословенны препятствия, а тем более благословенны испытания — эта закалка клинка крепчайшего.

Полюбить — уже значит ввести в сознание. Полюбить — уже означает претворить в себе понятие и приложить в жизнь. Если кто-то заметит, что некто поникает от ужаса перед испытаниями, то пусть немедленно ободрит ужаснувшегося своею радостью, укрепленною осознанием нового испытанного щита. Сказано: «Приму в щит все стрелы, но пошлю только одну»¹. Все испытается, все миры на испытании. Это не есть ужас, но всегда будет источником расширения сознания, ключом бодрости и преуспеяния.

27 Августа 1935 г.
Тимур Хада

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

---

¹ Листы Сада Мории. Зов. 2 декабря 1922 г.

ПРЕДСКАЗАНИЯ

«Марс и Венера через сто лет будут обитаемы». Такое научное предсказание недавно сообщалось газетами. Выпишем дословно, как мы его читали:

«Двухчасовой рабочий день, уничтожение старости, и вместо нее вся жизнь как бы в промежутке от 22 до 35, и доставка воды на Марс, а также снабжение кислородом Венеры сделает их обитаемыми. Таковы предсказания на следующие сто лет, сделанные американским химическим обществом при торжестве химического юбилея в Америке.

Десять тысяч ученых присутствовали на этом торжестве.

Предсказания эти были высказаны доктором Томасом Мидглеем, химиком и вице-президентом Этил Петроль Корпорешен.

Д-р Мидглей говорит, что через сто лет будет уничтожена причина простуды, инфлюэнцы, туберкулеза, вероятно, рака и многих других болезней, которые сейчас считаются опасными.

В синтетическом доме будущего столетия вы будете за ненужностью выбрасывать постельное белье, нагревать комнату немедленно, лишь нажимая кнопку, бросите ваши пижамы в мусорную корзину, ибо продукты целлюлозы будут настолько дешевы, что не будет иметь смысла их стирать.

Несварение желудка делается неизвестным с открытием определенных гормонов, и принятие одной пилюли избавит от всех неприятностей.

Сон будет не тревожим, и дурные сны исчезнут. Будут такие сонные таблетки, которые будут производить лишь приятные сны, или другого сорта таблетки вообще избавят от снов.

Инженерное дело ждет от химии такое топливо, которое освободит все прочие подобные надобности. Изобретение такого топлива сделает возможным междупланетные сообщения.

Газолин, взрывчатые вещества и другие материалы получают такое преобразование, что новый запас энергии должен быть найден, может быть, в деятельности радия.

Я не хочу дать впечатления, что междупланетные сообщения немедленно станут общедоступными. Многие приготовления к этому нужны. Марс нуждается в воде, Венера — в новой атмосфере, все это требует работы будущих химиков и инженеров.

Мир будет здоровее. Лучшее здоровье, которое будет найдено, позволит развить такие условия жизни и умственных заня-

тий, что ученые проблемы, нерешимые сейчас, будут находить разрешение в один день.

Возраст будет под полным контролем, будет найдена возможность для каждого заказать бесконечно долгую жизнь, избавляясь от случайностей и удерживая ее на приблизительно одном уровне. Жизнь может быть продолжена примерно как бы в возрасте от 22 до 35 лет.

Земледелие делается точной наукой посредством мощных удобрителей и синтетических гормонов для производства урожая. Это будет значить также гораздо большее и гораздо скорейшее мясное распространение. Цыплята будут расти объемом не менее свиньи, свиньи — в рост коровы и корова — в величину мастодонта, но питания, чтобы воспроизвести такой рост, потребуется не больше, чем в настоящее время».

Еще раз оговоримся, что эти предсказания взяты из научного доклада, опубликованного в газетах. Многие заманчивые предсказания наводят на особое размышление. Так, например, ученый, знающий о том, что в овощах заключается больше витаминов, нежели в мясе, заключает свой доклад чем-то, вероятно, для него самого более привлекательным, а именно уродливым ращением цыплят в величину свиньи. Так же забавно и то, что ученый заботится о Марсе и Венере, чтобы привести их в земные условия обитаемости. Почему-то ученый ограничивает свое мышление, желая подчинять другие планеты условиям Земли, может быть, их наименьшей сестры.

Вероятно, ученому не раз должно приходиться на ум, что в то самое время, когда он мечтал бы подчинить прочие планеты условиям Земли, в то самое время на других планетах существа, там обитающие, думают о том, как бы дать Земле их наилучшие условия. Не будет ли самомнением полагать, что когда-то на других планетах обитатели их должны ходить в пиджаках и кепках земных. Неужели же величие небосклона может вызывать мысли, полные земного самомнения?

Конечно, было бы прекрасно, если предсказания ученого-химика относительно искоренения земных болезней исполнятся через сто лет. Конечно, чего лучше. Но, к сожалению, одна химия, вместе с инженерным делом, не преуспеют в этом отношении. Истинная профилактика будет заключаться не в глотании химических таблеток, но в оздоровлении прежде всего условий быта. Можно глотать всякие таблетки и в то же время прозябать в необыкновенной грязи и неряшливости. Можно думать об инженерных открытиях и грязнить их небрежностью, лживостью и человеконенавистничеством.

Конечно, все земные жители будут приветствовать предсказания ученого-химика, если в них будет отведено должное место духовному развитию, будет оценена великая психическая энергия, которая, в конце концов, мощнее всяких химических таблеток. Спрашивается, к чему людям долгий век, к чему внешнее пребывание в возрасте до 35 лет, если люди будут с малых лет уже духовными стариками. Зачем людям насильствовать свой великий дар здорового сна, навязывая себе, подобно опиумоодам, насильственные грезы. Ведь всякие морфинисты, героинисты и тому подобные наркоманы и пьяницы тоже вместо здоровой мыслительной жизни хотят привести себя насильственно в миражное состояние. Сейчас все правительства мира начинают бороться со злом наркомании. Значит, не насильственными таблетками, но именно здоровым бытом можно достичь и здорового, ободряющего сна. Ведь не для насильственных сновидений спят люди, а для чего-то гораздо более существенного.

Насильственное продолжение жизни так же уродливо, как и равные свиньям цыплята. В этом насильственном прикреплении себя к земным оболочкам сказывается нежелание подумать шире, именно в пределах тех бесчисленных планет и небесных тел, на которые желал бы отправиться ученый-химик, вероятно, одевшийся для такого торжественного путешествия уже не в пиджак, но во фрак.

Думается, что уже прошло то время, когда можно было кому-то мечтать лишь о грубо материальных решениях. Правда, были такие дни, когда отрубленная голова собаки под насильственными токами начинала лаять, а устроившие это насильники оповещали о том, что смерть побеждена. Такого сорта победители смерти прежде всего доказывают, что сами-то они так называемой смерти очень боятся и ограничивают свое мышление земными оболочками.

Если люди чаще заглянут в необозримый небосклон и подумают о соотношении Земли и беспредельности, то не только о химических таблетках они помыслят. Мощь мысли, мощь психической энергии укажет им совершенно другие пути, в которых им не нужны будут насильственные сновидения.

21 Июня 1935 г.
Цаган Куре

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ

Исчерпаемо ли? Истощаемо ли?

В плане физическом, как и все — истощимо, но в плане духовном — во всем лежит именно неистощимость. И по этой мере прежде всего разделяются эти два плана. Если вам говорят, что нечто истощилось, мы знаем, что это касается чисто внешне физических обстоятельств.

Творец воображает, что его творчество иссякло, и это будет, конечно, неверно. Просто имеются или возникли какие-то причины, препятствующие творчеству. Может быть, что-то произошло, нарушающее свободное выделение творчества. Но само по себе творчество, раз оно вызвано к деятельности, оно неиссякаемо, точно так же, как непрерывна и ненарушаема психическая энергия как таковая.

При современной смятенной жизни это простое обстоятельство иногда приходится напоминать. Люди уверяют, что они устали, сами себе внушают, что творчество их иссякло. Повторяя на всякие лады о трудностях, они действительно опутывают себя целою паутиною. В пространстве действительно много перекрещенных губительных токов. Они могут влиять на физическую сторону выявления. Людям же, которые так привыкли строить все в пределах физических, начинает казаться, что эти внешние вторжения убивают и сущность психической энергии. Впрочем, даже и это выражение часто покажется чем-то неопределенным, ибо люди до сих пор редко задумываются по поводу такой основной благословенной энергии, неисчерпаемой, неистощимой, если она осознана.

Вообще вопрос об осязательности очень неясен в человеческом обществе. Каждому приходится слышать, как иногда человек дает совершенно определеннейшие данные, но слушатели невоспитанным вниманием своим скользят поверх них, а затем уверяют, что было дано лишь неприложимо-отвлеченное. Мне самому часто приходилось быть свидетелем, как люди давали показания совершенно определенные и обоснованные, а им на это отвечали — «нельзя ли что-нибудь поближе к делу, определеннее». Такой вопрос лишь показывал, что слушатель вовсе не собирался принять во внимание ему сказанное, но хотел услышать только то, что почему-либо ему хотелось услышать. И под этим самовнушением он иногда не мог даже и оценить всех тех

определенных фактов, которые ему сообщались. Ведь так часто люди хотят слышать не то, что есть, а то, что им хочется услышать. «Самый глухой тот, который не хочет слышать».

Нежелание слышать и видеть порождает не только сугубую несправедливость, но нередко является как бы духовным самоубийством. Человек до такой степени уверит себя в том, что он чего-то не может, до такой степени забудет свою основную энергию, что действительно попадает во власть всяких внешних физических и психических вторжений.

Каждый слышал, как некоторые так называемые нервнобольные не могут перейти улицу, или не могут подойти к окну, или, наконец, впадают в ужас подозрительности. Если проследить, как именно начались эти убийственные симптомы, то всегда можно найти маленькое, даже трудно уловимое, начало подавленности психической энергии. Иногда оно будет настолько косвенно затронуто и начнется от чего-то совершенно случайного.

Именно такие случайности могли бы быть вполне отражены, если была бы развиваема внимательность к происходящему вокруг. Ведь эта внимательность помогла бы заметить также, что основная энергия неистощима. Одно это простое, ясное осознание уберегло бы многих от бездны отчаяния и разочарования. Так, страдающий бессонницей иногда найдет причину ее в самом внешнем реальном обстоятельстве. Также человек поймет, почему издревле сказано, что «если трудно себя заставить думать, то еще труднее заставить себя не думать».

Когда человек угашает свой энтузиазм, он это делает тоже в силу каких-либо чисто внешних обстоятельств. Если бы по внимательности он понял, насколько случайны и преходящи эти обстоятельства, то он отмахнулся бы от них, как от назойливой мухи. Но ни в семье, ни в школе детей к внимательности не приучают, а затем впоследствии удивляются, почему человек «из-за кустов леса не видит». Да и часто ли вообще в семьях говорят о сердечном огне, о вдохновении, об энтузиазме? Ведь слишком часто семейное сборище сводится лишь к осудительным и мертвящим обменам колючими словами. Но опять-таки издревле отовсюду доносятся зовы и приказы о хранении в чистоте колодцев вдохновения и творчества как мыслью, так и делом.

«Радж-Агни — так называли тот Огонь, который вы зовете энтузиазмом. Действительно, это прекрасный и мощный Огонь, который очищает все окружающее пространство. Мысль созидаящая питается этим Огнем. Мысль великодушия растет в

серебряном свете Огня Радж-Агни. Помощь ближнему истекает из этого же источника. Нет предела, нет ограничения крыльям, сияющим Радж-Агни. Не думайте, что Огонь этот загорится в мерзком сердце. Нужно воспитывать в себе умение вызывать источник такого восторга. Сперва нужно уготовить в себе уверенность, что приносите сердце ваше на Великое Служение. Потом следует помыслить, что слава дел не ваша, но Иерархии Света. Затем можно восхититься беспредельностью Иерархии и укрепиться подвигом, нужным всем мирам. Так, не для себя, но в Великом Служении зажигается Радж-Агни. Поймите, что Мир Огненный не может стоять без этого Огня»¹.

3 Февраля 1935 г.
Пекин

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

---

¹ Мир Огненный, ч. II, 22.

СВЕТ ОПОЗНАННЫЙ

Не угасал свет. Всегда напоминали о себе излучения и сияния и земные, и надземные. Люди ходили к врачам, прося прекратить такие непрошенные прозрения. Потребовались многие усилия, чтобы даже грубые аппараты оправдали дар человеческого зрения.

Когда люди уверяли, что они видят свет, их оговаривали. Называли выдумщиками. Впрочем, каждый близорукий не верит дальнорочному. Излучения человеческого тела отвергались, или относились в область мистики, или приписывались испорченному зрению.

К древнему знанию, к тому же издревле опознанному, проторились новые пути. Поверх всех изуверских запретов вдумчивые наблюдатели усмотрели убедительные показания.

«В германском медицинском журнале “Фортшритте дер Медицин” помещена обстоятельная статья проф[ессора] Пауля Добнера об излучениях человеческого тела. Профессор Добнер нашел реактив, позволяющий установить, хотя и косвенным путем, наличие человеческого излучения. Это обыкновенная алюминиевая пластинка. Алюминий обладает радиоактивными свойствами, и пластинка этого металла, приведенная в соприкосновение с фотографической пленкой, чернит ее, как если бы она светилась. Проф[ессор] Добнер установил, что человеческие излучения обладают способностью усиливать на короткое время радиоактивность алюминия: если алюминиевую пластинку положить сначала на руку, а затем — на фотографический слой, то она зачернит его гораздо интенсивнее, чем пластинка из того же металла, этой предварительной операции не подвергнутая.

По степени затемнения можно судить об интенсивности ауры той части человеческого тела, с которой алюминиевая пленка находилась в соприкосновении. Проф[ессор] Добнер установил, что поток человеческих излучений сильнее всего на кончиках человеческих пальцев и непосредственно перед глазами. Это совпадает с теорией магнитных “флюидов”, истекающих именно из пальцев и глаз магнетизера. Другое важное обстоятельство обнаружено проф[ессором] Добнером: характер излучений человеческого тела зависит от состояния крови. При болезнях крови интенсивность излучения тела падает, а у раковых больных аура совершенно исчезает.

У здорового человека аура распространяется на расстояние до 40 метров вокруг тела».

Уже не открытие, но подтверждение. Но ведь свидетельства нужны. Сколько неведомых слушателей поблагодарят за подтверждение того, что они давно утверждали, за что переносили насмешки и глумления. Еще врач говорит:

«Громадное влияние имели на медицину идеи Гиппократы, господствовавшие в ней на протяжении чуть ли не целых двух тысячелетий».

Медицина как научная дисциплина в современном смысле создавалась лишь во второй половине прошлого века в связи с изучением анатомии, появлением наук физиологии и биологии.

Только тогда, когда стали известны причины тех или иных болезней, борьба с ними стала действительно на научную почву, и медицина вышла из тех потемок, в которых она пребывала на протяжении почти всей ее истории, особенно в эпоху средневековья, когда главными методами лечения были молитвы и заклинания тех злых и нечистых духов, которые считались возбудителями различных заболеваний.

Подчеркнув незыблемость основной идеи Гиппократы, высказанной более 2000 лет тому назад, что человеческий организм сам стремится излечивать себя от тех или иных болезней, докладчик указал, что роль медицины сводится к помощи организму в этой борьбе, причем эта помощь должна оказываться не тому или другому заболевшему органу, а всему организму в целом, и в этом отношении громадное значение в медицине имеют психологические факторы — вера пациента в искусство врача, в знания последнего».

Правильно замечает врач о глубоком значении в медицине факторов психологических. Сколько раз приходилось слышать от мудрых врачей замечания при счастливом исходе лечения: «Вы сами помогли мне вас вылечить».

В этом имеется в виду и притяжение, и отталкивание, магнетические токи и лучи, а в конце концов, все, что входит в понятие того же света. С разными намерениями люди подходят все к тому же самому, глубоко основному, которое глубоко пропитало и связывает сущее.

«В Парижской обсерватории производятся в настоящее время опыты соноризации звездного неба. Как известно, всякий световой луч можно превратить при помощи так называемой фотоэлектрической клетки в звук — и обратно. На этом основан говорящий кинематограф. Свет небесного тела, уловленный

в телескоп и направленный на фотоэлектрическую установку, дает определенный звук: звезда в буквальном смысле слова поет.

Из всех перепробованных звезд наиболее мелодичный звук дает Вега. Свету, из которого этот звук рождается, нужно 27 лет, чтобы дойти до Земли».

Конечно, цвет и звук неразделимы. Конечно, звучание светил небесных должно обратить мысль к величайшим осознаниям. Язык звучания и иероглиф света неисчислимы в пространстве. Когда предлагается мыслить о дальних мирах, ведь не только об астрономических проблемах предполагается. Какие великие расширения сознания зазвучат и засияют! Даже, можно сказать, грубыми способами уже опознано, что пораженный болезнью организм не излучает свет. То же можно наблюдать не только при болезни, но при всяких других омрачениях злобы, при гневe, или раздражении, или при унынии. Все это известно с времен древнейших. В прекрасных выражениях много раз это произнесено лучшими мыслителями.

Поэтому, собственно, и открытия того, что давно известно, быть не может, но зато может быть опознание не всеми рассмотренного. И за это опознание нужно быть глубоко благодарными ученым. Они в выражениях современных в пределах общепризнанной очевидности вводят в широкие массы соображения глубокого значения. Если люди подумают еще и еще раз о свете и звуке, если они услышат звучания светлые, они подвинутся по пути расширения сознания. Не простое накопление сведений, но расширение мирозерцания и устремление к наивысшему выведет людей из бездны быта.

Запах кухни заменится высокими пространственными ароматами. Вместо закоптелого огарка чаще засверкают сияния света нездешнего. И тишина зазвучит. Все это — и высокое, и безбрежное, и неисчислимое удержит человечество от постыдных отрицаний и приведет к высокому созданию благоволения.

Как это нужно!

4 Марта 1935 г.
Пекин

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

ЗНАК ЭРЫ

Мы любим ту жизнь, которая нам
являет себя на земле, оттого что мы
о другой ничего не знаем.

Еврипид

Институт психосинтеза в Риме под руководством д-ра Роберта Ассагиоли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-Университете под руководством проф[ессора] Райна в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лэстер-Института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие разбросанные по различным странам Общества психических исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли, стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения еще далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Все же каждый непредубежденный наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время как истинные знаки эпохи расширяются пути освобожденной науки.

В океане печатного материала трудно охватить количественное и качественное определение происходящего. К тому же и не все пути сообщения доступны самоотверженным работникам, в большинстве случаев не обладающим средствами. Иногда средства приходят только в случае очевидной утилитарности опытов. Как в средневековье легче всего находились средства на производство золота из неполноценных металлов, так же и великая руководящая мощь мысли сейчас все еще с трудом укладывается в рамки утилитарно-механического мышления.

Конечно, как всегда, полезны всякие съезды, общения, переписки, но и в этом остается столько недомолвок или недоумений, что уже предсужденные выводы опять замедляются. Но все же ясно одно, что так называемое одухотворение науки поспешно укрепляется повсеместно. Выкрики невежественных критиков и всяких против знания злоумышленников остаются

отчужденными в своей злобной разрушительности. Правда, эти разрушительные громы невежества все еще оглушительны, но в общественном мнении все-таки просыпается настойчивое желание борьбы с невежеством. В энциклопедиях можно находить поучительные примеры, как еще недавние суровые осуждения трудов смелых искателей уже сменяются более осторожными суждениями. Итак, все поборники знания, готовые для борьбы с невежеством во всех его проявлениях, могут составлять поучительные и ободряющие списки всего благодетельного, что уже делается сейчас.

Все же борьба с невежеством неотложна. Никто не должен успокаивать себя тем, что уже достаточно знания. В беспредельности познавание никогда не достаточно. Чем больше будет попыток к познанию, тем сильнее и отвратительнее будут судороги невежества. Ведь и Парацельс, так оцененный сейчас, в свое время был убит завистниками, не перенесшими его достижений. Еще на нашем веку великий Менделеев не был избран в Академию наук. Не уменьшается число примеров, когда истинные находения бывают оценены далеко от места их зарождения. Вспоминаю замечательные слова Рабиндраната Тагора, произнесенные им после получения Нобелевской премии. Великий мыслитель сказал одной депутации, пришедшей к нему с поздравлением: «Почему вы поздравляете теперь, а не раньше?» В копилке жизни можно находить множество таких примеров, которые в просторах Культуры совершенно неуместны и в ближайшей эволюции не должны быть повторяемы. Организованная борьба с невежеством, самоотверженный поход за Культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — все это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии!

«Каждое познавательное движение встретим дружелюбно. Найдем силы отрешиться от личных привычек и суеверий. Не будем думать, что легко обороть атавизм, ибо наслоения физические несут в себе предрассудки многих веков. Но если твердо осознаем тягость таких отложений, то уже один из самых трудных затворов будет открыт. За ним отперется и следующий, когда пойдем, зачем должны приложить в земном мире все действие. Только таким путем дойдем и до третьего входа, где пойдем сокровище вверенной людям основной энергии. Кто научит признать ее, тот будет истинным наставником. Не доходит человек до понимания своей мощи без руководителя. Много всевозможных уловок таится на пути человека. Каждая приютившаяся явленная ехидна надеется скрыть от человека самое драгоцен-

ное. Он, как путник заблудившийся, не знает, в какой стихии искать преуспеяния, но сокровище в нем самом. Мудрость всех веков указывает: «Познай самого себя». В таком совете обращено внимание на самое сокровенное, которому суждено стать явным. Огненная мощь, временно названная психической энергией, даст человеку путь к счастью будущего. Не будем надеяться, что люди легко признают свое достояние, они изобретут все доводы, чтобы опорочить каждое нахождение энергии. Они обойдут молчанием сужденное качество своего продвижения, но, тем не менее, путь един».

Никогда не откажемся, что мы с большим увлечением следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований или в Дьюк-Университете, по передаче мысли, или в случае замечательной девочки в Дели, или в деле фотографирования Мира Невидимого — решительно во всех проявлениях познания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт. Записной лист «Борьба с невежеством» написан, точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Как Общество психических исследований, так и спиритуализм в его высоких проявлениях, так и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно и вызывать тщательнейшее научное исследование.

Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не хотят знать, сколько научных книг выдающихся ученых, например, Алекс[иса] Кареля (работавшего с Линдбергом), издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познание встречает четкий, обоснованный отпор, чтобы безумные воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли как основа человеческого творчества и прогресса — найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции. «Изучай все окружающее». «Познавай без утомления». «Сердце есть бездна». «Крылата мысль».

Множество ободрительных призывов несется из глубины веков. Человеческий кооператив получает поддержку из всех твердынь и древнего, и нового познания.

«Изучение прогрессии коллективной энергии может доказать, что единение — не только нравственное понятие, но и мощный психический двигатель. Когда твердим о единении, мы хотим внушить сознание великой силы, находящейся в распоряжении каждого человека. Невозможно представить неопытному исследователю, насколько возрастает собирательная энергия. К такому проявлению надлежит подготовить сознание. Удача опыта зависит от устремления всех участников. Если хотя бы один не пожелает участвовать всем сердцем, то лучше и не приступать к опыту.

Уже в древности знали мощь объединенной силы. Одиночные наблюдения иногда объединялись в общие исследования, получалась целая цепь, и наблюдатели полагали руку на плечо предыдущего. Можно было видеть необычные колебания энергии; при согласованном устремлении получалась напряженная сила. Таким образом, когда говорю о единении, имею в виду реальную силу. Пусть запомнят все, кому нужно запоминать».

«Психическая энергия в древности иногда называлась воздухом сердца. Этим хотели сказать, что сердце живет психической энергией. Действительно, как без воздуха человек не может прожить долго, так и сердце отходит от жизни без психической энергии.

Многие старинные определения должны быть пересмотрены доброжелательно. Люди давно замечали явление, которое теперь остается в небрежении».

«Намагничивание воды, поставленной около спящего человека, уже будет показателем выделения его излучений и отложением силы на предметах. Следует весьма внимательно отмечать такие отложения, они могут напомнить об обязанности человека наполнять окружающее прекрасными отложениями.

Каждый сон — не только наука для тонкого тела, но и рассадник психических отложений».

«Также показательны опыты над распространением силы отложений. Можно заметить, что энергия испаряется в разной степени. Некоторые сильные излучения могут действовать несравнимо дальше, если они будут посланы чистым мышлением. Итак, чистое мышление тоже не есть лишь нравственное понятие, но реальное умножение силы. Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки.

Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную — граница будет несуществующей».

«Наблюдения следует вести не только над согласованными привходящими, но также и над разъединяющими проявлениями.

Опыт ценен разносторонний. Невозможно предрешить при начале исследования, какие именно ингредиенты потребуются для усиления следствия.

Можно призвать сотрудничество самых неожиданных предметов, ибо свойства тончайших энергий не могут быть ограничены. Такая беспредельность возможностей несколько не нарушает научности исследования. Можно применить индивидуальные методы и такие новые проявления мужественно принять.

Никто не может указать, где кончается мощь человека. При этом не сверхчеловек, но именно самый здоровый человек может окрылиться счастливым достижением. В каждом обиходе может быть изучаема психическая энергия. Не нужно особых, дорогих лабораторий, чтобы воспитывать сознание.

Каждый век несет свою весть человечеству. Психическая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешимых для него проблем».

«Умейте терпеливо наблюдать, какие условия наиболее благоприятствуют опыту. Могут быть условия космические или на яркую световую окраску, или на минералы, или на явления животных».

«Можно наблюдать, как присутствие человека в соседней комнате может воздействовать на ток энергии. Ведь человек не дает себе отчета, как он настроен в данное время.

Можно наблюдать, что человек будет утверждать наилучшее свое настроение, но аппарат покажет раздражение или другие нехорошие чувства. Не из лжи человек будет скрывать внутреннее чувство, но чаще всего от неумения распознать свои ощущения».

«Кроме исследований психической энергии на цвет, испытывайте ее на звук и аромат. Можно получить показательные воздействия музыки, при этом замечайте и расстояние, и самые музыкальные гармонии. Много говорят о воздействии музыки на людей, но показательных опытов почти не производят. Можно заметить воздействие музыки на настроение человека, но это будет общим местом. Конечно, предполагается, что веселая музыка сообщает радость, а печальная — горе, но таких выводов недостаточно. Можно проверить, какая гармония наиболее близка психической энергии человека. Какая симфония может наиболее мощно влиять на успокоение или на вдохновение людей. Нужно испытывать различные музыкальные произведения. Само качество гармонизации даст лучшие указания о путях звука и жизни человека.

Также необходимо исследовать влияние ароматов. Нужно приближать как цветы пахучие, так и разные составы, которые должны возбуждать или понижать психическую энергию.

В конце концов, можно соединить цвет, звук и аромат и наблюдать сотрудничество всех трех двигателей».

«Люди, наконец, поймут, какие мощные воздействия их окружают. Они познают, что весь обиход их жизни проявляет великое воздействие на их судьбу. Люди научатся внимательно относиться к каждому предмету. Они окружают себя истинными друзьями и уберегутся от разрушительных влияний.

Так спасительная энергия поможет в переустройстве жизни».

«Обычно самому главному уделяют наименьшее внимание. Но мы не устанем твердить о том, что неотложно нужно человечеству. Среди таких кажущихся повторений мы утвердим желание познания. Люди слишком привыкли, что за них кто-то думает и что мир обязан взять их на попечение. Но каждый должен внести свое сотрудничество. Умение приложить свою психическую энергию будет постепенным воспитанием сознания»¹.

В семье, в школах, в общественной жизни будет утверждаться познание энергий. Искусство мышления во всей красоте опять сделается любимым спортом, истинными крыльями человечества.

14 Июня 1936 г.
Урусвати

*Рерих Н.К. Нерушимое.
Рига: Угунс, 1936*

---

¹ См. Аум, 377–386.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ким Смирнов. Закон звезды и формула цветка</i>	3
---	---

К ПРИРОДЕ

Радость искусству	21
Чаша неотпитая	30
К природе	34
Охота	41
Зверье	42
Флора	45
Питание	48
Фан Мемориал	51
Старинные лекарства	55
Ягиль	59
Урбанизм	63

БОЛЬ ПЛАНЕТЫ

Засуха	69
Насаждения	72
Боль планеты	75
Сад будущего	80
Добро	83
Да процветут пустыни	87
Доброкачественность	91
Крик пространства	93
Бичи	94

Больной год	97
Смерч	99
Бедная Земля	101

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ

Крылатая чума	105
Здоровье	108
Каменный дождь	112
Легкие трудности	115
Испытания	119
Предсказания	123
Неисчерпаемость	126
Свет опознанный	129
Знак эры	132

Редакционная коллегия:
Т.О.Книжник, Н.Г.Михайлова, Л.В.Шапошникова

МАЛАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Рерих Н.К.
Человек и природа

Составитель *Е.Б.Дементьева*
Автор предисловия *К.Н.Смирнов*

Зав. публикаторским отделом *С.А.Аникин*
Главный редактор *Т.О.Книжник*
Редактор *О.Е.Цветкова*
Младший редактор *И.С.Жарова*
Корректор *Л.П.Сидоренко*
Верстка *А.И.Дьяченко*

Подписано в печать 10.12.2004.
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура таймс. Печать офсетная. Печ. л. 8,75.
Тираж 3000 экз. Заказ .

Международный Центр Рерихов.
119019, Москва, Малый Знаменский пер., 3/5
E-mail: icr@roerich-museum.ru

Фирма «Полиграф-Эра»
Типография ОАО «Внешторгиздат»
127576, Москва, ул. Илимская, 7

ISBN 5-86788-134-X

9 785869 881342